

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Ш.А. Амонашвили,

*доктора психологических наук,
профессора, академика РАО*

В 20 КНИГАХ

Редакционная коллегия:

М. В. Богуславский, доктор педагогических наук, профессор,
член-корреспондент РАО (главный редактор);

В. Г. Александрова, доктор педагогических наук, профессор;

Д. Д. Зувев, профессор, член-корреспондент РАО;

В. Г. Ниорадзе, доктор педагогических наук, профессор,
академик АПСН

Рекомендовано:

Редакционно-издательским Советом

Государственной Академии Наук

«Российской академией образования»

(решение № 18/27 от 11.04.2011)

Москва

Амрита-Русь

20

Международный Центр Гуманной Педагогики

ОСНОВЫ ГУМАННОЙ ПЕДАГОГИКИ

~

Книга 6

Педагогическая симфония

Часть 2

Как живете, Дети?

2-е издание

Москва

Амрита-Русь

201

УДК 371
ББК 74.2
А62

Амонашвили Ш.А.

А62 Основы гуманной педагогики. В 20 кн. Кн. 6. Педагогическая симфония. Ч. 2. Как живете, Дети? / Шалва Амонашвили. — 2-е изд. — М. : Свет, 2018. — 256 с.

ISBN 978-5-00053-820-3

Вся жизнь и творчество Ш.А. Амонашвили посвящены развитию классических идей гуманной педагогики, утверждению в педагогическом сознании понятия «духовного гуманизма». Издание собрания сочинений автора в 20 книгах под общим названием «Основы гуманной педагогики» осуществляется по решению Редакционно-издательского Совета Российской академии образования. В отдельных книгах психолого-педагогические и литературные творения группируются по содержанию.

Шестая книга включает в себя три произведения: «Здравствуйте, Дети!», «Как живете, Дети?» и «Единство цели». Они посвящены подробному описанию занятий Ш.А. Амонашвили с детьми в школе и за ее стенами. В книге вы найдете рекомендации, как привить ребенку любовь к учению, желание совершенствоваться и помогать другим.

Эта книга, как и все издания, обращена к широкому кругу читателей: учителям, воспитателям, работникам образования, студентам, ученым.

УДК 371
ББК 74.2

ISBN 978-5-00053-820-3

© Амонашвили Ш.А., 2013
© Оформление.
ООО «Свет», 2018

I

Педагогическая муза

(1 сентября)

Стая добрых ласточек

На последнем уроке в подготовительном классе Илико предсказал, что за лето я получу 114 писем. Но я получил на 5 писем больше. Хотя не все написали мне письма — четверо из моих ребятишек, по всей вероятности, увлеклись игрой и путешествиями (какая же могла быть еще другая причина?) и позабыли обо мне. Зато от других я получил не по 3, а по 4–5 писем. Каждый день приносил мне весть о моих детях, и я в тот же день посылал ответные письма. Одновременно я взял карту Грузии и отмечал на ней города и села, из которых шли ко мне письма. Почти со всех концов Грузии они сообщали мне, как живут, чем заняты, что их радует и огорчает. Письма я получал даже из-за границы.

Теперь эту карту я вешаю на стене в коридоре, а перед ней на столике раскладываю все 119 писем. Не успел я покончить с этим делом, как появились первые двое из тридцати восьми, Тея и Лери — сестра и брат. Они пришли на час раньше и, увидев меня, одновременно воскликнули: «Шалва учитель!» — и четыре окрепшие за лето руки притянули меня к себе.

— Как вы повзрослели! Как загорели! — удивляюсь я, внимательно и с восхищением разглядываю каждого.

— Вы были все время в Тбилиси? — спрашивает Тея.

— А мы камушки привезли для аквариума! — говорит Лери. Вот все, что мы успели сказать друг другу, как в коридоре показались сразу трое — Лела и оба Дато. Через минуту — Магда и Вова. Еще через минуту — обе Эки, Элла, Бондо, Гига, Сандро. А потом и все остальные. Каждый спрашивает меня:

— Как вы себя чувствуете?

— Бодро! — говорю я всем.

— Чем вы занимались все это время?

— Готовился к встрече с вами.

— Как вы отдохнули?

— Работал и читал книги, писал ответы на ваши письма.

— Что у вас нового?

— Вы сами увидите!

— Какие у нас будут дела в школе в этом году?

И я отвечаю:

— Большие, очень большие!

Со своей стороны, я расспрашиваю каждого, как он (она) провели первые в жизни каникулы.

— Купался в море!

— Читал книги!

— Помогал бабушке в деревне!

— Упал с дерева, но, к счастью, не свернул себе шею!

— Играл с сельскими ребятами!

Далее я интересуюсь, что у них нового:

— Переселились на новую квартиру!

— Как хорошо! Поздравляю!

— Отец хотел перевести меня из этой школы, там близко от нашего нового дома есть школа, но я отказался. От вас я никуда не уйду.

— Меня повели к врачу.

— Ну?

— Он дал лекарство и сказал, что ничего страшного, все пройдет!

— Очень хорошо!

— Скончался мой дедушка, мой сказочник...

— Да? Очень жалко его. А мы ему послали рисунки...

— Мне купили конструктор, можно строить подъемные краны, разные автомобили!

Детской и моей радости нет конца. Вижу: каждый повзрослел и физически (вытянулся на 2, а то и на 4–5 см) и умственно.

— А вы получили мои письма? Я вам 4 письма написала!

— А мои?

— Я из Праги вам послала письмо! Получили?

— Я тоже послал письмо из Цинандали!

— Это наши письма, что на столе?

— Ой, сколько их!

— А эта карта для чего висит?

Я отвечаю каждому словом, кивком головы, улыбкой.

— Знаете, о чем мне говорит эта карта? — все сразу стихли, уставились на карту. — Я отмечал на ней, из каких городов и сел получал ваши письма: из Батуми, Кутаиси, Сухуми, Сигнахи, Телави, Цинандали, Зестафони, Зугдиди, Местия... Все лето ко мне шли письма почти со всех концов Грузии...

Дети смотрят на карту, а я показываю им места, где они находились, и продолжаю:

— Каждое из ваших писем доставляло мне большую радость. Представьте, открываю свой почтовый ящик, а там 3 или даже 4 радости сразу — от Илико, от Эллы, от Гиги, от Зурико, от Магды, обеих Елен, от Котэ...

Майя: «От меня тоже 3 радости!»

Марика: «Я вам свою карточку послала, брат меня сфотографировал, когда я читала книгу!»

Гоча: «В моем письме был рассказ. Вы его читали?»

— Я читал все... Ваши письма лежат на столе... В них так много интересного!

Сандро: «А как Ваше письмо нас порадовало, знаете?»

Ния не выдерживает.

— Знаете, я все собиралась вам написать, но не смогла! — оправдывается девочка.

— А что тебе помешало? — с упреком говорит ей Магда.

— Еще не поздно, можешь написать письмо сегодня и послать мне по почте. Через два дня я его получу и прочту! — успокаиваю я Нию.

— Тогда я тоже напишу вам письмо сегодня! — развеселился Дато.

— Я тоже! — радуется Нато.

Тем временем Элла успела в куче писем отыскать свое.

— Вот мое письмо! Это я написала из Сухуми!

Она достает из конверта письмо и читает с большим любопытством, смеется, видимо вспоминая что-то, связанное с недавним прошлым.

— Почему вы не ответили на мое письмо? — тихо спрашивает Виктор.

— Найди свое письмо, и я скажу!

Виктор вместе с другими просматривает письма.

«Неплохо, дети, мы потрудились за лето! — думаю я про себя. — Какое значение имели для меня ваши письма? Вы и представить не можете, очень большое! Во-первых, меня, правда, радовало каждое ваше письмецо, всего 5–6 строк; в них проявлялась ваша сердечность к своему учителю. Во-вторых, я теперь больше знаю о каждом из вас: кто чем увлечен, у кого какой жизненный опыт накопился, кто на что, оказывается, способен. Эти знания мне очень пригодятся, вот увидите. Посылая письма, вы тем самым помогали мне в своем же воспитании. А мои ответы на ваши письма делали наш педагогический процесс, наше общение непрерывным. Ведь доставляли они вам радость общения со мной, возбуждали в вас нетерпение скорее вернуться в школу?»

— Вот мое письмо! — говорит мне Виктор.

— А ты сам догадайся, мог ли я написать тебе ответ. Виктор внимательно рассматривает конверт, достает письмо.

— А ты написал Шалве Александровичу обратный адрес? — спрашивает его Эка. — Вот видишь, нет обратного адреса, как же он мог написать тебе письмо!

Виктор догадывается, в чем дело, и краснеет.

Майя тоже усердно ищет свои письма среди 119 писем. А я наизусть помню, что она написала мне в своем третьем письме:

«Дорогой Шалва Александрович! Я соскучилась по вам. Знаете, что тут случилось? На пляже я увидела дельфина. Вы же нам говорили, что дельфины добрые, помогают людям. Этот маленький дельфин был мертв. Видимо, какой-то злой человек убил его. Каждую ночь мать оплакивала его. Я тоже много плакала. Скажите, что нужно, чтобы злые люди не смели убивать дельфинов?»

В тот же день я написал девочке:

«Милая, добрая Майя! В нашей стране никто не посмеет убить дельфина. По всей вероятности, с маленьким дельфином случилась трагедия, и он погиб. Но будет хорошо, если ты разузнаешь все об этом случае, и если сочтешь нужным, то напиши письмо местным властям о том, что жителям Леселидзе следовало бы проявлять больше внимания и заботы к дельфинам.

Ты, наверное, выросла, загорела? Я сейчас читаю педагогические и психологические книги, уже составил план нашей совместной работы в классе. Очень хочется скорее увидеть тебя и твоих товарищей».

— Я нашел свое письмо! — радуется Зурико. — Вы его читали? В начале июня мальчик писал мне из Зестафони:

«Дорогой мой и любимый учитель! Как выживаете? Хотите знать, чем я занят? Шалостями. Но вы не пугайтесь, ничего плохого я не делаю. Нашел здесь хороших друзей. Одна наша соседка, тетя Дарья, тоже учительница, знает вас. Она попросила меня передать вам привет. Здесь весело, много фруктов. С нетерпением жду встречи с вами!»

Я послал Зурико книгу о Томе Сойере и написал:

«Это моя любимая книга. Том такой же шалун, как ты. Прочти книгу вместе со своими друзьями. Приедешь, верни ее мне. Передай от меня привет тете Дарье. Она замечательная учительница, добрый человек. И скажу тебе по секрету: она ведь одинокая женщина, помоги ей в чем только сможешь, будь к ней внимателен и заботлив. Напиши, пожалуйста, речка Квирила такая же грязная и черная или ее уже очистили? А желтый дым от завода так же стелется над городом или уже установили очистительное устройство? Еще хочу знать, как ты сейчас выглядишь: наверное, загорел и возмужал, не правда ли?»

Магда тоже разыскивает свои письма. Их — 4. О ней я знаю все: за лето прочла несколько детских книг, отдыхала в Пасанасури, пила местную минеральную воду, бегала по берегам Арагви, чуть не сломала себе ногу, помогала бабушке ухаживать за маленьким братиком, сочиняла сказки, собрала и высушила листики деревьев, полевые цветы («Они очень красивые, я привезу их вам!»). В каждом письме она передавала мне приветы от бабушки, мамы, папы, тети, соседей и даже от полуторагодовалого Алика. В конце письма же обязательно спрашивала: «Как вы поживаете? Как поживают члены вашей семьи?» В ответ я послал ей 4 письма — радовался ее доброму поведению, просил больше писать о братике, о бабушке, о красоте Арагви, о названиях деревьев и полевых цветов, листики которых она собирает, нарисовать местные пейзажи и т.д. и т.п. Вот она уже нашла одно свое письмо и тоже радуется.

Почему дети так радуются своим же письмам? Не потому ли, что вспоминают совсем недалекое прошлое?

Дело, конечно, вовсе не в этом. А в том, что их письма действительно пересекли расстояния, на конвертах почтовые штемпеля, они получены мною, я их вскрыл, прочитал. А теперь они видят, что в них я что-то подчеркнул зеленым фломастером (значит, заинтересовался, порадовался), где-то поставил восклицательные знаки, где-то приписал: «Как хорошо!», «Вот радость!», «Спасибо тебе!», «Умница!», «Ах ты,

шалун, что мне с тобой делать!». Значит, их письма, как ласточки, приносили мне радость, не давали скучать по своим детям, меня радовали их старания, доброта, даже шалости. И, кроме того, ведь каждый автор письма помнит, что я ему писал в ответ. В своих ответных письмах я избегал быть сухим дидактом. Просто разговаривал с ними наравне, делился мыслями, сообщал, чем сейчас занят. И каждый ребенок, получив ответное письмо, не мог не почувствовать, что его письмо доставило мне радость. Видят, чувствуют, понимают теперь все это дети, и потому их так радуют свои же письма.

Подлинно человеческую радость можно пережить тогда, когда видишь, что доставил радость другому человеку.

Потому мы сегодня рады — и я, и мои ребяташки. Даже Нико роется в куче писем — ищет свое письмо, которое он так и не послал мне, но, может быть... «Нет, мальчик, ничего своего там ты не найдешь! Ты огорчен этим, не правда ли? Мог же ты написать мне хоть одно слово? Но ты увлекся своими путешествиями. А теперь надеешься на чудо, верно? Теперь жалеешь, что не послал мне сразу 10 писем, не так ли? Ну что же! Ты и еще пожалеешь об этом, когда я на будущих наших уроках, почти в течение всего учебного года время от времени стану читать письма твоих товарищей или ссылаться на них как на источники интересных сведений!»

Эти 119 писем, присланные вами, дорогие дети, и почти столько же моих ответных писем не дали остыть за лето нашей дружбе. Все лето они летали между нами, неся с собой маленькие весточки с большой радостью, они позволили нам раскрыться друг перед другом и потому еще больше сдружили нас.

«Жаркие» каникулы

За эти 100 каникулярных дней дети стали трудноузнаваемы. Они, конечно, выросли, и этого я ожидал, кто-то поху-

дел, кто-то, напротив, пополнил, цвет лица у большинства из них — загорелый. Но я имею в виду не только это.

Что это за длинный промежуток времени? Школа приостанавливает свою воспитательную работу. Значит, образуется вакуум в воспитании? Нет, скажет иной педагог, дети уходят с наставлениями, как себя вести, с заданиями наверстать упущенное и закрепить приобретенное — упражняться в каллиграфии, орфографии, в решении задач и примеров, списывать, заучивать...

Но каникулы есть каникулы — этим латинским словом определяется для детей содержание лета, наиболее «жарких» дней в году. Они действительно жаркие, может быть, не в буквальном, а в переносном смысле — обязательно. У детей сразу появляется так много дел и забот, что они забывают обо всем остальном, забывают о том, что нужно каждый день по 2–3 часа заниматься: списывать, выполнять упражнения, решать задачи. Кому же тогда бегать, прыгать через скакалочку, кататься на велосипеде, шушукаться с друзьями, устраивать походы, собирать конструкторы, мастерить стулья, раздевать и одевать куколку, смотреть телепередачу, строить башни, разбирать электрические игрушки, спорить с кем-то, оправдываться перед кем-то, а порой просто сидеть у окна и считать дождевые капли на стекле или же, лежа в постели и затаив дыхание, слушать папину (мамину, дедушкину) сказку?

Все эти дела — жизненно важные, и при их выполнении не раз придется нарушить наказания старших. Взрослые — занятые люди, они с трудом находят время, чтобы побыть с собственными детьми, поиграть вместе с ними, искупаться в речке, подняться на гору. И, кроме того, зачем все это? Все это, по мнению взрослых, чепуха по сравнению с книгой, спокойной игрой.

Почему ребенок разбирает электрическую игрушку? По той же причине, по которой пятилетний Володя Ульянов хотел разобрать механическую игрушку. Ребенок чувствует: для

.....
него разобрать сложную игрушку с какими-то тайными механизмами важнее, чем играть ею как предписано.

— Нет, — скажет взрослый (папа, мама, бабушка, дедушка), — нельзя! — и отнимет у него эту игрушку и, может быть, даже спрячет ее, чтобы уберечь от порчи.

Но ребенок живет по своим законам, нельзя ему иначе жить.

«Без разрешения!»

А почему мы ему не разрешаем, больше запрещаем, чем даем разрешение на что-то?

И к каким бы объяснениям мы ни прибегали для своего оправдания, действительность будет состоять в том, что нам просто некогда. У нас тоже есть свои заботы и развлечения, и сквозь них дела детей нам кажутся глупостью, ненужной забавой.

Одно дело, если они занимаются музыкой, читают книги, рисуют, тихо-мирно рассказывают друг другу сказки! Это им, конечно, разрешается! Разумеется, потому, что мы в это время можем спокойно ходить к своим друзьям с поздравлениями, веселиться или играть в шахматы с соседом или смотреть новый кинофильм, на который дети до 16 лет не допускаются. Не так ли?

Но, друзья-взрослые, что же такое получается?

Я вам прямо скажу: во всех этих случаях получается то, что за счет замедления действительной жизни детей мы выигрываем время для удовлетворения своих (боюсь сказать — эгоистических) потребностей.

«Без разрешения!»

Ну, конечно, ребенку не все можно разрешать, но и запрещать все тоже нельзя.

«Дорогой учитель! Мне не о чем вам писать. Мама не выпускает меня со двора. А двор маленький. И сельские девочки не приходят ко мне. Мама говорит, что они могут отнять у меня время. Каждый день мы с мамой упражняемся в письме, решаем задачи. Мама говорит, что вы будете очень доволь-

ны моими успехами. Я очень соскучилась здесь. Не надо было никому придумывать каникулы».

Это письмо написала мне Кетино, у которой, я вижу, бледное лицо, тусклые глаза. Письмо я получил совсем недавно, и потому не успел ответить — не ей! а ее матери, строго требуя от нее жить жизнью своей дочери, а не так, чтобы детскую жизнь приспособлять к условиям спокойной и невозмутимой жизни матери.

Ну, хорошо, будет писать Кетино красиво, не будет допускать ошибок в сложении и вычитании. Но разве это все? А что она скажет нам в классе, когда я дам детям задание: «Расскажите о ваших новых друзьях, которых вы приобрели во время каникул?»

Она не поднимет руку.

Что же она мне напишет, когда я дам детям сочинение: «Лето есть лето!»?

Она напишет красиво о том, что ей не о чем писать. Какие ассоциации могут всплыть в памяти девочки, когда на уроке мы будем изучать стихи и рассказы о селе, сельской жизни, о сельских ребятах?

Какими впечатлениями ей делиться с товарищами — может быть, выдавать за правду небылицы?

Но кому будет интересно выслушивать их и кто ей поверит? Только богатый опыт рождает богатую фантазию — это же психологический закон! И дети верят в такие плоды воображения и вымысла, которые опираются на жизненную правду, — это тоже закон, но уже педагогической психологии. И Кетино будет чувствовать себя неловко среди товарищей и подруг, она станет пассивной, а я, не узнав настоящих причин, могу воспринять это как ее личностную черту.

Вот какая может произойти педагогическая ошибка! В письме Кетино я нашел шелуху от семечка. И мне представилось, как она щелкает семечки (а что другое делать, ежели нечего делать!), скучает, капризничает. А если она сдалась и примирилась с неестественной для себя жизнью, то ее духов-

ный мир, значит, не обогащается, значит, взросление ее замедляется! Три месяца каникулярного вакуума взросления ребенка, подумать только!

Мысли, которые вдохновляют

«Вечная» проблема педагогики?

— *Куда ты собрался?*

— *Никуда не собрался.*

— *Если никуда не ходишь, как ты дни свои проводишь?*

В школу иди. Знание читай. Задачи решай... Как домашнее задание свое окончишь, тогда ко мне иди. Что сказал я, ты понял?

— *Да, я понял и могу ответить.*

— *Ну и отвечай.*

— *Ну и отвечу.*

— *Так говори же.*

— *Ну и скажу.*

— *Быстрее скажи же!*

— Чтобы в школу я ходил, ты мне говорил. Чтобы уроки отвечал. Уравнения решал. Чтоб, когда я задание сделаю, то к тебе бы шел. Вот что ты мне сказал.

— Ну так ступай же, будь человеком. На площадях не торчи, не шляйся, по улицам не слоняйся... Для тебя я стараюсь! Если уж я тебя наставляю, не должен ли младший им подчиниться? Учись у меня, учись у старших! Так, как я о тебе забочусь, никто о сыне своем не заботится! По одаренности природой никто ведь не может с тобой сравниться! Ты поступаешь, как бездельник. Леня твою, ложь твою не принимаю! Сколько из-за тебя беспокойства! А ведь никогда я тебя на тростник, носить тростник не отпиривлял... За быками моими идти я тебе не приказывал... А ты денно и ночью все веселишься! Вся твоя работа — скакать и пры-

*гать! Для этого только ты и пригоден! Но Я заставлю тебя
возвратиться!*

**Соломон. Антология Гуманной Педагогики
(Возраст этой записки о «педагогической трагедии»
более 3800 лет)**

Ему же никогда, никогда не наверстать упущенного! Этот вакуум отнял у ребенка много радостей, отнял, может быть, невосполнимую возможность полноценно проявить свои способности!

Из чего, в конце концов, строится личность? Разве так трудно заметить, как прочно она опирается на жизненный опыт детства! Моя забота в том и состоит, чтобы помочь детям обогатиться жизненным опытом детства, ибо хорошо знаю: **чем многограннее у ребенка жизненный опыт детства, тем успешнее можно вплетать в него богатейший опыт человечества.**

Хочу закрепить эту мысль: речь идет не о том, чтобы жизненный опыт детства подогнать под опыт человечества, и не о том, чтобы сделать наоборот. Речь идет совсем о другом.

Многогранный жизненный опыт детства есть благодатнейшая почва, и посеянные в ней очищенные семена богатого опыта человечества могут дать редчайший урожай — *неповторимую личность.*

Каникулы, таким образом, — это не вакуум в воспитании детей, а сама жизнь — богатая, полная походов, порой опасных, порой смешных, удивительных, увлекательных, но познавательных. Не проживешь их, как диктует закон детской жизни, не будешь лазить по скалам, ходить по лесу, прыгать с обрыва, спускаться в темный подвал — станешь маменькиным сыночком, трусишкой. И надо еще, конечно, читать, чтобы обогащать свою жизнь, надо читать о Томе Сойере не

для того, чтобы знать, как он жил, а для того, чтобы самому стать современным Томом Сойером.

Но разве только этим заполняется жизнь детей в каникулярное время? А какое множество поручений и просьб родителей, дедушек и бабушек, близких и соседей надо еще выполнять? И во всех этих делах, жизненно важных делах, они растут, общаются, познают мир, обогащаются опытом. Так и становятся каникулы «жаркими» для детей. А тут: «Решай! Списывай! Зубри! Наверстывай упущенное!»

Ох, эти наивные учителя! Как будто они сами прямо так и родились — с программами и конспектами уроков в руках да еще длинными-преддлинными списками своих будущих учеников! Как будто так и шагнули в педагогическую жизнь, не прожили ни одного дня в мире детства, не бегали вдоль речки в коротких штанишках и юбочках. Не будь «жарких» каникул, в школу вернулись бы дети, задержанные в своем движении к взрослению. Мыслимы ли успешное учение и радостная жизнь ребенка в школе без его собственного, личностного богатого опыта детства? Многие из моих ребятишек вернулись в школу переполненные впечатлениями. Часть их отражена в этих 119 письмах, часть скоро отразится на этой двухметровой белой бумаге, которую я уже приклеил в коридоре: каждый, кто захочет, нарисует на ней цветными фломастерами то, что больше всего запомнилось в дни летних каникул. Большая часть накопленного опыта будет систематизирована в виде рассказов и сказок, которые дети будут сочинять устно и письменно. А самое главное, опыт этот всегда будет обогащать и оживлять наши уроки, познавательную жизнь детей.

Почему мои дети стали трудно узнаваемыми?

Потому что их преобразил новый жизненный опыт детства, в котором немаловажную роль сыграло и то, что они уже имели за собой 170 дней жизни в подготовительном классе, и то, что у меня была с ними постоянная переписка в течение всего лета. Они повзрослели не только внешне, но и внутренне.

О самом главном

Звенит звонок первого урока. Я открываю двери классной комнаты. Она убрана и чиста, выглядит торжественно: на подоконниках — цветы, на партах — новые учебники.

— Мальчики, вы не забыли, что вы мужчины? — напоминаю я мальчикам наше правило уступать место девочкам, пропускать их вперед.

— Нет! — отвечают мальчики радостно. Девочки входят в класс и занимают свои прежние места. За ними следом входят мальчики. Через минуту вхожу и я. Дети встают.

— Здравствуйте, дети!

И в классе раздается такое единодушное, доброе, сильное «Здравствуйте!», что стекла окон начинают дребезжать.

— Садитесь!

— На парте у каждого из вас лежат новые учебники по родному языку, по русскому языку, по математике. На втором уроке вы познакомитесь с каждым из этих учебников, и я расскажу вам, чем мы будем заниматься в этом году. Вы можете сдержать себя и не трогать пока учебники?

— Да!

На втором уроке я поговорю с детьми, чему они должны научиться в 1-м классе, какие у нас могут возникнуть трудности, как мы должны помогать друг другу. Они ознакомятся с учебниками, и я расскажу им, что в них интересного, отвечу на их вопросы. Но сейчас, на первом уроке, я займусь давно задуманным и самым важным делом. Урок этот я вынашивал в течение всего лета, и у меня несколько вариантов его содержания.

Тридцать восемь пар глаз, полных любопытства, радости, ожидания чего-то интересного, уставились на меня.

Но что со мной происходит? Ну, конечно, я волнуюсь, хотя дело вовсе не в этом! Я же обдумал все мелочи этого урока, подготовил наглядный материал. «Давай начни, не отходи от намеченного плана!» — говорю самому себе, но внутреннее

чутье, которое и раньше не раз неожиданно посещало меня и которое порой заставляло прямо на ходу менять свои намерения, и теперь подсказывает мне сделать все по-другому.

Я благодарен этому чутью, этой силе, которая мне хорошо знакома, но не могу дать ей точного определения и описания. Может быть, она и есть, рискну сказать, педагогическая муза, педагогическое озарение? Но почему именно сейчас, когда у меня не остается ни секунды на обдумывание нового содержания урока? То, что у меня записано в партитуре давно заготовленного урока, совсем неплохо, и урок, по всей вероятности, получится интересным, там мне все ясно. А то, к чему меня тянет эта неожиданная «педагогическая муза», пока окутано туманом. Туман этот, наверно, постепенно рассеется по мере того как дети будут воспринимать творимое мною перед их глазами «произведение» (хотя они этого не заметят). Не в силах противиться ее воле, я обращаюсь к детям:

— Хочу рассказать вам сказку, вы не против?

— Не против, не против, расскажите сказку! — радуются дети.

Радостью дышат их лица. Может быть, эта радость, эти доверчивые детские глаза и есть первопричина возникновения «педагогической музыки»?

Мои дети ждут обещанной сказки. Ее я сочиню сейчас, и в ней будет жить каждый из них.

— Итак, сказка... Садитесь поудобнее и слушайте!

Сам же погружаюсь в свой внутренний мир в поиске сказки, чеканю каждую фразу и говорю шепотом, медленно, так, чтобы образы, возникшие во мне, возникли и в детях.

— *Мальчик, улегшись спать, размечтался перед сном. «Вот скоро стану взрослым, и что же я сделаю для людей? — думал он... — Я подарю всем жителям планеты Земля что-нибудь самое Прекрасное, чего никогда не было и не будет...» И начал он перебирать, какую такую Красоту подарить людям. «Построю Великолепный Храм... Но нет, храмы уже построены, их много... Может быть, сочинить Песню Пре-*

красную? Нет-нет, песен тоже много... Лучшие изваять Великолепную Скульптуру! Но ведь и их тоже много... Значит, все прекрасное уже сотворено? Что же осталось на мою долю?» И Мальчик загрустил...

Вижу и чувствую — и мои ребяташки тоже загрустили. Ведь всем своим существом я внушаю им, что каждый из них есть этот Мальчик. Выдерживаю паузу, ищу в себе продолжения сказки.

— Так и заснул он со своей грустью... И увидел сон...

«Дети мои, это сон каждого из вас, сон наяву. Пожалуй-ста, выпитывайте его в себя», — обращаюсь к детям мысленно.

— Пришел к нему Мудрец, и говорит: «Ты хочешь подарить людям Самое Прекрасное?» «Да, — с жаром ответил Мальчик, — очень хочу!» «Так подари, что медлишь?» — сказал Мудрец. «Но что, что? Все прекрасное и великолепное, что я задумал, уже сотворено! Для меня ничего не осталось!» — с грустью произнес Мальчик. «Скажи мне, что ты такое задумал?» — спросил Мудрец.

«Ну как, дети, видит ли ваш духовный взор этого Мудреца? Откройтесь ему, он вам поможет», — опять посылаю мысли к детям. Они затаили дыхание, а я выдерживаю паузу.

— «Вот, скажем, хотел построить храм, но все храмы уже построены...» — сказал Мальчик. «Нет, — ответил Мудрец, — не хватает одного-единственного Храма, и его можешь построить только ты...» «Хотел сочинить песню, но ведь песен тоже очень много!» — продолжал Мальчик. «Нет, — прервал его Мудрец, — людям не хватает одной единственной Песни, и ее можешь сочинить только ты, и сам спеть ее в том Храме...» А Мальчик продолжал свое: «Думал еще изваять великолепную скульптуру, но разве осталось что-либо не изваянное?» «Да-да, — сказал Мудрец, — не изваяна одна-единственная Скульптура, которая так нужна людям, и можешь изваять ее только ты и украсить ею Храм свой!» «Как это?! — удивился Мальчик, — Всего этого ведь очень, очень много?» «Много, — согласился Мудрец, — но всей

Красоте Мира не хватает только одного Великолепия, творцом которого можешь стать только ты и никто другой!» — торжественно произнес Мудрец. «И что же это за Великолепие, которое выпало на мою долю?!» — взмолился Мальчик.

«Ну как, ребята, — размышляю я про себя, — вы поняли, о каком Великолепии идет речь? Может быть, прервать на этом сказку и предложить вам самим найти разгадку? Но нет, вся моя интуиция наставляет меня на этот раз: до конца раскрой суть мысли, дай детям полный образ, не разнеси его в клочья в поисках мнимой детской активности и самостоятельности». И, продолжив после короткой паузы, я чувствую, как духовный взор детей жаждет пищи.

— *Мудрец посмотрел в глаза Мальчику и произнес таинственным шепотом: «Храм есть Твое Сердце, сделай его благородным... Песня есть Душа Твоя, утончай свою Душу... Скульптура есть Воля Твоя, изваяй свою Волю... И получит планета Земля и вся Вселенная Красоту, которую еще не познал никто, и которую ждут все. А творцом ее можешь стать только ты...» Мудрец исчез в своем небесном сиянии, а Мальчик проснулся. Грусть осталась во сне. Он улыбнулся Солнцу и прошептал благоговейно: «Теперь я знаю, какую Красоту я подарю людям!»*

Сказка закончена.

Ну, милые, дорогие мои, мой Бондо и моя Лелочка, мой Илико и моя Ния, мой Ладо и моя Русико... И ты, Гоча, шалун ты мой, и ты, Марика, моя усердная ученица... И ты... И каждый... О чем вы думаете сейчас? Вы поняли, хорошие мои, мой намек на то, какую педагогику я собираюсь творить с вами и с вашей помощью, с какими намерениями я встречаю вас? Вы думаете? Прекрасно! Паузу эту, в которой я слышу шуршание ваших мыслей, я не прерву, ибо она сейчас сделает больше, чем любой хвалебный метод воспитания.

II

Он не Робинзон какой-нибудь...

(10 октября)

Концерт для родителей

Раннее декабрьское утро. Холодно. Моросит дождь. На улице грязь. Я шагаю по парку медленно и осторожно, чтобы не запачкаться. В такую скучную погоду школьный день может получиться тоже скучным, если не внести в жизнь детей что-то интересное, увлекательное и радостное.

А таких дней за последние два месяца оказалось больше, чем солнечных. Как-то затянулась первая половина учебного года. Вот придет весна (март, апрель, май) — и тут же улетит, как ласточка, а октябрь, ноябрь, декабрь все тянутся и тянутся.

Эти две половины учебного года отличаются друг от друга разным психологическим настроением и детей, и учителей, и родителей. Вначале всем кажется, что учебный год только начался и конец его так далеко, что не стоит спешить. А когда «можно не спешить», возникают такие опасные ситуации: учителя позволяют себе дольше задерживаться на том или ином учебном материале и растрачивают время, которого потом, во втором полугодии, уже не хватит; родителями овладевает олимпийское спокойствие — пока ничего страшного, а если что, то времени хватит, все исправится; дети же сначала будут адаптироваться к школьной жизни после летних

каникул (тем более что учителя еще долго будут держать их в кругу повторения программ предыдущего года), а затем медленно возьмутся за серьезное учение.

И вдруг наступает вторая половина учебного года. «Вдруг» не в том смысле, что никто не замечает, как подкрадывается новый год. Нет, это все прекрасно видят, готовятся и ждут с нетерпением: в школе, в семьях прошумят новогодние праздники, утренники, балы и карнавалы. А в том смысле, что конец учебного года уже никому не покажется где-то за горами, наоборот, он настолько реально приблизится, что все сразу засуетятся: надо спешить, надо успеть.

Тут подоспеют и коварные месяцы — март, апрель, май, они принесут всем весеннее настроение. Дети меняются, как сама природа, и их все сильнее тянет на улицу, в парк, во двор.

Да, я уверен: психология детей, родителей и учителей отчасти зависит и от солнечного или пасмурного дня, и от времени года, и от первой и второй половин учебного года, она зависит даже от того, который час дня.

И надо все это учитывать. Приведу пример.

Зимой детям трудно рано вставать, и потому они часто опаздывают в школу. Родители порой приводят их не совсем проснувшимися. Это период, когда многие учителя ведут нескончаемые, каждодневные беседы, что опаздывать нельзя, что надо рано вставать, кого-то наказывают, кого-то не допускают на урок и требуют привести родителей.

Но многие учителя, по опыту зная, как меняются дети в зависимости от того или иного временного периода, по всей вероятности, поступают так же, как я. Чувствуя приближение этих перемен, я заблаговременно созываю родителей, объясняю им влияние наступающего времени года на психику детей, с помощью конкретных примеров показываю, какие могут быть нежелательные последствия этого, даю советы, как поступать, чтобы предупреждать их. Говорю родителям и о том, что зимой дети легко простуживаются, затем долго

болеют и пропускают школу, значит, необходимо оберегать детей от простуды, от гриппа.

Первая половина учебного года у меня пока заканчивается нормально. Заболела только Елена, пропустив три дня, а к началу урока редко кто опаздывает.

Физзарядка

Школьный день мы начинаем с физзарядки. Это веселое и хорошее зрелище.

За 5 минут до звонка наши маленькие колокольчики призывают всех построиться в коридоре, включаем веселую ритмическую музыку, и Лери или Нато, Вахтанг или Тея начинают командовать. А эта группа детей умеет командовать. Мы их специально послали к главному физруку школы, чтобы они прошли курс проведения физзарядки. Скоро к ним присоединятся еще две группы в составе 10 ребятшек. Все они — наши «инспектора» физического здоровья.

— Первое упражнение: руки вверх — в сторону! Начали! Раз и... Два и!

Сегодня, по-моему, дежурит Лери. Он и будет командовать нами. Дает команды четко и выразительно, с нужными паузами. Показывает новое упражнение так красиво, серьезно, да еще с объяснением того, что оно развивает в каждом из нас, что поневоле увлекаешься занятиями физической культурой, да, культурой, когда знаешь, как и зачем нужно тренировать свое тело. Я стою в последнем ряду. Не вмешиваюсь в дела «инспектора», каждый может оглянуться и увидеть, как я старательно выполняю все команды.

— Следующее упражнение... Начали! Раз и... Два и!

Кто-то в это время стоит у проигрывателя, своевременно включая и выключая музыку. А мы сгибаемся — вправо, влево, вперед, назад, медленно опускаемся на корточки и так же

медленно выпрямляемся, хлопаем в ладоши. Окна в коридоре открыты, пусть ветер, пусть холод — ничего.

Все заканчивается тем, что мы начинаем ходить на месте под песенку «Дважды два четыре», подпевая ей. С ней дети входят в класс, занимают места у своих парт.

— Группа, стой! Раз-два!

Эта команда раздается перед последними тактами веселой песенки. Я вхожу в класс последним, и Лери докладывает мне громко и весело:

— Уважаемый Шалва Александрович! Мы с нетерпением ждем начала занятий. Правда, ребята? — обращается он к классу.

— Да! — гудит класс.

Сонливость прогнана, у всех бодрое настроение. А там, за окнами, которые, кстати, мы уже закрыли, моросит дождь, холодно, скучно.

— Спасибо, инспектор! — говорю я Лери и жму руку. — Здравствуйте, дети! — обращаюсь ко всем. — Садитесь! У нас сегодня много дел. Давайте начнем, не теряя ни минуты! Только скажите, какой сегодня день? Какое число? Какой месяц? Какое время года? Какой год? И наконец, который час?

Этот последний вопрос я задаю детям перед началом каждого урока, а также во время уроков. Стенные часы (подарок родителей), красивые, круглые, с ярким циферблатом, висят у нас над доской.

— Восемь часов тридцать минут! — отвечают мне дети, и все они уже заряжены не только физически, но и психологически, морально. Они готовы к походу в мир знаний, до начала физзарядки они успели посмотреть, что у меня записано на доске. Но вдруг кто-то приоткрывает дверь:

— Извините, опоздал! — говорит.

Было всего несколько случаев опоздания на урок, и ни разу не пришлось мне читать опоздавшему нотацию. Детское единодушное — «О-о-ой!», полное возмущения, по силе воздействия превосходит мои педагогические меры, припрятанные для таких случаев.

Углубление и усовершенствование

Вся первая половина учебного года шла у нас медленно и основательно. Мне представляется, есть существенное различие между подготовительным классом и остальными начальными классами. Оно заключается в том, что все три года последующего обучения ведется углубление, расширение, раскрытие, распознавание того, к чему прикоснулись дети в подготовительном классе.

Подготовительный класс можно сравнить с дворцом: вот вошли ребята в удивительно красивый дворец и вдруг увидели множество интересных вещей. Им дали возможность потрогать все, ответили на их вопрос: «Что это?» Они узнали названия этих вещей. Им объяснили, как брать в руки тот или иной предмет. А далее, в течение трех лет, им подробно рассказывали, что собой представляет каждый из этих предметов, кто их создал, для чего, чем один предмет отличается от другого, учили практическим навыкам пользования этими предметами, умениям разобрать и собрать тот или иной предмет. Дети заглядывают уже вовнутрь сложного механизма предмета и ищут ответы на сложные вопросы: «Почему это так? А если бы было иначе? От чего это зависит?» и т.д. и т.п. И если вначале ребенок с широко раскрытыми от удивления и восхищения глазами просто рассматривал все, то теперь он вникает в сущность, содержание увиденного.

Чему научился ребенок в подготовительном классе?

Научился читать и писать. Но только на самом элементарном уровне.

Был решен вопрос уметь (да еще и не в полной мере) читать и писать.

Но хотеть читать и писать — более высокий уровень, чем уметь читать и писать.

Для его достижения надо учить детей владеть универсальными способами познавательной деятельности.

Надо углубляться. Углубление в знания требует гораздо более сложного познавательного напряжения, чем знакомство с ними. Каждая школьная ступень, по моему убеждению, должна вести детей вглубь знаний.

Углубляться в знания, совершенствовать навыки и, самое главное, возбуждать в детях совершенно иного рода хотение. Да, иного рода! Дети и в подготовительном классе хотели научиться читать, писать, считать. Но в действительности их влекли не сами знания, а процесс, в котором происходило усвоение знаний. Конечно, этот процесс и впредь должен сохранять и усиливать свою притягательную силу, но прежнее хотение должно быть заменено хотением и пристрастием познавать, овладевать, уметь.

С первого же дня нашей встречи я прямо сказал детям:

— В подготовительном классе вы научились читать. Но читать нужно вот так!

И один из второклассников, которого я пригласил из соседнего класса, прочел сказку из детского журнала — плавно, эмоционально, выразительно. А потом тут же пересказал прочитанное.

— В подготовительном классе вы научились писать, — сказал я потом детям, — но писать нужно вот так!

И тот же второклассник быстро и красиво написал на доске:

*«Поздравляю вас с началом учебного года,
первоклассники!»*

Второклассник ушел. И мы сразу же приступили к упражнениям в чтении и письме.

Упражнения в чтении были разные, но разработаны по одному и тому же принципу: чтение входило в них как способ разрешения познавательной задачи.

На доске я вешал карту Грузии (ее готовили родители): на ней были обозначены города, линии железных и шоссейных дорог. Вопросы чтения карты решались разнообразно.

— Письмо от Нато я получил из Тианети. Скажите, пожалуйста: через какие города оно должно было дойти до Тбилиси?

— Из Тбилиси я послал письмо Эке в Пицунду. Через какие города оно шло к Эке?

— Элла прислала мне письмо в Тбилиси из Кутаиси. Как это письмо могло дойти до меня?

— Какие города можно проехать по железной дороге из Ахалцихе до Батуми?

— Какие города проходит поезд, следуя из Гагры до Тбилиси? Детям понравились упражнения с картой.

Писал я на доске пословицы и говорил детям:

— В них допущены ошибки, надо быстро найти и исправить их!

Порой не было в них никаких ошибок, но надо же было детям удостовериться в этом.

Чаще всего я пользовался следующими двумя приемами.

Первый прием заключался в том, что из старых детских журналов вырезал маленькие рассказы, стишки и наклеивал их на листы плотной бумаги. Таких раздаточных дидактических материалов у меня оказалось свыше ста. Я раздавал их детям и поручал прочесть их за 2–3 минуты. После этого просил закрыть глаза и шепотом восстановить прочитанное. В это время я мог подойти к какому-либо ребенку и послушать (приблизив ухо), как он воспроизводит прочитанное.

При втором приеме текст для чтения (обычно это был текст из учебника) я писал на доске и предлагал детям прочесть его, следуя движениям указки по строчкам. Этим я регулировал скорость чтения. После первой попытки закрывал доску занавеской, и мы восстанавливали прочитанное по памяти. Затем я повторял чтение с доски, ускоряя движение указки, и мы опять приступали к воспроизведению содержания текста.

Дети любили и следующего рода задания. Я раздавал всем записанную на листке бумаги одинаковую словесную инструкцию по выполнению того или иного задания. Игра заключалась в том, чтобы трое или четверо вызванных ребятшек вместе с остальными одновременно начинали знакомиться с инструкцией, затем эти вызванные приступали к выполнению инструкции, остальные же следили, насколько правильно они действовали. Выполнить задание надо было быстро и без ошибок.

Выполняй быстро и правильно!

- 1. Напиши сверху на доске слово: бодрый.*
- 2. Припиши рядом любые три слова.*
- 3. В данном слове поменяй местами первые две согласные.*
- 4. Под первым словом напиши полученное слово.*
- 5. Рядом припиши любые три слова.*
- 6. Проверь выполненное задание.*

После того как дети научились выполнять письменно заданные инструкции, я начал пользоваться этим способом на уроках математики и труда: по записанной на доске инструкции дети выполняли разные задания.

Порой предлагал детям измерять скорость, определять сознательность чтения. Этим они очень заинтересовались. Некоторые чуть ли не два раза в день просили проверить, как они читают. Эти опыты я проводил и на уроке, и в любое другое свободное время. Давал ребенку, желающему проверить свое чтение, незнакомый текст. Он начинал читать по моему указанию, а я включал секундомер. Через 30 секунд чтение прекращалось, я давал ребенку лист бумаги, и он должен был написать, о чем говорилось в тексте. Затем мы вместе считали количество прочитанных слов, умножали его на два, и ребенок знал: читает со скоростью 50 слов в минуту и может понимать прочитанное. А как радовались дети, обнаруживая, что читают все лучше и лучше, быстрее и сознательнее! Так я углубляя, шлифовал навык чтения.

Ну, а желание читать? И вообще, как оно возникает у ребенка? Чтение — такое дело, что ребенок обязательно должен хотеть читать. Без этого ему трудно будет шагать в мире познания, скудной станет его духовная жизнь.

Есть педагоги, от которых можно услышать: «Не хочет ребенок читать, не хочет — и все!» И дело с концом. Но у меня своя мерка, по которой я хочу определить свое мастерство. Я ежедневно внушаю самому себе: **если большинство твоих учеников не хочет читать, то ты плохой учитель; если большинство твоих учеников увлечено чтением, то ты хороший учитель; а если в твоём классе все ребята любят читать, пристрастились к чтению, то ты не только хороший учитель, ты хороший воспитатель.**

Воспитание у детей любви к чтению — дело педагогической чести! Вот как надо ставить вопрос. Разве можно говорить, что ребенок не хочет читать! Одно дело, когда, в силу обстоятельств, он еще не в состоянии овладеть свободным чтением, ему трудно читать. Но даже в таком случае свою задачу я вижу в том, чтобы зажечь в нем естественное желание брать книгу, внимательно ее рассматривать, читать.

Так, не хотел читать у меня Вахтанг. Мать жаловалась, что мальчик книгу даже в руки не берет. А я просто не поверил этому. Да разве он знает, что такое книга? Он же только-только научился читать! Мыслимо ли утверждать, что ребенок, который только что сказал первое слово, не хочет общаться с окружающими, не хочет с ними говорить? Также ребенок, научившись читать первые слова, не может не хотеть читать книги, потому что с этого момента начинается его второе языковое рождение, его высшее человеческое общение. И если сами книги по своей сложности и содержанию не напугают его, он обязательно захочет их «проглотить». Особенно если педагог даст ему почувствовать, как обогащается его жизнь, когда через книгу он начинает общаться со всем остальным миром. Ребенок обязательно полюбит книгу. Все дело в том, как выполня-

ет педагог свою посредническую роль между ребенком и книгой.

— Вахтанг, у меня к тебе дело! — и после занятий мы сидим в классе одни. Я рассказываю ему о книге сказок, которую хочу ему дать прочитать.

— Вот эта сказка о девяти братьях очень забавна и поучительна. Я хочу, чтобы ты сегодня прочел ее и завтра рассказал детям. Ты умеешь хорошо рассказывать.

На другой день на перемене я запираюсь вместе с Вахтангом в классе, он мне рассказывает сказку, я его поправляю, показываю, как надо выразительно рассказывать. Я успеваю шепнуть Майе, Илико, Дато на уроке математики, что, когда Вахтанг расскажет сказку, хорошо бы похвалить его, отметить, как им понравилась сказка и как образно Вахтанг рассказывал ее; пусть выразят желание, чтобы Вахтанг прочитал еще несколько сказок и рассказал им завтра, послезавтра.

Все так и происходит. Вахтанг, воодушевленный добрыми отзывами одноклассников, читает сказки и пересказывает их товарищам. Даю ему другие книги. Он рассказывает их содержание уже не на уроке, а в коридоре, во время перемен или на продленке. И перед ним вдруг открывается мир **книги**. Мать перестает жаловаться. «Ребенок преобразился!» — радуется она.

А Бондо трудно читать. Ему трудно понять прочитанное. При чтении он поглощен только узнаванием отдельных букв. У меня с ним двойная работа. Я учу мальчика, как читать по слогам и как переключать внимание на смысл прочитанного. Ой, какая нужна тут кропотливая работа. Но я все же доброжелателен, осторожно поправляю, замечаю каждый малейший успех мальчика и всеяю в него веру, что он научится читать хорошо. И детей тоже настраиваю, чтобы они были чутки и внимательны к Бондо. Вся эта терпеливая, осторожная работа с Бондо по формированию навыка чтения продолжится, по всей вероятности, еще несколько месяцев. А тем временем мне еще нужно развить у мальчика желание и интерес к чтению. Иначе может получиться так, что, в конце кон-

цов, Бондо овладеет навыком чтения, однако само чтение для него не будет иметь никакой притягательной силы. Каждый день, вслед за слоговым чтением, я читаю мальчику какую-нибудь сказку, стишки, отрывок из детской книжки. Бондо охотно остается после занятий и заранее обязательно спрашивает: «А потом вы прочтете мне сказку?» У меня есть еще один секрет: я порой рассказываю и пересказываю ему содержание маленьких книжек, которые позже я дам ему читать. Это усилит его стремление к чтению, потому что облегчит понимание прочитанного.

Чтобы дети полюбили читать, им еще нужно говорить о книге, как о человеке, добром, умном, мудром человеке, умеющем дружить, помогать, радовать. Нужно еще, чтобы дети видели, что их педагог тоже читает, книга сопровождает его постоянно.

— Что это за книга у вас на столе? — то и дело спрашивают меня дети. — Восьмой том сочинений Ушинского!

— А кто был Ушинский?

И я охотно пускаюсь в объяснения.

— Ушинский — великий педагог! Я читаю его сочинения, чтобы знать, как вас лучше учить и воспитывать!

— А вы разве не знаете, как нас воспитывать?

— Вот прочту эту книгу и буду знать лучше!

Все хотят потрогать восьмой том Ушинского, полистать — там у меня заметки на полях, вкладыши...

Вот что я имею в виду, думая об углублении знаний детей, об усовершенствовании навыков...

Писал ли Гогешвили стихи

Парк, по которому я иду в школу, кончился.

— Шалва Александрович! — кричит мне Ния, которая хочет догнать меня и не замечает, что брызги от грязи пачкают ей сапожки и пальто.

— Почему так рано, Ния?

— Я хочу поговорить с вами. Хочу что-то сказать! — и, подбежав ко мне, без приветствия, без передышки девочка начинает объяснять. — Знаете, что я нашла? Я знаю, кто автор стихотворения «Яблоко и Шакара»! А вы знаете?

— Нет, а кто?

— Только никому не говорите!

— Нет, конечно, если ты этого хочешь!

И, хотя на улице, кроме нас, никого нет, девочка поднимается на цыпочки, я наклоняюсь к ней, и она шепчет: «Акакий Церетели!»

— Неужели? — удивляюсь я. — А я думал, что его написал Яков Гогешвили!

— Вот видите! Все так думают! Пусть и сегодня поспорят, хорошо? А потом я покажу им книжку Акакия Церетели!

Ния возбуждена. Видимо, девочка плохо спала ночью, так ей хотелось скорее поделиться со мной и с товарищами своим «открытием». А почему я ставлю это слово в кавычки? Да, с открытием! Ведь в самом деле тут есть какое-то открытие, во всяком случае, ключик к открытию?

Вот уже почти месяц, как дети пытаются разобраться в запутанном деле, которое сами же обнаружили: кто же автор стихотворения «Яблоко и Шакара»? Сказать откровенно, мои дети могут иметь патент в сфере литературоведения сразу за два открытия: одно — наличие самой путаницы, а другое, о котором говорит мне Ния, — устранение этой путаницы.

А все началось совершенно случайно.

В конце сентября Нато преподнесла мне в подарок комплект учебников Якова Семеновича Гогешвили. Он был издан в честь 100-летия «Дэде эна» («Родной язык»). В него входили самое первое (1876 г.) и последнее (1912 г.) при жизни великого педагога издания «Дэда эна». Подарок меня обрадовал. Я тут же начал листать книги, читать вслух некоторые стишки и рассказы и восхищаться ими. Дети заинтересовались.

— Нельзя ли выучить их на уроке? — подали они идею. Правда, почему нельзя посвятить несколько уроков Якову Семеновичу Гогешвили и выучить по этим книгам несколько произведений? Они небольшие, очень содержательные и эмоциональные. Только вот язык немного устаревший.

— Но книг-то нет у вас?

На другой день книги были почти у всех: у некоторых — первое издание, у других — последнее. Правда, их содержание резко отличалось друг от друга, но многие произведения были и тут, и там. Я выбрал несколько рассказов и стихов, и мы провели первый гогешвилиевский урок. Я предложил им сравнить друг с другом один и тот же рассказ, помещенный в учебниках первого и последнего изданий в разной редакционной обработке.

Вот переводы обоих вариантов.

— *Вано, иди в школу.*

— *Живот болит!*

— *Вано, иди, поешь мацони.*

— *Где моя большая ложка?*

Это из учебника 1876 года издания.

— *Вано, иди в школу.*

— *Ужасно ноги болят.*

— *Вано, потанцуй лезгинку!*

— *А ну-ка, хорошенько похлопайте!*

А это из последнего издания.

Обсуждение получилось бурным. Там у Вано «болит» живот, когда ему говорят, что пора идти в школу; а когда приглашают поест мацони, он забывает о своем животе и ищет большую ложку. А в новом издании у него «болят» ноги, но танцевать он не прочь.

Шла речь и о языке, а также пунктуации, вносились поправки.

Особое внимание было обращено на самое главное: почему Яков Гогешвили сочинил для детей такой рассказ? Родилась мысль самим написать новые варианты этого рассказа и

создать коллективную книжку о лентях. Договорились, что рассказы начнутся, как у Гогебашвили, и они будут такими же маленькими и лаконичными. Книжка эта сейчас лежит у нас на классной выставке. Она открывается первым и вторым вариантами рассказа Якова Гогебашвили о Ване, а далее следует тридцать вариантов, написанных детьми.

Нато:

- Ване, иди в школу!
- Глаза болят!
- Ване, по телевидению мультфильмы показывают!
- Включите поскорее телевизор!

Сандро:

- Ване, иди в школу!
- Голова болит!
- Ване, иди играть в футбол!
- Сию минуту! Я лучше всех умею бить головой!

Иракий:

- Ване, иди в школу!
- Сердце болит!
- Ване, поднимись на дерево, поешь черешни!
- Пожалуйста!

Ия:

- Ване, иди в школу!
- Холодно мне!
- Ване, пойдём кататься на санках!
- Где мои санки?

Тека:

- Ване, иди в школу!
- Леню вставать с постели!
- Ване, пойдешь в цирк?
- С радостью!

Спустя некоторое время мы провели второй урок по гегбашвилевским учебникам. Тут и обнаружили дети упомянутую путаницу.

— Вот стихотворение, которое мы уже учили! — обрадовалась Лали. — «Яблоко и Шакара»!

И девочка начала его читать выразительно, громко. Тем временем другие тоже начали разыскивать в книгах это стихотворение. И вдруг раздался изумленный голос Нико:

— Смотрите, что это такое... На 84-й странице... То же самое стихотворение...

У Нико было первое издание учебника.

— Здесь оно называется «Яблоко»... Здесь совсем по-другому! Он подбежал ко мне с раскрытой книгой. Стихотворение «Яблоко и Шакара» дети уже учили по действующему учебнику. Это было еще в середине сентября.

— Давайте прочтем оба стихотворения и сравним их друг с другом!

Детям не понравилось стихотворение в старой редакции. «Безвкусица какая-то!» — говорили они. Но зато они восхищались музыкальностью, ритмичностью последнего варианта стихотворения.

Сказать откровенно, для меня это было неожиданностью.

Дети начали искать автора в оглавлении.

— Имя автора стихотворения нигде не написано!

Кто-то достал из портфеля действующий учебник и обнаружил, что там автором стихотворения является Яков Гегбашвили.

— А он писал стихи? — спросила меня Магда.

И я им откровенно сказал:

— Ребята, правда, я сам ничего не могу понять! У Гегбашвили есть множество чудесных рассказов для вас, но, что он и стихи писал, этого я не знал!

Нато, которая увлекается стихами и знает, по всей вероятности, более ста стихотворений разных авторов, выдвигает свою гипотезу:

— Если бы Гогебашвили писал стихи, то он с самого начала написал бы хорошее стихотворение!

А Гига стремится тут же разрушить эту гипотезу:

— Сказано же в нашем учебнике, что автор стихотворения — Яков Гогебашвили! Значит, не верить этому?

— А может быть, там ошибка? — не отступает Нато.

— Выходит, права ты, а не тот, кто написал учебник?

Нато в растерянности.

— Разве не может быть так: Гогебашвили написал стихотворение, потом оно ему не понравилось, и он написал его заново!

— А у Гогебашвили есть стихи?

— Ведь Шалва Александрович сказал, что не знает, есть ли у него стихи! — напоминает Зурико всем мое откровение.

Нато опять развивает свою гипотезу.

— Шалва Александрович знает все. Если он не помнит стихотворений Гогебашвили, значит, тот не писал стихов!

Вот уже полтора месяца не стихают эти споры. Порой мне казалось, что дети забыли «Яблоко и Шакара» и все, что с ним связано. Но нет, после некоторого затишья они опять лезли во всю эту путаницу. А я решил дать им возможность вести исследование. Да, это был коллективный поиск истины. Какое, в конце концов, имело для них значение, кто автор стихотворения? Гогебашвили, значит, Гогебашвили! И я, конечно, мог разрешить эту проблему, сказав детям: «Оставим эту затею! Ученые разберутся лучше!»

Однако я поступил бы неправильно. Они ищут, они же развивают, обучают и воспитывают себя! И мое дело здесь — не дать угаснуть этой детской жилке поиска. Порадовал бы я своих детей, если бы на том же уроке или чуть позже принес им весть, какую несет сейчас Ния: «Дети, хватит вам спорить, стихотворение принадлежит Акакию Церетели, ясно?» Нет, не порадовал бы я их. И Ния не провела бы бессонной ночи, Нато, Элла, Вова, Гига, Сандро не выдвигали бы гипотезы, не появились бы оппоненты в классе, а такими оказались Там-рико, Георгий, Майя, Елена.

Сколько они могли бы потерять при моем недалёковидном вмешательстве! Как опасен недалёковидный педагог! Он может нарушить естественную тенденцию детей к саморазвитию, самовоспитанию, самообучению. А затем тот же педагог будет жаловаться, что его воспитанники не проявляют самостоятельности, им все подавай в готовом виде. Но мои дети упорно доказывают, что им не нужно ничего готового, им нужно совершенно другое. Нужно, чтобы учитель умел спорить с ними так, чтобы их познавательные потребности не гасли от полного удовлетворения, а появлялась бы все более усиливающаяся жажда. Нужно еще, чтобы их педагог умел удивляться, восхищаться и увлекаться так же, как удивляются, восхищаются и увлекаются сами дети.

Кто же я среди моих ребятишек? Властелин? Нет! Я для них предводитель, умный, мудрый, который умеет советовать с ними и который интересуется всем тем, что интересует их самих. Надо спешить к нему, чтобы сообщить о своих догадках, находках. Он, этот учитель, педагог, воспитатель, этот предводитель, есть человек, который не может жить без детей, и детям тоже будет невыносимо жить без него. Без детей школьный класс не существует, но и без предводителя тоже не существует школьного класса, пусть даже переполненного детьми.

Вот и встала утром рано Ния.

— Знаете, как эта книжка называется? — говорит она мне. Ей трудно поспевать за моими быстрыми и длинными шагами.

— Дай ручку! — и я тяну ее за собой.

— Она так и называется — «Яблоко и Шакара». Эту книжку подарили моей маме, когда она была маленькой... Она вся истрепанная...

— И ее дала тебе мама?

— Нет, я все роюсь в наших старых книгах. Вот и наткнулась!

Да, мне надо прямо сейчас, на улице, когда холодно и морсит дождь, проявить нетерпение, удивление и восхищение.

— Можно мне посмотреть эту книгу? Не верится как-то!

— Конечно, я Вам ее покажу...

— Нет, вот сейчас же! — и я останавливаюсь. — Неужели это в самом деле так?!

Девочка достает из портфеля завернутую в газету тонкую книжку с потрепанной обложкой, изданную в тридцатые годы. Автор — Акакий Церетели. Название — «Яблоко и Шакара». Все верно!

— К какому же выводу ты пришла?

— Гогебашвили не писал стихов!

Загадка остается загадкой

На доске в коридоре я написал крупными буквами:

«Кому принадлежит стихотворение „Яблоко и Шакара“? У Нии есть секрет. Она его вам откроет на четвертом уроке».

Почему на четвертом, а не сразу? Потому что надо научиться, во-первых, хранить секрет, во-вторых, надо разжигать интерес детей. А они на всех переменах спорили и спорили, раскрывали гогебашвилевские учебники, искали там что-то. Лери, Гига, Котэ не раз приставали к Нии: «Открой секрет!», но Ния молчала.

Так начался четвертый урок.

Детей я учу некоторым формам логического суждения и всегда, когда они хотят что-то обосновать, требую от них быть логичными, опираться на факты или допущения. Способы логического суждения они применяют на всех уроках, ну и, конечно, на уроках математики. Отдельные способы анализа арифметических задач пригодились нам и на гогебашвилевских уроках: выделение из задачи данных с их зависимостями, уяснение задачи, поиск способа решения. Ока-

зались полезными и те приемы, которые дети усваивали при составлении задач по данным величинам, определении данных в зависимости от вопроса и т.д. Опираясь на них, дети строили гипотезу: писал ли Гогебашвили стихи для своих учебников или нет? Разумеется, во всем этом я играл немало важную роль, сам вместе с ними разбирался в вопросе.

И мы все шли по такой логике.

Дети уже знали, что в учебниках много стихотворений без указаний автора. Но знали также, что Яков Семенович Гогебашвили обязательно обозначал в учебниках, кому какое произведение принадлежит.

Отсюда многие делали вывод: значит, стихи, оставленные без указания автора, принадлежат Якову Семеновичу Гогебашвили, таким образом, он писал стихи для своих учебников.

Дети также знали, что автором четырех стихотворений, которые в первом издании остались без указания автора, в последних изданиях Яков Семенович Гогебашвили называл Акакия Церетели. Однако последние варианты резко превосходили первые своей поэтичностью, музыкальностью, образностью.

Отсюда некоторые заключали, что стихи без указания на автора принадлежат Акакию Церетели; по мере совершенствования стихов он подписался под ними. А Нато все твердила, что Гогебашвили не писал стихов. Взрослые, к которым она обращалась, не могли назвать ни одного его стихотворения, а рассказов называли множество.

Стихотворение «Яблоко и Шакара» по-прежнему оставалось загадкой. Нато не верила, что его написал Яков Семенович Гогебашвили. «Здесь ошибка! — указывала она на действующий учебник. — Это стихотворение принадлежит другому!» «Как ошибка? — спорили с ней другие. — Значит, ученые ошибаются?» И Нато не знала, что ответить.

Что скажут дети на этом четвертом уроке, когда Ния откроет им свой секрет? Какие еще гипотезы они могут выдвинуть?

— А теперь относительно секрета Нии! Ния, поговори с ребятами сама! Девочка выходит со своим завернутым в газету «секретом».

— Как вы думаете, кому принадлежит стихотворение «Яблоко и Шакара»?

— А ты знаешь? — спрашивают дети.

— Знаю! — говорит Ния.

— Так скажи сама, чего же ты мучаешь нас!

— Скажу, конечно, — говорит она, — но скажите сперва, кто считает, что его автором не является Яков Семенович Гогешвили?

Первая поднимает руку Нато, к ней присоединяются еще пятеро. Ния приглашает к доске всех шестерых.

— Вот видите, — продолжает Ния, — все они оказались правы! Автором этого стихотворения является Акакий Церетели!

— Откуда ты знаешь?

— Не может быть!

— Я же говорил, что должен быть кто-то другой!

— Докажи!

Познавательный взрыв — только так я могу назвать то, что произошло в классе. Удивление, радость, озабоченность — вот о чем говорили лица и возгласы детей. Ния разворачивает газету и достает потрепанную книжечку. Рассказывает всем, как нашла ее дома, на какой странице напечатано это стихотворение. Она проходит между рядами, каждому показывает книжку, и каждый берет ее в руки, рассматривает обложку, читает первые строки стихотворения, то есть каждому хочется убедиться в достоверности сказанного Нией. Сандро, Гига, Илико, Зурико о чем-то спорят, точнее, согласовывают между собой какую-то мысль. Затем Илико и Зурико подходят ко мне.

— Мы хотим что-то сказать, пусть нас послушают все!

— Ребята,— говорю я всем, — Илико и Зурико хотят сказать вам что-то очень важное!

Все умолкают.

— Этим не доказывается, что Гогебашвили не писал стихов. Мы думаем, что все эти стихи без автора вначале написал сам Гогебашвили...

— Нет, нет, Гогебашвили не мог написать стихи! — упорствует Нато.

— Почему, очень даже хорошо мог! — настаивает на своем Илико. — Только знаете, в чем дело? Гогебашвили самому не нравились эти стихи...

И, так как Илико говорит медленно, Зурико не выдерживает.

— ...и потому... Он же дружил с Акакием Церетели.

— Они были большими друзьями.

— И Гогебашвили попросил поэта поправить его стихи!

— А ты откуда знаешь, что Гогебашвили попросил Акакия Церетели поправить его стихи? — спорит с ним Нато.

— Я же не говорю, что знаю... Мы допускаем, что Яков Гогебашвили мог обратиться с просьбой к своему другу-поэту поправить его стихи...

— Конечно, это было так! — вскакивает с места Гига. — Гогебашвили не мог писать такие же красивые стихи, как Церетели. Все стихи, которые в первой книге (он имеет в виду первое издание), нехорошие, они интересные, но не звучные. И они без автора. Кто же другой их мог написать? А те же самые стихи во второй книге (он имеет в виду последнее издание) — все звучные, хорошие... И их автором стал Акакий Церетели. Вот как!

— А почему же...

— Они могли вдвоем подписаться...

— Для Церетели это не имело большого значения, он же писал стихи ради друга!

— А почему же тогда...

— Яков Гогебашвили же видел, что Акакий пишет лучше и его стихи стали совсем другими, когда Акакий их написал заново...

— А почему...

— Подожди... Не мог же он присвоить его стихотворения! Вот и назвал настоящего автора!

И Гига садится на место. Он доволен, кто же еще может с ним поспорить. Садятся Илико и Зурико тоже. Все они втроем, с участием Сандро, обосновали новую гипотезу. Только Тека пытается поспорить с ними.

— А почему же тогда Яков Гогебашвили не сказал, что автором «Яблоко и Шакара» является Акакий Церетели? В других случаях пишет, а в этом случае — нет, почему?

— Почему, почему! — Гига опять вскакивает. — Можно же допустить...

— Значит, Гогебашвили писал стихи, верно? — не дает договорить Гиге Элла.

— Конечно, писал! — уверенно говорит Гига. — Можно же допустить, что он просто забыл написать имя автора...

— Гогебашвили не мог забыть...

— Ну, тогда, может быть, сам Акакий уговорил его не писать его фамилии...

— Не могу понять, кому, по-твоему, принадлежит «Яблоко и Шакара», — не унимается Тека.

— Обоим! Что, нельзя? Докажи...

Царство мысли

Удивительное чувство охватывает человека в царстве мысли. Что это? Чувство вдохновения? Не только.

В этом царстве ты можешь пережить необыкновенное чувство: ты рождаешься как личность, ты утверждаешься, возвышаешься, самооткрываешься.

Но какое чувство может овладеть учителем, когда тот видит, что его питомцы меняются прямо на глазах, их не узнать, они становятся другими, как будто у всех выросли крылья?

«Они были друзьями... Гогебашвили не мог писать стихи... Гогебашвили писал стихи... Он мог попросить Акакия Церетели помочь ему... В новом учебнике явная ошибка, ее надо исправить...»

Возможно, кто-нибудь из моих коллег воспримет все рассказанное мною как педагогическую небезлицу и скажет: «Милый коллега! Ваши дети — первоклассники, правда? Ну, хорошо, прошли уже подготовительный! И они у вас стали уже учеными?! Вы понимаете, что говорите?»

Но речь я веду вовсе не к тому, чтобы малыши с «дипломатами» в руках спешили на научные симпозиумы... Это никому не нужно. Я просто хочу рассказать, как влияет на детей царство мысли. Им прививается смелость ума, в них загорается искра вдохновения, они начинают мыслить самостоятельно, вступают в область самовоспитания. За какие-то 35 минут нахождения в царстве мысли они развиваются и воспитываются в 2, в 3, а может быть, в 10 раз быстрее, чем за всю учебную неделю.

Наши дети готовились вступить в XXI век как его вдохновители и строители. Мы, учителя и воспитатели, в канун грядущего столетия напутствовали их в будущее, на наши плечи легла ответственность за судьбу будущего.

Эта ответственность была предельно ясна: XXI век уже родился, он сидит перед нами за партой, чтобы мы, воспитатели, учителя, вселили в него мудрость прошлых веков, заботу нашего века, идеалы будущего и тем самым вдохновили его к самоутверждению.

Разве мне, современному воспитателю, трудно понять ту истину, что мне доверено ковать XXI век? Каким он будет — это зависит в основном от меня, зависит от того, каков Я! Не обо Мне ли — о современном учителе — мечтала Надежда Константиновна Крупская, от которой я заимствовал понятие о царстве мысли, включающее в себя идею о гуманной педагогической системе? Давайте прислушаемся к ее голосу: «Учитель в такой школе лишь старший товарищ, богатый

опытом и знанием, который помогает учащимся научиться самостоятельно учиться. Он указывает им приемы, методы приобретения знаний, помогает организовать совместную работу самообразования, учит, как надо в деле обучения помогать друг другу. А такая школа должна представлять собой свободную ассоциацию учащихся, ставящих себе целью путем совместных усилий проложить себе дорогу в царство мысли». Пользуясь этими источниками из педагогического наследия Надежды Константиновны Крупской, я определяю для себя заповедь: **если хочешь воспитать в детях смелость ума, интерес к серьезной интеллектуальной работе, самостоятельность как личностную черту, вселить в них радость сотворчества, то создавай такие условия, чтобы искорки их мыслей образовывали царство мысли, дай им возможность почувствовать себя в нем властелинами.**

Но что это за условия, которые могли бы способствовать возникновению царства мысли в нашей маленькой классной комнате и вхождению в него детей? Их, конечно, много, все они вместе должны составить целостный педагогический процесс. О некоторых из них я уже рассказал, о других придется говорить позже, но есть одно из них, по моему убеждению, самое важное, о котором следовало бы говорить особо — это воспитание самостоятельности у детей, воспитание и развитие в них самостоятельности мысли, решения, действия.

Уже второй год воспитываю у детей это личностное качество, буду воспитывать и развивать его и в последующих классах, надеюсь, далее его будут развивать в них учителя на второй и третьей ступенях школы.

Изолированная самостоятельность

Однако, говоря откровенно, мне не нравится, когда это проявление личности порой ограничивают какими-то

формальными рамками, точнее самостоятельное решение учебной задачи отождествляется с изолированной работой школьника над задачей.

Что такое изолированная учебная работа, неверно именуемая самостоятельностью?

Вот что это такое: «Не переглядываться, ни на кого не надеяться, в чужую тетрадь не заглядывать, не сметь списывать, пользоваться учебником, подсказкой, шпаргалкой, не спрашивать у других! У тебя есть голова, в которой должны быть помещены всякие необходимые знания!»

Разве учитель порой не это имеет в виду, давая детям разные самостоятельные задания? Так приучается ребенок в течение десяти-одиннадцатилетней школьной жизни надеяться только на себя — и ни на кого другого.

Почему мы культивируем в школе такую изолированную самостоятельность? Может быть, таким образом мы готовим их к жизни, притом к ее возможным исключительным случаям? Вдруг, допустим, сядут они на корабль, который ураган унесет в неведомый нам океан, корабль потерпит крушение и все наши былые питомцы, каждый в отдельности, окажутся на необитаемых островах. Ведь стольким Робинсонам Крузо надо будет прожить самостоятельно! Знания — в голове, руки приучены излагать их на бумаге, а язык подвешен для их безошибочного воспроизведения. Вот и живите самостоятельно, дорогие Робинзоны Крузо, пока вас, каждого в отдельности, не обнаружат случайно плывущие мимо корабли и не вернут в мир цивилизации!

И чтобы воспитать из наших детей хороших Робинзонов Крузо, надо классную комнату превратить в никем еще не открытый океан, а парты — в необитаемые острова в этом океане. На каждого ребенка, сидящего за партой, надо смотреть как на будущего Робинзона: строго следить, чтобы он при решении задач, выполнении заданий, произнесении наизусть стихотворения надеялся только на свою память, а не на поддержку другого, тем более — на использование каких-

нибудь официальных или неофициальных источников. Когда он будет в положении Робинзона Крузо, ему никто не сможет подсказать, посоветовать. Его может спасти только собственная голова.

Но что же получается? В действительности «ведь он не Робинзон какой-нибудь, и жить ему приходится среди людей, какой бы профессией он ни занимался». Это напоминание Надежды Константиновны Крупской должно заставить нас одуматься. Мы бьемся против зубрежки — это хорошо. Боремся против присвоения чужой работы, против шпаргалки — тоже отлично, а как же иначе!

Мысли, которые вдохновляют

В сотрудничестве, с руководством, с чьей-то помощью ребенок всегда может сделать больше и решать более трудные задачи, чем самостоятельно...

В сотрудничестве ребенок оказывается сильнее и умнее, чем в самостоятельной работе, он поднимается выше по уровню интеллектуальных трудностей, разрешаемых им.

Зоны развития

Представьте себе, что мы исследовали двух детей и определили умственный возраст обоих в семь лет. Это значит, что оба ребенка решают задачи, доступные семилеткам. Однако когда мы попытаемся продвинуть этих детей в решении тестов дальше, то между ними оказывается существенное различие...

Перед нами два ребенка с одинаковым умственным возрастом в 7 лет, но один из них при малейшей помощи решает задачи, рассчитанные на 9 лет, другой — на 7,5. Одина-

ково ли умственное развитие обеих детей? С точки зрения их самостоятельной деятельности — одинаково, но с точки зрения ближайших возможностей развития оно резко расходится. То, что ребенок оказывается в состоянии сделать с помощью взрослого, указывает на зону его ближайшего развития...

Поэтому тесты школьных достижений никогда не отражают реального хода детского развития.

А.С. Выготский. Антология Гуманной Педагогики

Знания, умения, навыки могут быть только личностными приобретениями, каждый должен владеть ими в той степени, в какой позволяют, с одной стороны, организованный и управляемый мною — учителем — педагогический процесс, а с другой — развивающиеся в этом процессе его индивидуальные способности и возможности. Так не бывает, чтобы люди одалживали друг другу знания, умения, навыки и, воспользовавшись ими, возвращали владельцам, сердечно благодаря за помощь. Нет, знания нельзя ни одалживать, ни делить.

Но куда б ни шел ученый.

Он не ведает преград:

Недоступным и незримым

Он сокровищем богат.

Знатье вор тайком не стащит,

Не отнимет супостат.

Глупым знанье бесполезно,

Для разумных знанье — клад.

Эти стихи Давида Гурамишвили знают и мои дети. Все это предельно ясно. И потому можно в какой-то мере оправдать практику изолированной самостоятельности, когда, особенно при контрольных работах, даже малейшая попытка ребен-

ка заглянуть в чужую тетрадь, спросить у соседа, списать дает педагогу право снизить отметку или вовсе не принять работу.

В прошлом, в начале своей педагогической деятельности, я был не прочь наказывать детей, пытавшихся «провести» меня. Помню глаза худенького мальчика: я отнял у него тетрадь из-за того, что он заглядывал к товарищу и сравнивал результаты своего решения арифметических примеров с результатами, которые получил тот. Но тот, которого я всегда хвалил как примерного ученика, закрывал промокашкой, да еще ладонью свою тетрадь, не давал ему посмотреть. Значит, тот, худенький, мешал работать примерному ученику, значит, тот хочет провести меня, списать решение у другого. И я поспешил воздать ему должное: «Тебе же было сказано решать примеры самостоятельно!» Я отобрал у него тетрадь и велел сидеть смирно. А он посмотрел на меня глазами, полными гнева и ненависти, затем разрыдался так неудержимо, что контрольная сорвалась.

Вот как порой развиваются педагогические убеждения: я понял, да, я постиг суть моей ошибки, не только той, мгновенной, но и вообще методической. Глаза и рыдание ребенка мне говорили — доступно, убедительно, эмоционально: «Учитель, так нельзя себя вести, я не Робинзон какой-нибудь, а общественное существо! Дай мне быть всегда таким! И дай еще рядом со мной сидящему воспитывать в себе чувство солидарности, чуткость и заботливость, умение помогать!» И понимание изолированной самостоятельности потеряло для меня всякий смысл, точнее, стало антипедагогичным.

Если кто-то заглядывает в чужую тетрадь, значит, он нуждается в помощи, затрудняется, не так ли? Если кто-то ждет подсказки, значит, он что-то забыл или вовсе не знает, тоже верно? Все что я могу сразу заметить, я же вижу, кому что не удастся, кому какая помощь нужна! Так что лучше: заставить ребенка на месте нарушения правил формальной само-

стоятельности или же самому позаботиться организовать необходимую помощь?

Давно у меня нет двух мнений на этот счет. Сожалею только, что это ключевое понятие самостоятельной учебной работы не находит в курсах педагогики и методик нужного, современного психолого-дидактического освещения. Каких только я не нахожу раздаточных материалов для младших школьников по математике, по языку. Они предназначены для проведения контрольных работ с соблюдением всех формальных признаков (дети хитрые, они могут списать друг у друга, но мы тоже не без хитростей!): вот задания в четырех вариантах — сидящим за первой партой можно дать первый и второй варианты, а за второй партой — третий и четвертый. Как же после этого они заглянут в чужую тетрадь! Все у педагога как на ладони!

И мне становится обидно за детей, которым мы не доверяем и которым, вместо того чтобы протянуть руку помощи, устраиваем ловушки. Мне обидно и за очень многих учителей, педагогическое чутье, мастерство и творчество которых порой оказываются в паутине отживших инструкций о том, как строго следует проводить контрольные работы, опрос и проверку знаний и умений детей. Мне нужны не просто раздаточные материалы, а такие, которые помогли бы организовать совместную работу двух, трех детей, и еще такие, которые учили бы моих ребяташек, как помогать друг другу, как делиться друг с другом своими знаниями и опытом, как проявлять чуткость и доброжелательность к другим и, наконец, как быть действительно самостоятельными не как Робинзон Крузо, а как Человек среди Людей. Сегодня на уроке математики я предложил детям:

— Задания эти, как видите, сложные. Некоторым, может быть, понадобится помощь! При затруднениях можете обращаться за помощью к Майе, Виктору, Илико, Нато, Вове, Гию, Нике, Эке... И ко мне тоже. Однако надо быть осторожными, чтобы не мешать другим... А к Бондо, Елене, Вахтангу, Элле,

Марике я посадил Тенго, Нию, Дато, Ираклия, Георгия, поручив им помогать рядом сидящим, терпеливо объяснять им, давая советы, решать свои задачи вполголоса, чтобы те могли наблюдать, как нужно рассуждать, действовать.

Что, это не похоже на самостоятельную, более того, на контрольную работу?

А на уроке родного языка Нато держала в руке бумажку с записанными на ней словами, которые она забывала в длинном стихотворении Ваша Пшавела. При чтении наизусть она время от времени одним глазом подглядывала в свою «шпаргалку», но на это никто не обращал внимания, зато все мы, затаив дыхание, слушали, как эмоционально, выразительно и с чувством она его читает. И мы аплодировали ей.

Здесь тоже, стало быть, нарушены требования самостоятельности? Но **почему?**

В первом случае я предотвратил возможность заглядывания в тетрадь товарища с целью слепого списывания и, таким образом, присвоения чужого труда. Во втором же случае я исключил подсказку, вывел ребенка из неловкого положения, когда забываешь какое-то одно слово и вместе с ним целые части стихотворения, но достаточно вспомнить его, достаточно, чтобы кто-то подсказал его вполголоса, и все пойдет как по маслу. А то стоишь как самый последний глупец, а учитель наглухо перекрывает все дверцы памяти и ассоциации своими: «Ну, давай! Что с тобой! Не знаешь? Надо было хорошо выучить стихотворение, а то стыдно... А вы не подсказывайте, пусть сам! Не вспомнил? Ну что же, давайте поможем!»

Но разве это помощь? «Поможем!» — скажет учитель с интонацией, значащей: «Мне тебя жаль!» И встанет еще товарищ, одноклассник, чтобы «помочь» ему.

А в действительности ему нет никакого дела до помощи, ему важнее показать учителю, что он сам все прекрасно знает. Им управляет не желание выручить товарища (в таком случае он принялся бы помогать ему подсказкой, пусть даже с ри-

ском навлечь на себя гнев педагога!), а желание выделиться на фоне других.

Вот от каких недоразумений я хочу уберечь детей, решая им помогать друг другу, пользоваться (нет, не шпаргалкой) вспомогательными записями. Но я делаю все это еще и потому, что дети таким образом могут научиться самостоятельности в сотрудничестве и совместной деятельности, опирающейся на два начала: на начала нравственности и общего развития.

Нравственность — опора самостоятельности

Самостоятельность — это особый вид деятельности. Значит, она должна иметь и свои мотивы. Но можно ли согласиться с тем, когда, допустим, Майя постоянно демонстрирует свое умение работать самостоятельно, старается выделиться среди всех остальных: посмотрите, какая я хорошая, делаю все сама! У рядом сидящей Лелы затруднение. «Не смотри в мою тетрадь!» — и Майя садится спиной к подруге. Она упорно молчит, когда Лела отвечает на мои вопросы и иногда спотыкается. Она знает все, ей ничего не стоит напомнить Леле начало стишка, натолкнуть на ход решения задачи, на мысль для объяснения какого-либо явления. Но нет — губы сжаты, зубы стиснуты. Или же она упорно, безжалостно дробит мысли Лелы тем, что поднимает руку, нетерпеливо машет ею и взывает ко мне: «Шалва учитель, Шалва учитель! Я скажу, я знаю, я!»

Был у меня такой случай: она как-то что-то подсказала Леле, Лела воспользовалась подсказкой, развернула мысль, и ее ответ всем нам понравился. «Молодец, Лела!» — похвалил я девочку. Но Майя тут же заявила, что это она подсказала подруге и потому та смогла ответить. Ребятам не понравилась выходка Майи. «Ну и что, — поспорил с ней

Дато, — Лела умная девочка, она и без твоей подсказки может умно говорить!» А позади сидящий Гия просто опровергнул утверждение Майи: «Она ничего не подсказала, Лела сама!» И чтобы не осложнилась ситуация, я тут же задал детям другой вопрос, и все сразу переключились на него.

Но случай этот дал мне повод для размышлений. Конечно, самостоятельность — ценное личностное качество, и его нужно воспитывать, развивать и формировать, но вместе с тем его нужно и закалять в огне нравственности, нацеливать детей на солидарность, на взаимную помощь.

Имею ли я право довольствоваться тем, что Майя (эта умная, проникательная и старательная девочка) проявляет самостоятельность при выполнении учебных заданий, но при этом не проявляет никакого желания помогать другим, делиться с товарищами своими знаниями?

Нет, я лишаю себя такого права.

Знания не существуют, не могут существовать, не должны существовать, так сказать, в стерилизованном виде, т.е. без определенной нравственной направленности. Зачем нам такие «чистые» знания, точнее, знания без личностной страсти творить ими добро, а не зло для людей, делиться ими с другими, приносить облегчение людям, оказавшимся в затруднении?

И вообще, зачем мы вооружаем человека знаниями, притом современными, научными, глубокими, если этот человек не применит в дальнейшем уже свои знания на благо общества, которое так заботилось о нем?

Какой может вырасти у меня Майя (и не только она, но и Дато, и Гига, и Зурико, и Тамрико), если я в начальных классах буду поощрять ее отчужденную самостоятельность, если со спокойной совестью буду смотреть, как она стискивает зубы, сжимает губы, закрывает ладонью тетрадь, когда рядом сидящая Лела находится в беде, в затруднении, нуждается в помощи товарища?

Каким она может стать человеком, если сейчас она готова разоблачать подружку, которая доверчиво воспользовалась ее помощью (ну, хорошо, подсказкой!) и на этой основе развернула свою мысль?

Мне вспоминается, как во время войны ходил я с обломком черепицы от одного дома к другому, чтобы люди поделились со мной золой с горящими угольками из своего очага. Мы все так делились огнем, куском хлеба и потому не мерзли, не голодали...

Поделиться знаниями — то же самое, что поделиться огоньком. Вот я и думаю, какой может стать Майя в начале XXI века, когда ей придется быть действительно самостоятельной в своей профессиональной деятельности. Она будет творить этот век не одна, а вместе с другими. На людей, которые ее окружают, Майя Георгиевна смотрит сверху, она завидует успехам других, болезненно переживает свои неудачи, все больше замыкается в самой себе, ей мерещится, что у нее крадут мысли, идеи, ее вытесняют. В действительности же окружающие люди недолюбливают ее, не стремятся к общению с ней, хотя признают, что она умная. А в семье? Может быть, там тоже будут неурядицы — муж и жена ни в чем не уступают друг другу, возникают бесконечные споры...

Нет, ведь в моих силах, почти в моей власти изменить это будущее! Я обязан принять меры по отношению к сегодняшней Майе, чтобы душа будущей Майи Георгиевны не страдала от одиночества, от неуживчивости, чтобы ее знания, способности, творческая жилка приносили людям радость и пользу. И я принимаю такие меры. Приношу ей заведомо сложные задачи, ставлю заведомо трудные вопросы.

— Ну что, Майя, затрудняешься? Ничего. Сейчас мы все вместе ее решим!

И демонстрирую ей таким образом всю прелесть доброжелательного отношения к ней товарищей, показываю, как хорошо друг другу помогать и как обогащается каждый после такой помощи. Но я вижу, что только эти приемы не мо-

гут изменить девочку, и прибегаю также к другим приемам. То предлагаю ей выбрать группу из 4–5 ребяташек, вместе с которыми она будет выполнять нелегкое задание, то делаю ее «советником» Лелы или кого-нибудь другого, чтобы те тоже смогли справиться со сложным заданием. Иногда же просто беседую с ней один на один о том, как важно помочь товарищу, какой искренней и чуткой следует при этом быть, чтобы товарищу было легко принять ее помощь.

Да, я откровенно, только секретно, говорю девочке, какой у нее недостаток, но перед классом поощряю малейшую ее попытку к сотрудничеству со всеми.

Не мешаю ли я своими приемами Майе стать самостоятельной? Такой вопрос идет вразрез с моим пониманием нравственной основы самостоятельности. В чем же она заключается? В том, что подлинная самостоятельность может проявиться только в действительной социальной жизни детей. Человек нуждается в человеке, люди нужны друг другу, им трудно будет жить друг без друга, невозможно представить общность людей, где каждый полон самим собой и заботится только о себе. Робинзон Крузо среди людей, и такой же самостоятельный, как на необитаемом острове! Мыслимо ли такое? Сам Робинзон Крузо жил мечтой о том, чтобы скорее вернуться к людям, и было бы неестественным, чтобы он искал возможность стать независимым от людей. Такое стремление непонятно в нашем обществе. Зачем человеку находиться в полной независимости от всех остальных, зачем ему надеяться в жизни только на свои знания и умения, зачем ему владеть всеми богатствами знаний, если... Впрочем, я убежден: **суть нравственной основы самостоятельности заключается в том, чтобы люди помогали друг другу достигать успеха, преодолевать затруднения, творить благо на пользу общества.**

Эта мысль опирается на социальное назначение самих знаний. Хотя знания являются личностным приобретением, однако они накапливаются в результате социального истори-

ческого опыта многих поколений. Личность имеет право загребать их столько, сколько сможет, но не имеет морального права по отношению к ним проявлять частнособственническую тенденцию пользоваться ими только для себя, пренебрежительно относиться к другим, чувствуя свое превосходство. Она не имеет морального права не обращать знания в более умноженном, творчески обогащенном, качественно преобразованном виде на благо общества, в котором она живет и которое предоставило их ей и позаботилось о развитии ее задатков. Эти идеи, разумеется, чужды обществу, где частная собственность и эксплуатация чужого труда являются законными. Они приобретают силу закона в социалистическом обществе, где во главе угла стоит общественная забота о личности и личностная забота о благополучии общества. «Ум, сердце и руки — их целостность и гармония — в этом суть общего развития!» — сказал мне как-то Леонид Владимирович Занков. Правую руку он приложил сперва ко лбу, потом к сердцу, а потом вытянул вперед обе руки. Этими движениями он продемонстрировал составные части целого.

Сказанное я понял в том смысле, что педагогический процесс, в который ребенок вовлекается, должен приводить в движение не отдельные его свойства, а всю целостную личность.

Раньше я мог бы поспорить с Леонидом Владимировичем примерно в том же духе, как не раз спорили со мной мои коллеги. Я мог бы сказать ему: «Что вы, Леонид Владимирович, разве обучение не есть развитие? Ребенок приобретает знания, значит, он развивается! Высокий уровень трудностей?! Мы только и жалуемся, что дети перегружены. И темп обучения тоже чрезмерно высокий — еле успеваем что-либо толком объяснить, тут же переходим на новый материал. А вы говорите, что традиционное обучение не нацелено на развитие!» Мог бы сказать ему более резко и патетически: «Как же, по-вашему, школа не развивала и не развивает детей? Значит, весь прошлый опыт учительства — это ошибка? Недоразумение какое-то!»

Мог бы я с ним спорить до бесконечности, но, когда послушал уроки в экспериментальных классах, которыми руководил Леонид Владимирович Занков, побеседовал с ним, разобрался в теории Л.С. Выготского о соотношении обучения и развития, о зонах развития ребенка, разобрался также в концепции Д.Н. Узнадзе о психологической сути обучения, убедился: развитие детей требует особой заботы, дети свою подлинную самостоятельность могут проявлять только в процессе развивающего обучения. Теперь я верю, что одним лишь умом ребенок может только осмыслить и усвоить знания, а если руками тоже, то он постигнет и жизненность знаний, но, если еще и сердцем, — **тогда все дверцы познания будут распахнуты перед ним настезь и знания станут для него орудием доброго преобразования и созидания.**

Общее развитие питает детскую самостоятельность.

Воображение рисует передо мной образную картину, через которую хочу осмыслить суть этого положения. Вот винтовая лестница, она высокая с бесконечным количеством ступенек. Из них своим воображением я охватываю около одиннадцати тысяч. Это вся средняя школа. Вместе со мной поднимутся мои дети на 3230-ю ступень, и этим мы завершим начальную школу. Ступеньки винтовой познавательной лестницы треугольные, высокие. Это не то, чтобы шагнуть и с легкостью подняться. Нет, ступеньки крутые, и, если я не научу их, как объединиться, как мыслить, как действовать, как дружить, как учиться, у детей ничего не получится. Помогая друг другу, мы уже преодолели 630 ступеней-уроков в подготовительном классе и 367 — в первом; а сейчас, когда дети решают проблему, писал ли Я.С. Гогебашвили стихи, я со своими ребяташками стою на 998-й ступеньке.

И вот мы поднимаемся по ступенькам винтовой познавательной лестницы. Почему именно винтовой? Потому что она необычна, она интереснее, чем обыкновенные прямые лестницы, хорошо знакомые детям. Уроки-ступеньки на этой лестнице становятся какими-то головокружительными, за-

манчивыми, захватывающими. Тут каждый испытывает, развивает и закаляет себя как человека, испытывает, развивает и закаляет свои возможности, способности, свою нравственность. Конечно, этому будет способствовать не лестница сама по себе, а те способы подъема по ступенькам, те формы общения, стимулирования, усиления жажды знаний, которые я буду культивировать, вносить в их школьную жизнь.

Эти треугольные ступеньки мне понадобились тоже не зря. Тут нельзя толкаться, нельзя думать только о себе. На узких и высоких треугольных ступеньках крутой лестницы легче осмысливаются проблемы взаимопомощи, чуткости, коллективного ума, дружбы.

Почему ступеньки высокие?

А как же иначе? Зачем же я нужен детям, если по ступенькам учения они смогут подняться сами? Знания и всякая наука существуют для них только через меня — их учителя и воспитателя. Ступеньки высокие потому, что, следуя мысли Дмитрия Николаевича Узнадзе, учебный материал, с одной стороны, должен соответствовать уровню развития сил ребенка (то есть уровню, который считается уже достигнутым), с другой стороны, должен быть значительно отдален от него; иначе, если возможности ребенка и учебный материал станут равны, дальнейшее активное развитие не состоится.

Но как же в таком случае ребенку усвоить учебный материал?

Он сам, конечно, не сможет этого сделать, своими силами ему не справиться. Ему нужен посредник, который делает учебный материал доступным для него и тем самым поможет подняться выше. В этом процессе ребенок будет познавать мир, впитывать в себя нормы общественной жизни, вырабатывать мировоззрение. Ступеньки должны быть высокими, а я — предводитель детей, посредник между их силами и миром науки и человечности — должен быть преданным им человеком. У меня должна быть щедрая душа, а сердце — настоящего педагога.

«Педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития». Эта мысль Льва Семеновича Выготского направляет мой творческий поиск на постоянное усовершенствование способа, образа, характера жизни моих детей и в школе, и в семье. Значит, я главный организатор завтрашнего дня детей, и если сегодня провожу с ними уроки, то на этих уроках мы перетягиваем завтрашний день в день сегодняшней, мы входим в него, мы растем.

Ну как, дети? Трудно вам подниматься по этим ступенькам, трудно вам на моих уроках? Трудно, конечно, так и должно быть! Я же специально делаю так, чтобы вам было трудно. Но одно дело, когда стоишь перед трудностью один на один и не знаешь, что делать. И другое дело, когда знаешь, что делать, знаешь, к кому обратиться за помощью и советом, когда полон надежды, что твой учитель, твои товарищи находятся тут же, они и сами чувствуют, что тебе трудно, и спешат помочь тебе. Да, это совсем другое дело, верно?

Трудность не помеха познавательному интересу, наоборот, когда трудно, тогда и интересно! Трудно потому, что надо думать, надо искать, надо делать, надо соображать! Трудно потому, что ваши силы еще не совсем окрепли. Но зато у меня есть сила, я потому и есть для вас, чтобы поделиться ею с вами. Нет, я не буду брать каждого из вас на руки и ставить на последующую ступень. Это не помощь, это разжевывание знаний, утомительное повторение одного и того же. Я не буду закрывать глаза на то, что вы чего-то не поняли, а в голове образовался какой-то туман, — и идти дальше. Если вы заметите, что я так поступаю, то прошу вас, мои дорогие друзья, скажите мне прямо: «Учитель, почему оставляете нас без заботы в этой туманности знаний, мы же можем потеряться тут!» Скажите еще строже, чтобы я сразу опомнился и извинился перед вами, перед каждым из вас.

Я к тому и призван, чтобы помочь вашему взрослению — ставить вашему познавательному марафону преграды и помогать всем вместе и каждому в отдельности преодолевать

их. Вы у меня становитесь все более умными, сообразительными, упорными, дружными и потому — более красивыми. Какие вас охватывают вдохновение и радость, дети! Эти чувства усиливаются и во мне, когда я стою перед вами и собираюсь помочь вам подняться на новую ступень нашей винтовой познавательной лестницы. В это время я забываю обо всем другом, мною руководит только одно: так вам помочь, чтобы вы не замечали мою помощь. Вам должно казаться, что это вы сами решили задачу, нашли ответ на вопрос, додумались, соорудили. Потому я придумал такие приемы и формы общения, которые могут вызвать в каждом из вас желание — «Дайте попробовать!», разработал методы такой подачи учебного материала, которая вызывает у вас удивление — «Что это такое? Неужели?!» и нетерпение — «Скажите, пожалуйста! Объясните, как это делается, что это такое!».

Для меня важно постоянно держать каждого из вас в предельном напряжении своих возможностей. Да, именно на пределе, ибо иначе вы не сможете войти в свой завтрашний день, радоваться этому дню, радоваться познанию. Помните, дорогие мои, как было у нас недавно на уроке физкультуры, когда в парке мы устроили соревнование по прыжкам в высоту? Мы установили планку на высоте 95 см. Вы начали прыгать, но только Лела, Котэ, Сандро — еще кто там? — Зурико, Тея смогли преодолеть эту высоту. Все остальные задели и сбросили планку, повторные попытки также закончились неудачно. Тогда я научил вас, как нужно разбежаться, с какого расстояния от планки оторваться от земли, как держать себя над планкой, и было достаточно нескольких попыток, чтобы большинство из вас на том же уроке физкультуры преодолели эту высоту. Мне пришлось поставить планку на высоту 96 см, хотя для Марики, Нато, Эки я ее установил на 82 см, а для Лелы и других — поднял до 97 см. И когда я предложил вам установить планку ниже, чтобы прыгнуть через нее было легко, вы отказались. Почему? Потому что ваши физические силы требовали предельного напряжения, то есть развития,

а вы это объясняли тем, что «так лучше». Вам было интересно испытывать себя. Вот так же, дорогие мои, я хочу держать на пределе ваши умственные, эмоциональные, волевые силы, вашу сообразительность, чуткость, отзывчивость. Как мне находить предельные границы напряжения этих сил, их же не измеришь с помощью сантиметра? Единственная мерка, которой я могу пользоваться, это моя педагогическая интуиция, основанная на глубоком изучении каждого из вас в отдельности. И как важно, чтобы я не ошибся в своей мерке, в своих измерениях! Важно и ответственно, потому что **на самой верхней грани соприкосновения способностей и эмоций учителя со способностями, силами и эмоциями своих учеников может родиться настоящая, радостная, увлекательная педагогика, действительная духовная общность между учителем и его учащимися.**

— Дети, подумайте, пожалуйста, на основе какого житейского события могла возникнуть у наших предков пословица: «Тише едешь, дальше будешь». Даю вам три минуты на размышление!

Три минуты самостоятельной творческой мысли! Нет, вовсе не обязательно, чтобы никто ни с кем не переговаривался: пусть спрашивают, пусть советуются, делятся своими соображениями. Пусть кое-кто опустит голову на парту, закроет глаза и погрузится в мир мыслей, фантазии, воображения. А через три минуты им предстоит рассказать друг другу о своих вариантах, доказывать и опровергать их. Я тоже расскажу им о своем варианте; в нем они обнаружат алогичность и не примут его. И так как этот спор не закончится на уроке, мы перенесем его на перемены, может быть, кто-либо из них захочет написать «книжку». Спор на уроке не закончится, но мы все, и я, и мои дети, поднимемся на следующую ступень нашей винтовой познавательной лестницы. А там я поставлю детям другие задачи, скажем, как нам поздравить детсадовцев с Новым годом, какие подарки приготовить для них, и они приступят к изготовлению за-

думанных игрушек, украшений для новогодней елки. Этот урок-ступенька будет заполнен у нас заботой о малышах. Еще ступенька... (Но это особая, исключительная ступенька, о ней я поговорю ниже.)

Уметь высказать сомнение (с аргументами, рассуждениями), уметь поставить вопрос (серьезный, умный, содержательный), уметь оценивать старания и результаты работы товарища (то же аргументирование, с чувством сорадости или сопереживания), уметь планировать линию своей учебно-познавательной деятельности — вот какова моя методическая направленность в развитии детей и воспитании в каждом из них совместной, так сказать, социально зависимой, самостоятельности.

Совместная, социально зависимая самостоятельность? Мыслимо ли такое?

Конечно, мыслимо: каждая крупинка мысли, заряженная страстью познания, радостью открытия, чувством сотрудничества и взаимопомощи, сливается в единое целое — личностное и коллективное — в качестве общественного мнения, точки зрения, концепции, мировоззрения, убеждения. Что же это такое, если не действительная самостоятельность!

Вот так веду я своих детей по винтовой познавательной лестнице на тысячную ступень, на которую мы поднимемся сегодня.

Да здравствует тысячный урок

— Сейчас у нас будет урок математики! Я вижу, вы рады математике, правда?

— Да!

— А вы знаете, какой это по счету урок в вашей жизни? Такого вопроса я еще не задавал детям, они озадачены.

— Нет, а какой?

— Вот какой! — Я беру красный мел и на доске, которая висит на боковой стене, вывожу большими цифрами: 1000.

Дети удивлены.

— Тысячный урок?! Мы уже прошли тысячу уроков?!

— Это только по математике? — спрашивает Елена.

— Нет, конечно!

— Это только в 1-м классе?

— Нет, и в подготовительном, и в первом вместе!

— Это все уроки, которые Вы провели с нами, как мы пришли в школу?

— Да, я же сказал, тысячный урок в нашей жизни!

— А сколько уроков у нас еще осталось? — спрашивает Илико.

— Я с вами проведу еще 2230 уроков (*пишу на доске эту цифру тоже*), и вы окончите начальные классы, перейдете в 4-й класс!

А этот урок у нас тысячный. За эти 1000 уроков видите, как вы выросли, как многому научились! Каждый урок — это ступенька вашего взросления. Если считать, что учение — винтовая лестница, а уроки — ее ступеньки, то можете представить, на какую высоту вы поднялись!

— На тысячную ступень!

— Как высоко!

— Это, наверное, высота десятиэтажного дома? — интересуется Марика.

— Давайте сосчитаем. Если одна ступенька будет равняться 20 сантиметрам, то 1000 ступенек...

— 20 000 сантиметров! — сразу вычисляет Илико.

— В метрах это будет...

— 200 метров! — подхватывают Илико, Лери, Майя, Тенго.

— Видите! По вашим знаниям вы стоите на высоте 200 метров!

— На высоте Тбилисской телевизионной вышки!

— Нет, выше! Высота вышки 180 метров!

— Мы находимся так высоко?! — удивляются девочки.

— Мне страшно смотреть с такой высоты!

— А мне нет!

— Тысячный урок — юбилейный урок!

— Да здравствует тысячный урок!

Радость тысячного урока охватывает всех.

— Посмотрите, пожалуйста, на часы — сколько минут мы уже отняли у нашего тысячного урока?

Часы висят у нас на боковой стене. Они регулируют ход наших занятий. Прошло уже три месяца, как их подарили нам родители, и в классе стали привычными вопросы: «Сколько минут осталось? За сколько минут надо сделать? Успеем или нет?» Эти вопросы возникают у нас почти на каждом уроке, и я замечаю, что дети начинают ценить время. Минута на уроке для них заполняется смыслом достижения, решения, овладения. И это потому, что минута существует для детей не абстрактно, а конкретно — наглядно, так как все видят, как красная стрелка, указывающая на секунды, бежит по кругу большого циферблата, а минутная стрелка с легким постукиванием передвигается с одного деления на другое. Время на этих больших часах с выразительными стрелками — как на ладони: дети видят, ощущают, слышат и чувствуют его. В подготовительном классе мне помогали песочные часы, а в первом — наши стенные часы стали измерителями плотности и интенсивности учебной деятельности каждого.

Я все больше и больше замечаю, как у моих детей развивается не только чувство времени, но и забота за все 35 минут урока. «Успеем? Не успеем? Ура, успели! Ой, не успели!» Да, это не плохая тревога за жизнь. Только нужно, чтобы дети спешили с умом. Не зря же мы спорили в классе по поводу пословицы: «Тише едешь, дальше будешь». «Черепашка тоже не спешит, ходит спокойно, медленно; как же она может оказаться дальше зайца, который мчится стрелой?» Эту задачу задал всем нам Сандро, и тогда дети начали ему объяснять: дело вовсе не в том, что надо ходить медленно, чтобы опередить других. «Тише едешь» надо понимать в том смысле, что

все нужно делать обдуманно, разумно; нужно делать хорошо, чтобы заново не пришлось тратить время и труд, нужно быть сообразительным, смекалистым, знающим, чтобы у тебя все получалось быстро, без лишней суеты. «Можно ли советовать человеку: делай все быстро, но без спешки?» На этот мой вопрос дети тоже ответили, что, конечно, можно. «Можно сказать и так: „Быстро, но с головой“» (*Гига*); «Сперва надо хорошо обдумать, а затем делать сразу, вот тогда и будет быстро, но без спешки» (*Тамрико*). «А как же с пословицей: „Семь раз отмерь, один раз отрежь“?» — спросил я у детей. Они: «Семь раз не значит думать бесконечно» (*Вова*); «Я по-другому скажу эту пословицу: „Дело без ума как без головы“» (*Лали*); «Я же так скажу: научусь думать быстро и делать сразу» (*Русико*). Так прошла у нас тогда дискуссия по поводу пословицы «Тише едешь, дальше будешь».

Мало сказать, что часы измеряют время. Даже мои ребята понимают, что часы измеряют саму жизнь, темп жизни, ее насыщенность. Часы не могут измерить пустую жизнь, так же как на весах не взвешивается пустота. Они измеряют настоящую жизнь, и, чем больше в ней мудрости, созидания, взаимности, тем содержательнее становится жизнь, каждая минута времени приобретает жизненный смысл. Всему этому я учу детей, и в этом мне помогают часы в классе. Как же мне, после таких размышлений о времени, оценить слова одной моей коллеги, которая в учительской положила на стол пару ручных часов, отнятых ею у своих учеников:

«Представляете, провожу урок, а они в это время смотрят на часы, сколько времени осталось до звонка!» «А если Вам взять и повесить в классе большие часы?» — спросил я у нее. «А это еще зачем?! — удивилась она. — Чтобы они считали минуты, когда кончится урок?!»

Нет, зачем так ставить вопрос? Если дети считают минуты, когда кончится урок, то, ясное дело, урок этот плохой, он им не по душе. А если они жалеют, что прозвучал звонок, урок кончился, и если вместе со звонком у них вырывается пол-

ное сожаления «О-ой!», то дело другое. На таких уроках часы просто необходимы, хотя, может быть, о них забудут все или же время от времени будут с тревогой поглядывать на них, боясь, что скоро кончится урок. Потому я и записываю для себя заповедь:

Учитель, повесь в классе большие, с выразительными стрелками часы, чтобы все дети видели «бег» времени, учились соизмерять с ним темп своей работы, жизни. А ты в это время проводи такие вдохновенные, увлекательные, полные чуткости, доброты и науки уроки, чтобы каждая минута способствовала взрослению твоих учеников.

Итак:

— Сколько минут мы отняли уже у нашего тысячного урока?

— Три минуты!

— Давайте начнем, чтобы не терять времени. Каким вы хотите, чтобы у нас получился урок?

— Интересным!

— Радостным, веселым!

— С трудностями!

— С хитростями!

— Сложным, напряженным, чтобы думать много!

— Насыщенным!

— Многообразным!

— Как вы поможете мне, чтобы у нас получился такой урок? — спрашиваю я.

— Будем внимательными!

— Будем сотрудничать с вами!

— Будем думать вместе с вами!

— Если вы ошибетесь, мы поправим!

— Ваши распоряжения будем выполнять сразу!

— Будем беречь время, минуты и секунды!

— Не будем задавать лишних вопросов!

— Не будем отвлекаться!

— А каким вы хотите, чтобы я был на уроке?

— Требовательным!

— Энергичным!

— Хитрым!

— Веселым!

— И строгим тоже!

— Хочу, чтобы вы улыбались почаще!

— Подходили к каждому из нас!

— Спрашивали всех.

— Хорошо! Принимаю все ваши пожелания, буду таким, каким вы хотите видеть вашего учителя на этом уроке! Значит, приступим к делу?

— Да!

— Внимание! Посмотрите, чем мы будем заняты на уроке!

И я отодвигаю занавески на досках. На одной части левой доски записаны учебные задачи, вся остальная площадь занята примерами и заданиями.

Не на каждом уроке, но каждый день на одном из четырех уроков я задаю детям эти вопросы: каким вы хотите, чтобы получился урок? Что вы хотите мне посоветовать, каким вы хотите, чтобы я был на уроке?

Смысл этих вопросов очень прост: пусть дети сами зададут тон уроку, пусть определяют для себя мотивы своей учебной деятельности, пусть станут моими соратниками, и пусть еще — это очень важно — они почувствуют себя хозяевами, осознают свою исключительную роль в творении урока.

Раньше, на заре своей педагогической деятельности, я представлял себя единоличным властелином урока. «Сидите смирно! Смотрите мне в глаза! Не смейте делать что-либо без моего разрешения! Не смейте спорить со мной! Я безгрешный, никогда не ошибаюсь, и, если даже ошибусь, вы не имеете права сказать об этом!» — вот правила, которыми я руководствовался тогда. Меня вводили в заблуждение и учебники по педагогике, которые единогласно утверждали, что это я — учитель — являюсь главной фигурой процесса обучения и воспитания.

Я верил этим учебникам так же, как верят аксиомам. Но потом все изменилось: дети помогли мне понять, что они готовы разрушить любое педагогическое здание, разнести в пух и прах все аксиомы и теории вместе, если те не будут отражать их действительную жизнь, устремленность, личность каждого.

Ну, хорошо, я главная фигура педагогического процесса, а дети? Они что, второстепенные фигуры? Может быть, мне надо смотреть на них, как на пешки на шахматной доске, которые я передвигаю медленно и осторожно и для которых у меня уже заранее заготовлено будущее? Стоит ли спрашивать пешек, какого гроссмейстера они хотят иметь, как они хотят прожить эту баталию на шахматной доске? Зачем спрашивать, пешки не умеют отвечать и, кроме того, ни один шахматист еще ни разу не садился за игру с той целью, чтобы доставить радость жизни своим фигурам на доске. А я вхожу в класс только лишь с одной целью — растить своих детей, принести каждому из них счастье обучения. Может ли без детей состояться урок? Нет, такого процесса не существует. Тогда какой же я — единственный, главная фигура в этом процессе? Пусть я старший, пусть знаю, чему и как учить, пусть мне доверено вести обучение и воспитание! Это вовсе не решает вопроса — главный я или нет. Я могу стать таким только тогда, когда, пользуясь властью, заставляю и принуждаю детей двигаться в мире познания, нравственного становления. Тогда я буду действительно главной фигурой, а детей можно принимать как противостоящую моим высоким педагогическим намерениям силу, которую надо подавлять и подчинять, чтобы им же самим не стало трудно в будущем. Но мне не хочется быть такой главной фигурой. Я стараюсь внушить детям желание стать моими соратниками в своем же обучении и воспитании, вместе со мною стать творцами урока и, стало быть, самих себя. По моему убеждению: **действительно гуманная педагогика — это та, которая в состоянии приобщить детей к процессу созидания самих себя.**

Так кто же в этом процессе будет главным? Главными будем все мы, как единые по своей цели, — и я, и мои воспитанники. Но мы будем не фигурами, пусть даже сверхглавными, а людьми, личностями. Фигура и личность — это разные вещи, фигурой можно играть, но с личностью нужно считаться.

Раньше, когда я считал себя главным, мне не надо было думать о действительной жизни детей на уроке. Этот вопрос и не возникал у меня, потому что мне надо было думать о своей жизни, а не о жизни «второстепенных» участников организованного мною процесса. Теперь же я озабочен именно этим вопросом: как сделать, чтобы на уроке состоялась совместная, обязательно трудная, но радостная жизнь. Конечно, я буду вести их в мир знаний и человечности. Но раньше я заставлял, принуждал их гнаться за мной, силой тянул их за собой. А теперь я ищу пути так вести их в этот же самый мир, чтобы они весело и шаловливо обгоняли меня, сами заглядывали в не познанные еще области этого мира — «а что там дальше?». Познавательная шалость — вот к чему я поощряю детей.

Шалите, дети! Просматривая заранее еще не изученные страницы ваших учебников, решайте задачи и упражнения, которые я еще не задавал вам! Спрашивайте, спрашивайте обо всем, что вас интересует! Приносите в класс детские энциклопедии и доказывайте и мне, и друг другу, что, оказывается, правы вы! Читайте книги, которые предназначены для более старшего возраста! Мастерите новые летательные аппараты, ну и что же, что не получится! Дело не в самих аппаратах, а в том, что вами движет шалость познавательная. Берите механические и электрические игрушки и разбирайте их. Конечно, взрослые рассердятся, так как после такой познавательной шалости собрать игрушку станет невозможно, но ничего, зато вы приобретете нечто более ценное, чем сама игрушка, — опыт, знания и умения. Такая ваша познавательная шалость не раз поставит меня в тупик, но что поделаешь? Зато я тоже научусь быть откровенным с вами: «Не знаю. Зав-

тра буду знать!» Познавательная шалость — это искра вашей творческой жилки. И я уверен: чем больше увлечет вас познавательная шалость в детстве, тем сильнее вы пристраститесь к созидательной и преобразующей деятельности во взрослом возрасте. Обычными путями я, разумеется, не смогу справиться на уроке с вашей познавательной шалостью. Раньше я и не допускал на уроке такой шалости. Но теперь я предпочитаю входить с вами в эту азартную игру. И, если мы в начале урока сговоримся друг с другом о том, какой нам творить урок, какими нам быть на уроке, какие задачи решать, — тем самым мы станем единомышленниками в нашей познавательной шалости. Какой же я главный в этой игре? Я просто ваш старший товарищ, богатый опытом и знаниями...

На доске — 5 учебных задач.

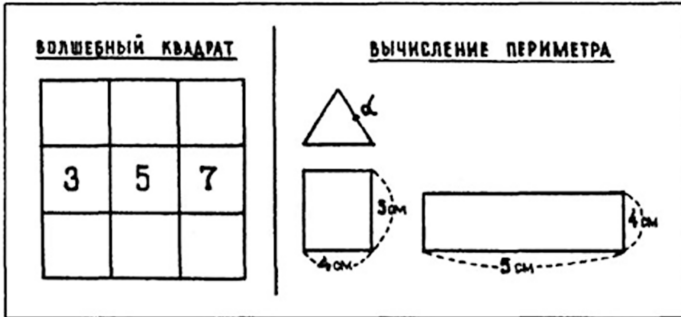
В подготовительном классе я показывал детям упражнения, примеры и устно объяснял, какая нас ждет работа. Теперь же я их записываю, потому что дети уже умеют читать и могут осмыслить сами, что им предстоит сделать.

Учебные задачи и упражнения этого тысячного урока записаны на всех трех досках.

1-я доска

<p>ЧТО МЫ БУДЕМ ДЕЛАТЬ ?</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Будем упражняться в догадливости. 2. Будем упражняться в „+“ и „-“. 3. Три минуты позже. 4. Составим волшебный квадрат. 5. Разберемся в лабиринте чисел. <p><i>Заключение: подытожим тему научились.</i></p>		<ol style="list-style-type: none"> 1) $22 + 28 = \square$ 2) $24 + 28 = \square$ 3) $28 + 28 = \square$ 4) $34 + 16 = \square$ 5) $100 - 20 = \square$ 6) $100 - 27 = \square$ 7) $96 - 28 = \square$ 8) $93 - 13 = \square$
---	--	--

2-я доска

— Нравятся вам задания?

— Интересные, хорошие!

Я закрываю занавесками все, кроме учебных задач.

— Итак, задачи на догадливость! Не ошибитесь в вычислениях! Ответы будете нашептывать мне на ухо! — Я понижаю голос, шепчу. — 3 петуха могут разбудить 9 человек. Сколько человек разбудят 9 петухов? Даю 30 секунд на размышление!

Сразу потянулись первые руки. Спешу к Сандро.

— 9 петухов могут разбудить 81 человека! — шепчет мне на ухо мальчик.

— Нет! — шепчу я ему в ответ и перехожу к Ии.

— 18!

— Нет! — шепчу ей тоже.

— 27! — нашептывает мне Магда. — Один петух будит троих, 9 петухов разбудят 27 человек!

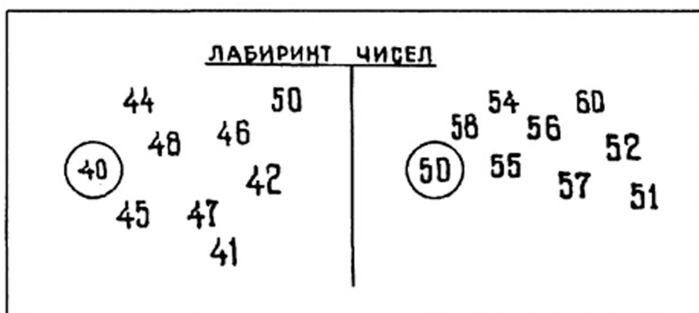
— Ты забываешь, в чем мы упражняемся!

Вова, Магда, Тамрико шепнули мне то же самое (27), объясняю каждому из них, в чем состоит суть упражнения. И вдруг почти у всех все моментально проясняется, ребята зашумели и упорными движениями рук начали призывать меня к себе.

Зурико обхватывает меня, прижимает к себе, касаясь губами моего уха, шепчет: «Если эти люди живут по 3 человека и в отдельности друг от друга, то каждой группе хватит одного петуха, а если они живут все вместе, опять им хватит одного петуха...»

Ника: «Один петух может разбудить все село, весь город...»

3-я доска

Вахтанг: «Нельзя же так, чтобы кукареканье одного петуха будило только троих, а все остальные продолжали спать, пока не закричат другие петухи тоже...»

Эка: «Эта задача будет правильной только в том случае, если добавить, что каждые 3 человека привыкли просыпаться лишь от крика своего петуха...»

Русико: «9 петухов будут кричать так громко, что могут разбудить многих...»

А Майя говорит вслух: «В этой задаче мы должны были догадаться, что в ней главное не само вычисление, а несоответствие ее содержания действительности. Если следовать только условиям, то 9 петухов должны разбудить только 27 человек. Но, чтобы будить все село, хватит и одного петуха!»

Илико обязательно хочет что-то добавить: «Будет кукарекать 1 или 9 петухов, это ничего не значит. Они смогут разбудить столько людей, до скольких донесется крик, не считая глухих!»

Этот ответ нравится большинству.

— Вторая задача на сообразительность! — говорю я резко, дети сразу стихают. Я опять понижаю голос. — На ее решение даю две минуты... Цапля, когда она стоит на обеих ногах, весит 7 килограммов. Сколько она будет весить, если станет на одну ногу?

Быстро направляюсь к Нии.

— Три с половиной килограмма! — шепчет мне девочка.

— Нет! Подумай еще.

Но в это время класс загудел, дети выкрикивают:

— Столько же... 7 килограммов.

— Будет она стоять на одной или на двух ногах, вес цапли не изменится...

— Согласен! — говорю я детям. — А теперь...

Мой тон при произнесении последней фразы сообщает детям, что мы переходим к другой работе, поэтому мой улей сразу стихает.

— А теперь... Будем упражняться в сложении и вычитании. Назовите двух товарищей, которые выйдут к доске!

Тека называет Дато, а Бондо — Эллу.

Они становятся около первой доски, спиной к классу. Дато держит зеленый мел, Элла — красный. Я раскрываю часть доски, на которой записаны цифры в кружочках. Теперь дети будут называть примеры на сложение и вычитание, а вызванные должны быстро определить, соответствует ли какое-либо из записанных в кружочках число результату примера, и сразу перечеркнуть его.

— Придумайте хорошие, сложные примеры! — предлагаю я детям.

Лела: «29 – 14».

Дато успевает первым перечеркнуть число 15.

— Правильно! — подтверждает Лела и весь класс.

Тамрико: « $9 + 13$ ».

Дато перечеркивает 22.

— Правильно! — говорит Тамрико и садится.

Ираклий: « $33 - 8$ ».

И пока Дато ищет нужный результат, Элла успевает своим красным мелом написать на доске число 25 и обвести его кружочком.

Тea: « $100 - 93$ ».

Дато перечеркивает цифру 7.

Ника: « $52 - 48$ ».

Элла перечеркивает цифру 4.

Лали: « $90 - 82$ ».

Опять Элла перечеркивает цифру 8.

Магда: « $60 - 47$ ».

Число 13 перечеркивается красным мелом.

Лери: « $45 - 31$ ».

Дато пишет число 14 и обводит его кружочком. А Элла перечеркивает на доске число 12. Но дети тут загудели:

— Неправильно!

Елена: « $100 - 88$ ».

Число 12 перечеркивается сразу и красным, и зеленым мелками. Подытоживаем: у Эллы 5 правильных решений, одна ошибка, у Дато 5 правильных решений, ошибки нет. Дети аплодируют им, и оба садятся.

— А теперь... назовите троих, которым придется заняться этими примерами!

И я раскрываю столбик примеров без решения.

К доске выходят Ника, Гоча, Эка. Они стоят также спиной к классу. Я выхожу чуть вперед, чтобы вызванные не видели меня. Засаекаем время на стенных часах, и начинается мое немое общение с детьми.

Я показываю детям 6 пальцев. Это значит — они должны решать шестой пример в столбике: $100 - 27$.

Они начинают решать молча, одновременно следят за моей жестикуляцией, движением губ; этим я помогаю им в решении примера.

Вызванные к доске не обращают на нас внимания, решают примеры по своему выбору, сколько успеют.

Я даю знак классу показать пальцами результат решения.

Они показывают 7 раз по 10 пальцев и еще 3 пальца, то есть 73.

— Внимание! — говорю я после всего этого, вызванные к доске наострили уши. Я взмахиваю рукой, и дети хором произносят:

— 73!

Подаю знак рукой: «Теперь полная тишина!»

Вызванные к доске сговариваются между собой, а потом Эка быстро записывает ответ примера « $100 - 27$ » (73).

Я подаю знак классу.

Дети (хором). Правильно!

Я тут же показываю 3 пальца, а потом шевелю губами, жестикулирую.

Дети решают в полной тишине третий пример, показывают результат — 5 раз по 10 пальцев и еще 6 пальцев.

— Внимание! — и взмахиваю рукой.

— 56! — произносят дети хором.

Вызванные к доске опять советуются, а потом Ника быстро записывает результат третьего примера (56).

— Правильно! — подтверждает класс.

И сразу показываю детям 4 пальца. Этот пример связан с моим секретом: его результат и результат первого примера одинаковы. Обнаружат ли это вызванные к доске дети?

Опять обращаюсь к классу: путем мимики и жестикуляции решаем пример. Потом сразу даю знак рукой.

— 50! — произносят дети хором.

Вызванные быстро пошептались между собой, и Гоча записывает в квадратике первого примера 50.

— Нет! — волнуются дети.

— Да! — говорят трое.

Эка внимательно смотрит на столбик и записывает ответ четвертого примера.

Так решают дети и все остальные примеры.

За сколько времени? За четыре минуты! А примеры ведь из области познавательной шалости!

Четыре минуты еще не рекорд.

— Спасибо, садитесь! — говорю я Эке, Нико, Гоче. — А теперь три минуты поэзии!

Нато выбегает. Дети расслабляются: кто опускает голову на парту, закрывает глаза, кто полулежит — кому как удобнее.

— Сегодня я прочту грузинское народное стихотворение о том, как звери помогали старушке убирать урожай!

Нато, Ния, Тека, Иракий, Гига умеют читать вдохновенно, выразительно. Дети часто просят их прочесть стихи. Минуты поэзии на уроках математики ввели мы недавно. Эта группа детей (к ней присоединяются и другие дети) поочередно читает одно-два стихотворения, затем мы опять возвращаемся к «проблемам» математики. Сегодня очередь Нато. Стихотворение о старушке и ее помощниках — зверях полно юмора. Нато не просто читает, она и изображает. Дети смеются и аплодируют ей.

— А завтра кто будет читать?

— Я буду читать новое стихотворение! — говорит Гига.

Открываю половину второй доски.

— За 6 минут мы должны заполнить цифрами этот квадрат и сделать его волшебным. Сначала перерисуйте его в свои тетради! Дети выполняют.

— Эти 3 слагаемые в сумме дают...

— 15!

— Верно. В пустых квадратиках надо записать такие числа от 1 до 10, чтобы сумма слагаемых и по горизонтали (*показываю*) и по вертикали (*тоже показываю*) равнялась 15. Числа не должны повторяться. Давайте сделаем вместе! По-

думаем сперва, какие числа вставить в среднюю вертикаль! Магда, не забудь посмотреть на часы, как только пройдет 5 минут, скажи!

Пробуем несколько вариантов — не получается, числа повторяются, сумма их нарушается то по одной диагонали, то по другой... Магда напоминает:

— Осталось 2 минуты... Осталась одна минута! И на исходе последней минуты дети все же нашли правильное решение, сразу же перепроверили — верно.

От радости дети аплодируют, кричат «ура». А волшебный квадрат выглядит так:

— Если кто хочет, пусть дома составит такой же волшебный квадрат, только чтобы сумма чисел была другая и, конечно, чтобы числа не повторялись!

4	9	2
3	5	7
8	1	6

Желание изъясляют все. Прекрасно, дети! Вот будет головоломка сегодня и вам, и вашим близким. Зато некоторые из вас завтра придут со своими волшебными квадратиками, а некоторые будут утверждать, что волшебные квадраты больше не получаются, нужно, чтобы числа повторялись! Это мне и нужно: вы будете спорить друг с другом, доказывать, на это уйдут перемены. Вы будете учить друг друга, вот что последует за этим волшебным квадратиком и вот почему он у меня волшебный!

За 6 минут решаются задачи о вычислении периметров треугольника с равными сторонами и прямоугольников.

— Половина стороны треугольника равна d . Чему равен периметр треугольника?

Не успел я досказать задачу, как многие уже решили ее:

— $6d$. Равен $6d$!

— А если d равно 3 см?

— Тогда периметр составит 18 см!

— А если d равно 4 см?

— Периметр будет 24 см!

— А если d равно двум с половиной см?

— 15!

— Ну, хорошо! Вот вам другая задача. Дано 2 равных прямоугольника, стороны которых известны. Если приставить их друг к другу равными сторонами, получится...

— Новый прямоугольник!

— Верно. Даю 3 минуты, чтобы высчитать периметр этого нового прямоугольника.

Дети принялись за дело. Некоторые думают сами, некоторые объединились по два, по три с сидящими рядом, сзади и впереди детьми, они близко склонили головы друг к другу и шепчутся. Я подзываю к себе Лелу и тоже начинаю шептаться с ней.

— Давай решим задачу вместе, хорошо?

— Хорошо!

— Будем рассуждать так: если прямоугольники приставить большими сторонами, то получим такой прямоугольник, верно? *(Я демонстрирую это с двумя маленькими прямоугольниками, вырезанными из картона.)*

— Да!

— Высчитай поскорее, каков будет периметр этого прямоугольника!

Лела считает и допускает ту самую ошибку, которую, думаю, допустят и другие: она складывает длину всех сторон обоих прямоугольников и получает 36 см. Тогда я переворачиваю прямоугольники, с другой стороны указанной длины сторон нет.

— Покажи стороны этого прямоугольника и назови длину каждой! Девочка сразу соображает.

— Я и те стороны посчитала, которые в середине!

— Но это же новый прямоугольник, значит, их в нем уже не существует!

— Периметр равен 26 см.

— Верно!

— Осталось полминуты! — предупреждает Эка.

— А теперь,— говорю я Леле, — приставь эти прямоугольники маленькими сторонам и высчитай!

— Время истекло! — объявляет Эка.

Подхожу к группе в среднем ряду — там объединились Тека, Илико, Вахтанг.

— У нас два ответа: если приставить прямоугольники большими сторонами, то периметр составит 26 см, а если маленькими сторонами, то периметр такого прямоугольника будет равен 28 см! Верно?

Все это говорят мне вместе и Тека, и Илико, и Вахтанг. Вот она, коллективная самостоятельность. Дети возбуждены.

— Верно! — говорю я и улыбаюсь всем троим.

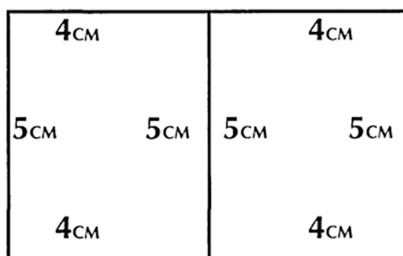
Котэ допустил ту же самую ошибку, что и Лела: он в отдельности высчитал периметры обоих прямоугольников и сложил их, потому и утверждает, что периметр равен 36 см.

— Нет, — говорю мальчику.

Рядом с ним сидит Ия.

— А ты как думаешь? — спрашиваю девочку.

— Периметр равен 26 см.

— Объясни, пожалуйста, Котэ, как ты получил этот результат.

Мнения в классе расходятся: дети называют и 36 см, и 28 см, и 26 см.

Вызываю к доске группу во главе с Илико.

— Объясните и докажите!

Хотя они говорят наперебой, все же сумели объяснить и доказать, и в классе не видно сомневающихся.

— У нас осталось еще одно задание: соединить числа по порядку — от сорока до пятидесяти и от пятидесяти до шестидесяти. Отдвигаю занавеску на третьей доске.

— Давайте поручим это дело Тее и Елене, вы не против?

Пять-шесть ребятишек, в том числе Тея и Елена, нуждаются в развитии быстрой реакции и сообразительности.

— Задача должна быть решена за минуту! Следите, пожалуйста, насколько правильно они будут действовать! А ты, Марика, смотри на минутную стрелку!

Марика засекает время:

— Начали! — дает она команду.

Тея слева, Елена справа соединяют кривой цифры, обводят их кружочками, но одновременно нужно обнаружить их последовательность, а это вызывает задержку. И дети переживают. «Наверху! Внизу! В середине! Справа! Слева!» — кричат они. «Секрет» этих упражнений состоит в том, что в порядковой нумерации чисел исключено по два числа в каждом. 41, 42, а где же 43? Задержка. Нужно быстро пересмотреть все числа, чтобы убедиться — нет его, сделать пустой кружочек и идти дальше.

Дальше то же самое — опять задержка.

— Все! — кричит Марика. — Время истекло!

Девочки отходят от доски. Класс проверяет.

— Правильно! Они справились с задачей!

— Дети, посмотрите на часы: сколько минут еще осталось на нашем тысячном уроке?

— 2 минуты!

— Значит, через 2 минуты наш тысячный урок уйдет от нас навсегда! Давайте подытожим, что он кому оставляет!

Лери: «Тысячный урок оставляет мне знание о периметрах...»

Тамрико: «Мне на всю жизнь запомнится тысячный урок. Он был очень красивым!»

Вова: «Мне понравился волшебный квадрат!»

Майя: «На этом уроке мои знания пополнились! Я знаю сегодня больше, чем знала вчера!»

Сандро: «Он развил во мне сообразительность! Я правильно решил ваши задачи на сообразительность!»

Котэ: «На этом уроке я упражнялся в сложении и вычитании! Еще правильно решил задачи о периметрах прямоугольников!»

Эка: «Помните, как вы сказали нам на уроке чтения: „Вы растете прямо на глазах!“ На этом тысячном уроке я почувствовала, как я расту!»

Вахтанг: «Мы все выросли на этом уроке!»

Гига: «Я буду считать дальше все уроки!»

Тея: «Тысячный урок оставляет во мне добрые воспоминания. Я еще больше полюбила вас!»

Тенго: «А я еще больше полюбил учиться!»

Смотрю на часы — скоро зазвучит мелодия электрического звонка.

— Дети, этот урок и в меня вселил мудрость. Он сказал мне: «Верь в своих воспитанников, каждый из них обязательно станет хорошим человеком!» Спасибо вам за сотрудничество, за то, что у нас получился такой интересный тысячный урок!

— Вам спасибо!

Звенит звонок.

— Давайте проводим наш тысячный урок аплодисментами и споем ему песенку на прощанье!

Дети аплодируют, как будто погрустнели даже: уходит от них тысячный урок, который поднял каждого на новую ступеньку. А потом поют песенку:

Как живете, Дети?

*«Буквы разные писать тонким перышком в тетрадь
Учат в школе, учат в школе, учат в школе!
Вычислять и умножать, малышей не обижать
Учат в школе, учат в школе, учат в школе».*

Ты начал навещать меня и дома. Приводила тебя мама, которую ты просил: «Пойдем к Шалве Александровичу!» «Но он же занят, наверное, или отдыхает... Неудобно!» — пыталась переубедить мама. «Ничего, я не буду ему мешать, просто посмотрю, что он делает!» Мама краснела, когда я открывал вам дверь: «Понимаете, не дает покоя!» Мы беседовали о разном, ты порой помогал мне в каких-то хозяйственных делах, скажем, разместить книги на полках. А потом мы садились и играли с тобой в шахматы. Да, да, именно в шахматы!

Мысли, которые вдохновляют

Излечить от зла

Искусство нашей профессии состоит в том, чтобы, ненавидя зло, не переносить ненависть на того, в чьей душе живет оно.

На мой взгляд, подавляющее большинство конфликтов между учителем и «неисправимыми», «безнадежными» школьниками как раз и возникает там, где ненависть ко злу учитель переносит и на ребенка. Однако ребенок есть ребенок, и в том, что зло укоренилось в его сердце, виноваты взрослые.

В моей педагогической практике существует правило: каким бы странным не было зло в детской душе, надо видеть в этой изуродованной душе прежде всего человека, который ждет, чтобы ему помогли — излечили от зла. Я обращаюсь не к голосу зла, а к голосу красоты человеческой, которая в ребенке обязательно есть, которую не заглушить ничем.

* * *

Дать детям радость труда, радость успеха в учении, пробудить в их сердцах чувство гордости, собственного достоинства — это первая заповедь воспитания. В наших

*школах не должно быть несчастных детей, душу которых гложет мысль, что они ни на что не способны. Успех в учеб-
нии — единственный источник внутренних сил ребенка,
рождающих энергию для преодоления трудностей, желание
учиться.*

* * *

*Самой главной чертой педагогической культуры должно
быть чувство духовного мира каждого ребенка,
способность уделить каждому столько внимания и духов-
ных сил, сколько необходимо для того, чтобы ребенок по-
нял, что о нем не забывают, его горе, его обиды и страдания
разделяют.*

В.А. Сухомлинский. Антология Гуманной Педагогики

Ты выигрывал у меня, но и проигрывал тоже, однако все это происходило на таком мужском уровне, что ни ты, ни я не огорчались поражением.

Все твои одноклассники любят меня, я это чувствую на каждом шагу — как они общаются со мной, как с полуслова меня понимают, как выполняют мои поручения, как защищают меня. Видишь ли, я нуждаюсь в вашей защите, может быть, порой даже больше, чем вы сами нуждаетесь в моем покровительстве. Помнишь, как однажды вошла в класс завуч школы, ей что-то не понравилось у нас, и она обратилась ко мне, выражая свое недовольство: «На что это похоже! Приведите в порядок немедленно!» И тут Эка, спокойная, уравновешенная девочка, скромная и застенчивая, встала и твердым, требовательным голосом произнесла: «Мзия Самуеловна, мы все очень просим вас впредь таким тоном не обращаться к нашему учителю!» А она — умный педагог: «Простите, ребята! Извините, Шалва Александрович! Я не хотела обидеть вас и ваших учеников!» Она пожала мне руку и вышла из класса.

К чему я вспомнил эту историю? Да, твои товарищи любят меня. Но ты, мальчик, я чувствую, привязался ко мне крепче других. Почему?

Конечно же, есть этому причина, и мне не трудно теперь это объяснить. Не трудно потому, что я знаю о тебе все, почти все, чтобы ставить педагогический диагноз. Отец твой в отчаянии от твоих неудач грубил тебе: «Читай нормально! Думай и говори так, а то...» И ты часто прятался от него под кровать. Старший брат тоже не баловал тебя: «Уходи... Отстань... Дурак... Кретин!» Во дворе ребята без охоты включали тебя в игру и выгоняли из нее при первом же случае нарушения порядка. Мать ласкала тебя, успокаивала, но больше она ничего не могла сделать.

О тебе, мой мальчик, я знаю еще и другое. Ты вовсе не злой мальчишка, у тебя доброе сердце, умеющее любить, уважать, ценить, благодарить. Но среда, в которой ты находился, заставляла, вынуждала тебя поступать именно наоборот.

Надо же защищать себя, когда нападают, восстанавливать ущемленное достоинство! Скажет кто-то тебе: «Кретин!» (а это слово, ты чувствуешь, вовсе не ласковое) — ты говоришь обидчику то же самое и бьешь его кулаками по голове. А тот начинает кричать: «Мама!» И взволнованная мать обидчика тоже не скупится на грубости: «Тебя нельзя выпускать из дома! Вот недоразвитый!» И ты показываешь ей язык.

Вот как складываются твои отношения с окружающими. Разве это радостное детство?

А один твой сосед уверял меня: «Он несносный! Бьет наших детей! Ни с кем не ладит! Не умеет играть, только мешает детям!»

Вначале, когда в прошлом году я впервые познакомился с тобой, я был озадачен, я был не подготовлен к работе с тобой. Школа обычно старается избавиться от детей, с которыми трудно работать. Таких детей причисляют к разным категориям, каждая из которых именуется медицинским термином, и отправляют в разные специальные школы. Не сомневаюсь,

мой мальчик, иной педагог поступил бы так же в твоём случае. Вначале я было подумал, что уже через месяц-другой ты усвоишь правила поведения в школе, научишься читать, писать, считать. Но я ошибся: моя методика, способствующая успешному развитию всех остальных, не оказала на тебя прямого благотворного влияния. Ты оставался пугливым и дерзким, а учебный год закончился так, что ты научился называть только несколько букв и рисовать несуразные кривые, называя их домом.

«Нужно оставить его в классе на второй год!» — советовали мне некоторые коллеги. Но оставить ребенка на второй год в классе не соответствует моим педагогическим взглядам. Даже на заре своей педагогической деятельности, когда на такие случаи я смотрел с позиции «мне было бы легче», я был далек от мысли оставлять младшего школьника на второй год. Теперь же никто не сможет уговорить меня в пользу такой меры. Ребенку трудно, он сам не понимает, в каком состоянии находится, он больной, только эта болезнь совершенно другого рода, чем обычные болезни, которые лечат врачи. Она подвластна только педагогической терапии. Какая будет польза ребенку от того, что он второй год посидит в том же классе, но уже вместе с другими детьми? Это же не кинофильм какой-нибудь, который он готов смотреть хоть 10 раз подряд! Ему сразу наскучит все, а с ним будут обращаться как со второгодником и потому — негодником. И он станет еще хуже, станет действительно «трудным», а учителям будет дан повод оправдать безрезультатность своих стараний: видите, он такой, с ним ничего не поделаешь!

Нет, мальчик, я не оставлю тебя в классе на второй год! Как же я буду смотреть тогда в глаза моей педагогической совести? Ведь скажет мне она: «Ну зачем, учитель, избавился ты от своего долга? Зачем оставляешь без своего присмотра, на чужое попечение ни в чем не повинного, беспомощного маленького человека?» Мне будет всегда стыдно встречаться с тобой в будущем на улицах нашего города, я буду прятаться

от тебя, чтобы ты не наказывал меня своей доброй улыбкой, а может быть, и усмешкой озлобленного человека.

Но я считаю своим долгом не просто переводить тебя из класса в класс, но, самое главное, обязательно доставлять тебе радость познания и счастье общения с людьми.

Вот почему встречаемся мы каждый день.

Для тебя эта встреча, может быть, просто приятное времяпрепровождение, но для меня (нет, я не жалею и не хвастаюсь) — сложнейший педагогический труд и мучительный поиск индивидуальной, сугубо частной, экстраординарной педагогики...

Что я еще знаю о тебе?

Помнишь, в сентябре я повел тебя к одному человеку? Тебе я сказал: «Если хочешь, пойдём вместе со мной, мне надо навестить своего товарища! По дороге поедем мороженое!» А этот дядя заговорил с тобой, вовлек тебя в какую-то игру, задавал вопросы. Дядя тебе понравился. И этот дядя — этот профессор-дефектолог — сказал мне: «Будет трудно, но нет ничего невозможного!» Заключение известного специалиста меня окрылило, в тот день я был безгранично счастлив...

Знаешь, где я еще был? В той больнице, где ты родился. Со мной говорил главный врач: были осложнения, роды были трудные, и ты при рождении получил травму. А как могут проявиться симптомы этой травмы в ребенке? Врач объяснил мне: ребенок может проявлять слабоволие, агрессивность, возбудимость, возникнут сложности в учении. Такие симптомы в этом ребенке нельзя считать наследственными — заверил меня врач. В переводе на язык педагогики заверение врача для меня означало: «Ищи методику, верь, что рано или поздно он станет воспитуемым и обучаемым!»

С чего начать?

С изменения сложившихся отношений с окружающими тебя людьми, вот с чего!

Не буду же я ждать, пока все само собой образуется! На тебя оказывает влияние вся социальная среда. И эта со-

циальная среда не изменяемая действительность, а та, которая должна служить воспитанию человека. Моя педагогика потерпит крах, если по ее требованиям не будут изменены отношения к тебе в этой социальной среде, обстоятельства изменяются именно людьми и... воспитатель сам должен быть воспитан.

Я пошел к твоему отцу, поговорил с твоим старшим братом, встретился с твоими соседями и ребятами по двору. Я объяснил всем, как надо помочь маленькому человеку, как к нему относиться, как быть к нему снисходительными, доброжелательными, терпеливыми, как видеть в тебе добрые черты характера, как уважать тебя. В общем, объяснил, уговорил, потребовал, попросил, заклинал (с кем как нужно было).

И твоим товарищам в классе тоже поставил условия.

Все это я делал не постепенно, а сразу, и ты, неожиданно для себя, оказался в измененном окружении тех же людей. Эта человеческая, педагогическая атмосфера доброты по отношению к тебе повлияла на тебя так же, как влияет чистейший воздух в сосновом лесу на больного сердечной недостаточностью. Ты преобразился, и вдруг выступила наружу твоя истинная природа. Мяч твой, но пусть играют все — не жалко. Кулек шоколадных конфет подарили тебе, но ты бежишь во двор делиться ими со всеми ребяташками. Отец пришел домой усталый, и ты целуешь его, ласкаешь, проявляешь услужливость. Мама идет на базар, и ты сопровождаешь ее, чтобы нести сумку с продуктами. Ты нечаянно наткнулся на Эку, девочка упала, заплакала, и ты тоже плачешь от жалости к ней, бежишь ко мне и просишь, чтобы я наказал тебя. Ты становишься добрым, отзывчивым мальчиком, тебя начинают любить, без тебя не хотят играть. Ты необходим для окружающих тебя людей. Это и доставляет тебе радость общения с людьми.

— Вот и кончился фильм! — я выключаю проектор.

Ты еще хохочешь.

— Займемся теперь письмом и счетом!

Мы садимся за стол. Я даю тебе бумагу, авторучку. Мы с тобой работаем так: даю тебе задание, ты его выполняешь; если оно выполнено неправильно, то я сначала объясняю тебе, как надо действовать, а потом говорю вслух и одновременно делаю то, что говорю. Ты поступаешь так же вслед за мной.

— Сколько тебе лет?

— Семь!

— Напиши: «Мне уже семь лет».

Ты пишешь медленно, несуразно, в этих четырех словах пропускаешь три буквы, слова сливаешь друг с другом, переставляешь в слове буквы. То же самое мы пишем вместе. Я не даю тебе заглядывать в мою тетрадь.

— А теперь сравним, кто как написал!

Сравниваем. Мои наводящие вопросы помогают тебе обнаружить в написанном мною предложении некоторые из тех ошибок, которые ты допустил при первом написании того же предложения. Это тебя подбадривает.

— Я продиктую тебе пример, ты запиши и реши! Девять плюс три... Ты пишешь: «9 + 3» и останавливаешься. Долго думаешь, может быть, даже забываешь, что нужно решить пример. Кусаешь кончик авторучки.

— Решай: $9 + 3!$ — напоминаю я.

— 19! — говоришь вдруг и тут же пишешь эту цифру.

— А теперь решим вместе. Число 3 разделяю на 2 слагаемых — 1 и 2... Напомни, пожалуйста, почему так нужно сделать!

— Чтобы 9 дополнить до 10...

— Правильно!

Я мог бы задать тебе более сложный вопрос, например: «На какие слагаемые нужно разложить число 3?» Но твой ответ, я знаю, заставил бы меня вернуться опять к такому же началу объяснения. В наших тетрадях возникает следующий чертеж.

$$\begin{array}{c}
 \textcircled{1} \\
 \uparrow \\
 9 + 3 = \\
 \downarrow \\
 \textcircled{2}
 \end{array}$$

Дальнейшие действия мы одновременно проговариваем вслух:

- Сначала к 9 прибавляю...
- 1...
- И получаю...
- 10!
- Пишу 10 вот сюда... Правильно?
- Да.
- А эти 2 с плюсом пишу вот сюда... И наш чертеж принимает такой вид:

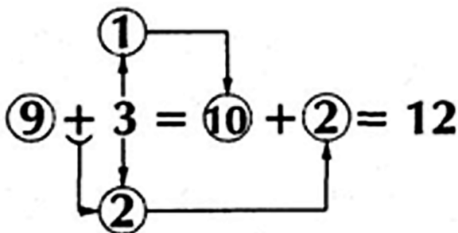
$$\begin{array}{c}
 \textcircled{1} \\
 \uparrow \\
 \textcircled{9} + \textcircled{3} = \textcircled{10} + \textcircled{2} = \\
 \downarrow \quad \uparrow \\
 \textcircled{2}
 \end{array}$$

— Что сейчас у нас получилось? Я запутался... Ты сразу меня спасаешь:

- 10 + 2...
- Верно... Значит, 10 + 2... — я понижаю голос, «обдумываю», — получится...
- 12!

И смотришь мне в глаза, как будто просишь: «Ну, скажи, учитель, что я прав!»

— Подожди... $10 + 2...$ Ну, конечно, 12! Молодец! Наш чертеж завершается:

Что сегодня я замечаю в тебе? Усиливающийся интерес к учению, мой мальчик, стремление сосредоточиться. Замечаю твою радость, что решаешь «сам», так как я даю тебе возможность закрепить в себе чувство уверенности в своих силах. «Ой, я что-то упустил, у тебя тоже так, да? Нет?! Вот видишь!» Ты сияешь. Я помогаю тебе закончить начатую мною мысль и тут же подтверждаю: «Ну; конечно... Спасибо... Молодец... Ты прав!»

Эти замеченные мною крупинцы самостоятельности воспитывают в тебе уверенность, что ты можешь, ты тоже такой, как все другие, порой у тебя получается даже лучше, чем у самого учителя. Такая систематическая постоянная работа с тобой убеждает меня: **если ребенку трудно учиться и мы действительно хотим ему помочь, то самое главное, с чего мы должны начать и чему постоянно следовать,— это дать ему возможность чувствовать, что он также способен, как все остальные, и что у него тоже есть своя особая «искра Божия».**

— У тебя есть велосипед?

— Да, двухколесный, с тормозом! Я умею ездить на велосипеде!

— Нарисуй свой велосипед!

Ты рисуешь что-то непонятное. Что это — нарушение восприятия действительности?

Несколько раз я возвращал тебе твои рисунки и просил напомнить мне, что там нарисовано. Ты безошибочно называл все — дом, автомобиль. И когда я предлагал нарисовать уже на других занятиях те же самые предметы, ты рисовал их почти так же — одинаково.

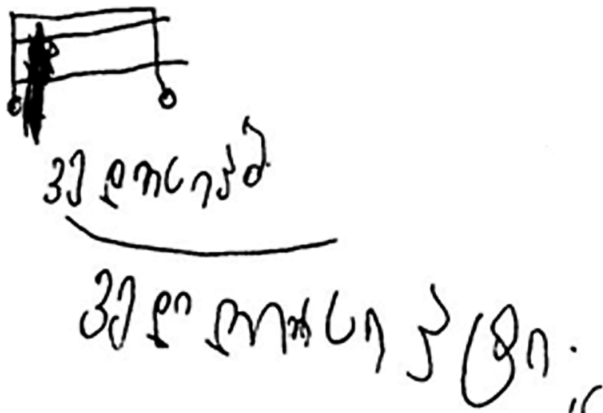
Неужели такой же велосипед нарисуешь ты мне, когда будешь во втором классе? Неужели я не смогу помочь тебе?

Я буду знакомить тебя с формами предметного мира, научу способам их изображения. Может быть, нужно учить тебя словесно описывать эти предметы, а затем их изображать, имея перед собой натуру или модель?

— А теперь припиши, что это такое!

Ты пишешь сперва «ведо-сепб», а затем — «вед ил осепти».

Вот что у тебя получилось на листке:

— Сегодня мы идем в гости к детсадовцам?

— Да!

— А кто был тот дядя, который сидел на уроках? Он так хмуро смотрел!

Ну что же, мой мальчик, пусть будет твой рисунок велосипеда пока таким. Пусть пока 74 – 5 будет для тебя 17.

Пусть прочитанное тобою слово «лампочка» будет звучать пока «лам-пара-ска». Пусть! И давай шагнем с такими знаниями во второй класс!

Я не боюсь этого, а ты тем более.

— Иди обедать!

Какие доверчивые глазки у тебя, мой мальчик, какая добрая улыбка!

Ты открываешь дверь, наклоняешь голову, как умеют лошадки перед стартом, и выбегаешь из комнаты. Но тут же головой натыкаешься на инспектора, на того самого дядю, который сидел сегодня на наших уроках и, как ты выразился, «так хмуро смотрел».

Такой инспектор

— Какие у вас невоспитанные дети! — начал жаловаться инспектор, кривясь и массируя рукой свой живот: видимо, мальчик причинил ему какую-то боль. — Надо им научиться ходить по коридору, как никак, это школа, а не улица!

— А на улице можно ходить как угодно?

— Могу представить, как ваши ученики...

— Дети...

— ...ведут себя на улице!

Инспектор пришел ко мне не с добрыми намерениями, я это почувствовал сразу, как только он вошел в класс — без улыбки, с сухим приветствием. А сейчас, после его первых слов и недовольного, рассерженного императивного

тона окончательно убедился в этом. Он настроен атаковать меня, мою работу с детьми, мои педагогические убеждения. Атаковать не с той целью, чтобы помочь мне глубже разобраться в своей же работе, лучше ее направить, обнаружить пробелы и недочеты. Нет, это его не заботит. Почему я вышел за рамки методических предписаний — вот в чем дело! Его задача мне предельно ясна: если еще возможно, то вернуть меня в общую колею, подогнать мою учебно-воспитательную работу под известные, спокойные, установленные правила. Вот и все.

Раньше, много лет тому назад, я боялся инспекторов: а вдруг сделаю не так, как положено! Тогда у меня с инспекторами не возникало никаких недоразумений. А почему они должны были возникать, когда я сам себе был инспектором, инспектор сидел во мне самом. Делал все так, как велела мне методика, всем известная, всеми принятая, как велели инструкции и приказы.

Но все же боялся внезапно приходящих в школу инспекторов, а они обычно приходят внезапно (почему, чтобы застать учителей врасплох?): вдруг нарушаю инструкции, сам этого не зная, или же делаю не так, как хотелось бы проверяющим? Однако все обходилось. Мне всегда делали общие замечания, которые ничуть не умаляли качества моей педагогической деятельности. Замечания эти сводились, к примеру, к следующему: «Советуем побольше применять наглядности и технических средств», «Не нарушайте соотношения времени между опросом и объяснением», «Делайте упор на активные методы обучения», «Обязательно ставьте на каждом уроке отметки трем-четырем ученикам» и т.д. и т.п. Все эти замечания и пожелания я принимал безоговорочно, с благодарностью, серьезно. И мои уроки начинали изобиловать диафильмами, кинофильмами, картинками. Было неважно, насколько они необходимы в тот момент или нужны ли были вообще. По опыту усвоил, что ни один инспектор из-за этого не придерется. На моих уроках цвели отметки, я не скупился

на них — ставил, кому что полагалось, объективно, придерживаясь инструкций. Заботился и об «активных» методах: на каждом уроке задавал детям большое количество «Почему?», «Объясни!», «Докажи!». В общем, каждое инспектирование оставляло мне строгий наказ — так держать, не выходить из рамок, и я в своей работе стал воплощением живой инструкции и методических предначертаний.

А дети?

Ну что дети! Кто их спрашивал?

Они учились, слушались, подчинялись. И я считался в школе хорошим учителем, даже творческим, так как вместо уже принятой дидактической картинки додумывался применить другую; упражнения, задачи, примеры из учебников умудрялся превращать в раздаточные материалы, искусно группировал большой информационный материал вокруг одного стихотворения.

Мне кажется, тогда главным для меня было не то, как развиваются, каким навыкам обучаются дети, а то, как красиво, эффектно, с неожиданными, пусть алогичными, связками я komponую вокруг учебного материала сведения, которые считаются необходимыми.

Все это мои коллеги замечали легко, все это было им понятно. И если я записывал на доске задания и упражнения, выходящие за рамки методических предписаний, их никто не принимал как проявление моего педагогического творчества, потому что они были записаны на доске. Но вот те же самые задания я вносил в класс в форме плакатов, тогда дело менялось и начинался спор: нужны ли такие задания, не похожие на обычные? Но такое сомнительное творчество я проявлял редко.

Боялся, что ко мне на урок внезапно придет инспектор.

Но инспекторов боюсь я и сейчас.

Боялся тогда по той простой причине, по какой боялся всего Беликов — этот человек в футляре: «Как бы чего не вышло».

Боюсь теперь по той сложной причине, чтобы не была нарушена моя с детьми радостная жизнь.

Многие творческие учителя находят способ избавления от недоразумений с инспекторами. Пришел недавно к одной моей коллеге инспектор. Она провела не такой урок, который мог бы насторожить его, а совсем-совсем обычный, показала ему тетради своих учеников. Все было в порядке. Инспектор счел нужным дать лишь общие замечания и ушел. А потом моя коллега принесла на методический совет — знаете что? — две тетради планов уроков — в одной были записаны те планы, которые она обычно осуществляет на своих уроках, в другой же — планы на всякий случай. Придет инспектор — она покажет ему эту тетрадь, проведет не вызывающий разногласий урок. Уйдет инспектор — и педагог опять расправляет крылья своего творчества. Она показала нам не только это, но и тетради по письму — две стопки тетрадей! В одной — тетради в две линии, в которых записаны по одному-два предложения, в другой же — в одну линию — дети пишут о своих впечатлениях, сочиняют рассказы, стихи. «Пять минут отвожу работе в этих тетрадях — для инспектора, на всякий случай, а все остальное время дети заняты своим творчеством в других тетрадях!» — пояснила она. «А дети знают о вашей такой двойной игре?» — спросили учителя. «Нет, — ответила она, — надо же беречь честь инспектора!»

Что это? Педагогическое очковитительство? «Подпольное» педагогическое творчество? Кому это нужно?! И вообще, зачем педагогам бояться инспектора (ну не каждого, конечно) из-за того, что, любя свою профессию, делают что-то не так, а совершенно по-другому, может быть, даже во много раз лучше? Правда, тут могут возникнуть сложности для инспектора: надо разобраться в сущности новаторского почина, достойно его оценить. Но это же нелегкое дело. Легче всего сказать педагогу недвусмысленное:

«Бросьте в сторону свои педагогические шутки и делайте, как вам велят!»

Если педагог из пугливых, то он, конечно, навсегда перестанет думать о возвышенных целях, займется мелкими ремонтными делами по починке изношенного метода обучения.

Если он хитрый, то будет вести двойную игру — пустит инспектору пыль в глаза, а сам будет работать в свое удовольствие на радость детям.

А если он подобен мне?

Я не хочу вести двойную игру, а отказаться от своих убеждений о возможностях гуманного подхода к детям не могу! А такой инспектор, который сегодня сидел у меня на четырех уроках, проверял тетради, на все хмурился, а теперь сидит у меня в кабинете, нежно поглаживая свой живот, и ругает мальчика, который, оказывается, не умеет ходить спокойно и почтительно обходить важного человека, и готовится предъявить мне серьезные обвинения в нарушении традиционных педагогических предписаний, — вот такой инспектор может серьезно испортить мне жизнь, ибо без детей у меня другой жизни не будет, она не будет у меня и без такой жизни, какой живем мы все — я и мои дети.

А такому инспектору ничего не стоит взять и написать прямо на имя министра, какие серьезные «нарушения» обнаружил он в моей работе, какие педагогические оплошности! Что же министру остается делать? Послать комиссию! И хотя в нее будут входить люди, которые поверят в мою работу, найдут в ней что-то полезное, интересное, попытаются поддержать меня, но голос их заглохнет в повелительных голосах других.

А дальше?

Созовет министр коллегия обсуждать мой вопрос. И скажут мне на этой коллегии, что я не следую программам. Спешу куда-то — зачем? Нарушаю установленные методические требования — зачем? Применяю непонятные способы обучения, похожие на игру, — зачем? Обучаю без отметок — зачем? Я буду стоять на коллегии подавленный. Как мне ответить на

эти вопросы? Ведь тут надо все обсудить в спокойной обстановке, с привлечением фактов. Это потребует времени. А на коллегии разве место для таких обсуждений? И скажет мне тогда министр: «Вот что, товарищ Амонашвили, может быть, будет лучше, если Вы оставите школу или же займетесь делом серьезно!» И вынесет постановление о пресечении моих поисков, поисков моих коллег и соратников.

Вот что может сделать такой инспектор, и потому я боюсь его. Но зачем я должен бояться? Затем, что нарушаю некоторые традиционные устои, которые мешают мне вести своих детей дальше, предоставить им радость школьной жизни? Затем, что хочу осмыслить педагогику с точки зрения гуманного подхода к личности ребенка?

Нет, мне не за что бояться такого инспектора, который за весь день ни разу не улыбнулся детям и который сидит сейчас передо мной и перечисляет пункт за пунктом мои погрешности: новая система письма? Зачем?! Обучать детей без отметок? Зачем?! Игровые приемы на уроке? Зачем?! Там еще вы предложили детям выбрать одно из двух стихотворений для заучивания! Зачем?! Вы еще допускали ошибки, и дети вас поправляли! Разве это допустимо?!

Он не хочет слушать меня, мои объяснения для него — как горох об стенку.

Дети, откликнитесь, могу ли я надеяться, что наша педагогическая жизнь состоится и что из вас вырастут настоящие люди?

«Да-да-да!» — слышится в ушах мощный отклик моих 38 ребятишек. Я слышу — они уже бегут ко мне со звонким смехом, с веселым жриамули. Отчетливо вижу, как этот смех, этот жриамули вращается в море радости.

Но где же инспектор, который сидел передо мной? Куда он исчез? Он, что, утонул в этом бушующем от нетерпения море?

— А мы вам подарок приготовили!

Ния выступает вперед и кладет на стол сверток, аккуратно завернутый в белую бумагу и перевязанный красной лен-

точкой. «Дорогому учителю Шалве Александровичу от всех его учеников», — написано сверху.

Такие подарки я принимаю. Не знаю, что там, но уверен — там для меня большая радость.

— Открыть сейчас же? — я нетерпелив.

— Как хотите!

— Нет, потом, когда будете одни!

Чувство заботы

— Ну как, дети, вы готовы?

— Да! — звучит громко и радостно.

Мы стоим во дворе школы. Там играют ребята из разных классов. Сейчас все они приостановят свою игру, чтобы с любопытством поглядеть на первоклассников, которые направляются к детсадовцам — не как гости, а как старшие друзья, умные, опытные.

Даю знак Лери, который сегодня выполняет функции командира.

— По два строй-ся!

Лери умеет давать команды — четко, ясно, громко. А дети знают — приказ есть приказ, его надо выполнять незамедлительно.

Но, чтобы веселее и быстрее строиться, Гига и Зурико — наши барабанщики — забили в барабаны: «Бум-бум-бум-бум-бум!» И, по договоренности, до прекращения этих звуков все должны уже построиться.

Полминуты — и все!

— Какое зрелище!

Впереди стоит Эка с флажком. За ней стоят Гига и Зурико с барабанами. За ними — все остальные, по двое, подтянутые, нарядные, в белых рубашках и синих штанишках или юбочках. У каждого в руках перевязанные ленточкой красочные

коробочки — это подарки, которые они преподнесут своим подопечным в детском саду.

Жриамули детей во дворе утихло — дети бросили игру и с любопытством уставились на наш строй.

— Вы куда? — спрашивают некоторые стоящих в строю.

Но разговаривать в строю нельзя. Мои ребятишки сосредоточенно смотрят на командира, который вот-вот даст команду:

«Шагом ма-арш!» — и тогда опять забьют барабаны, теперь уже по-другому: «Бумбур-румбу, бум-бур-румбу, бумбур-румбу, бум-бум-бум!» Дети зашагают в ногу и будут гордиться: шутка ли, на них смотрят все во дворе! Даже из окон четырехэтажного школьного здания высовываются учителя и старшеклассники. Дети шагают красиво, а дело предстоит им большое, очень большое!

— Выше голову! — командует Лери.

А я добавляю:

— Улыбнитесь! Без улыбки ребенок скисает!

Они идут в детский сад не в первый, а в девятый раз! Все началось с того, го мы получили письмо от заведующей детским садом. Да, получили! Ну, конечно, я специально договорился с ней о таком письме, объяснил свои воспитательные намерения. Письмо это принесла нам пионервожатая, когда вы обсуждали Правила октябрят. «Заботятся о маленьких», и вдруг письмо.

— Послушайте, что нам пишут! — сказал я детям и прочел им письмо.

«Уважаемый Шалва Александрович!

Дорогие ребята!

У нас к вам большая просьба. С будущего учебного года в школу пойдут 38 малышей нашего детского сада. Воспитатели, конечно, готовят их к школе. Но случается ведь и так, что придет ребенок в школу в первый раз и вдруг начинает плакать, не хочет оставаться в классе без мамы и бабушки. Некоторые не знают, как надо вести себя в школе, как дру-

жить с одноклассниками, как помогать друг другу. Может быть, не откажетесь взять шефство над нашими малышами? Расскажите им о школьной жизни. Это будет для нас — воспитателей — большой помощью. Заранее благодарим вас за чуткость. Прилагаем список этих 38 ребяткишек».

— Вы поняли, о чем идет речь?

— Прочтите еще! — попросили дети.

Читаю письмо еще раз, медленно.

— Значит, нас просят дружить с дошкольниками? — спрашивают дети.

— Не только дружить! Ты, что, не понял? Нас просят стать шефами школьников, которые в будущем году пойдут в школу! — объясняет Майя.

— Что значит шефство? — спрашивает Ия.

— Это значит — помогать, давать наставления, учить играм, песням, дружбе, дарить подарки. А вообще-то помогать воспитателям в воспитании дошкольников! Вы должны стать наставниками дошкольников, которые готовятся пойти в школу. Вот что требует от нас заведующая детским садом! — объясняю всем.

— Быть наставником — это хорошо! — спешит Гига.

— Хорошо-то хорошо, но легко ли? Это непростое дело!

— А если он сам шалит, плохо себя ведет, каким он будет наставником? — задается вопросом Майя.

Дело серьезное, дети это понимают, но всем хочется быть наставниками маленьких.

— Ну как, ребята, возьмемся за это дело?

— Возьмемся, возьмемся! — говорят все.

— Мы можем пригласить их в школу, пусть посмотрят, как мы живем!

— Мы дадим им советы — как готовиться к школе.

И дети сразу наметили план, как им позаботиться о «маленьких». Что значит для первоклассника, уже второй год посещающего школу, заботиться о дошкольниках, то есть о «маленьких», стать их признанным наставником, старшим

другом? Это значит, что первоклассник делает шаг к своему взрослению. К нему обращаются с просьбой помочь в воспитании «маленьких», к нему — опытному, умному! — направлены взоры этих маленьких, они смотрят на него как на взрослого, умного, которого надо слушаться. Вот в чем дело.

— Мы научим их новым играм!

— Покажем спектакли нашего кукольного театра!

— Возьмем в зоопарк!

— Научим трудиться, делать игрушки!

— Научим читать и писать!

— Их 38? И нас столько же. Значит, каждый из нас станет наставником одного дошкольника!

— Почему одного? Мы со всеми должны работать!

— Давайте сделаем так, — предложил я детям, — пойдем на днях в детский сад, познакомимся с нашими подшефными и с заведующей поговорим. Надо ведь хорошо узнать, какая им нужна помощь. Но я забыл еще сказать — это русский детский сад, там малыши, наверное, говорят на русском языке.

— Ну и что! Мы же изучаем русский язык!

— Умеем говорить.

— И еще научимся!

Мы назначили день посещения детсадовцев, написали письмо заведующей о нашем согласии и начали готовиться к первой встрече с «маленькими».

Готовились и на уроках грузинского и русского языка — о чем говорить с будущими школьниками, что им рассказать о нашей жизни, что они могут спросить, что и как нам ответить. Готовились и на уроках музыки — надо было научиться русским песням. Готовились и на уроках труда и рисования — делали для каждого детсадовца подарки, это были забавные игрушки, уложенные в красочные коробочки. При всем этом постоянно обсуждали вопрос о том, как дошкольники примут нас и как нам держаться, общаясь с ними.

— Не надо держаться высокомерно!

— Надо быть общительным!

— Нужно больше улыбаться!

— Надо сразу подружиться с ними!

— Наше поведение должно послужить им примером!

А я добавил:

— Надо еще научиться ходить по улицам маршем, с песней! Мы должны удивлять прохожих на улице и детсадовцев тоже нашим красивым строем. Вы согласны?

После уроков дети каждый день занимались: ходили маршем, с барабанами, с флажком. Научились строиться сразу по особому, «секретному» сигналу. В этом их упражнял семиклассник Тенгиз — он был вожакom в нашем классе.

«Мы должны обязательно понравиться детсадовцам. Они должны полюбить нас и школу, где дети становятся такими хорошими, умными, дисциплинированными, веселыми!»

С этим уговором мы и начали ходить к детсадовцам.

В сентябре первоклассники и дошкольники познакомились друг с другом, пели песни и играли вместе. Детсадовцы пригласили первоклассников пообедать с ними и устроили концерт. Состоялся разговор у заведующей, она попросила школьников показать «малышам» примеры поведения.

В октябре (у нас уже был составлен план заботы о наших детсадовцах) мы нарисовали во дворе детского сада схему улицы: тротуары, дорогу для транспорта, переходы, устроили светофоры из красного, желтого и зеленого флажков. Разделили детсадовцев на пешеходов, водителей транспорта, выделили милиционера и начали играть в «улицу», учили, как переходить через улицу, как ходить по тротуару, как управлять транспортом. Это была занимательная игра.

В ноябре мы устроили детсадовцам утренник. Специально подготовили литературно-музыкальный монтаж на русском языке.

В декабре был проведен новогодний праздник — опять танцы, песни, декламирование, игры. Был показан спектакль нашего кукольного театра.

В январе детсадовцы были приглашены на уроки. Первоклассники (до чего же они были серьезны в этот день!) показали весь блеск своего ума, проявили гостеприимство, заботливость. Каждый рассказывал своему подопечному о школьной жизни, показывал свои работы. Затем детсадовцев пригласили вместе пообедать в школьной столовой. Первоклассники ухаживали за малышами, подавали обед, убрали посуду.

В феврале в детском саду мы провели соревнования малышей по прыжкам, бегу, метанию в цель; устроили утренник.

В марте первоклассники помогли детсадовцам готовить подарки мамам, бабушкам, воспитательницам; мальчиков учили умению и желанию принести радость другу (в данном случае — радость девочкам — своими поделками к 8 Марта).

В апреле первоклассники провели субботник в детском саду — привели в порядок двор, починили стулья, устроили конкурс рисования на асфальте. В этом же месяце в школу были приглашены детсадовцы.

А сейчас май, скоро конец учебного года, и мы идем к детсадовцам — поздравить их с окончанием детсадовской и началом школьной жизни.

К каждому посещению детского сада первоклассники готовились целенаправленно, усердно.

— Мы идем в детский сад! Почему?

— Чтобы порадовать маленьких!

— Чтобы дать им примеры хорошего поведения!

— Чтобы малыши гордились нами!

— Чтобы они полюбили школу!

Мы всегда шли с подарками — каждый нес своему подопечному самодельные игрушки, красочные приглашительные билеты на спектакли нашего кукольного театра. И сейчас мы несем подарки — у каждого в руках коробочка, перевязанная красной ленточкой, а в кармане конверт с письмом. В нем — последние наставления, пожелания.

— Бумбур-румбу, бумбур-румбу!

Девятый раз направляются мои дети в детский сад. Дорога нам хорошо знакома — два поворота на улице, два подземных перехода. На улице останавливаются прохожие.

— Какие они хорошие! — говорит какой-то бабушка и любуется ими. На переходах транспорт задерживается дольше — уступает дорогу детям. Вот там детский сад. Нам надо остановиться только на одну минуту.

Так мы делали всегда: каждому дается возможность подумать, зачем он идет к «маленьким» и что ему предстоит делать там. Лери опять дает команду двигаться.

— Бумбур-румбу, бумбур-румбу! — забили барабаны.

Их звук уже слышен в детском саду. Малыши оставляют свои игры и игрушки и бегут к забору:

— Идут, идут!

Мы еще успеем спеть песенку и так войти в открытые ворота детского сада.

*«Вместе весело шагать по просторам,
по просторам.*

*И, конечно, припевать лучше хором,
Лучше хором, лучше хором».*

Мы проходим через кордон малышей.

Лери: «Отряд, сто-ой!»

Да, очень многое значит красота строя и марша! Детсадовцы только и мечтают стать такими же большими, ходить вот так, когда впереди развевается флажок, барабаны бьют в такт марша, а ты шагаешь в ногу и поешь веселую песенку. Вся улица, заполненная прохожими, замирает, транспорт приостанавливается. Все смотрят на тебя, на такого хорошего, умного, и, конечно же, взрослого школьника, восхищаются тобой. А ты шагаешь в ногу гордо, ни на кого не смотришь! Разве не счастье быть школьником!

Лери: «Детсадовцам, нашим маленьким друзьям, наш...»

Голос его звучит торжественно. А строй гремит:

— При-вет!

Каждый детсадовец уже подбежал к своему наставнику. Но наставник пока не шевелится, ждет команды.

Лери: «Заняться делом!»

Строй сразу расходится. Первоклассники передают подопечным подарки. Звуки восторга, радости. А потом начинаются игры. Жриамули не стихает целый час. Во дворе устраиваются танцы, веселые соревнования...

Лери смотрит на часы. Он подает знак барабанщикам, и они барабанят уже по-другому. Это особый сигнал, ребята знают, что сейчас надо делать: каждый наставник-первоклассник возьмет за руку своего подопечного, ответит его в сторону и скажет ему на прощанье добрые слова.

Игры прекратились.

— Пошли со мной! — говорит Виктор Лидочке, своей подопечной. Девочка послушно следует за ним.

— Садись сюда! — говорит ей Виктор. Они садятся на скамеечке.

— Сколько тебе лет?

— Пять.

— И еще сколько месяцев?

— В августе исполнится шесть.

— И ты пойдешь в школу, правда?

— Да.

— Ты рада, что пойдешь в школу?

— Рада!

— А ты не будешь плакать, когда мама оставит тебя в школе, а сама пойдет на работу?

— Не-ет! — растягивает Лидочка. — Не буду!

— Знаешь, что еще нужно? Будь в школе внимательной и аккуратной! Хочешь, покажу, как я пишу?

Виктор достает из кармана красочный пакет. В нем письмо, в котором на русском языке написано: «Милая Лидочка! Ты добрая, умная, хорошая девочка. Умеешь дружить и играть с ребятами. Надеюсь, и в школе ты будешь трудолюбивой и настойчивой девочкой. Когда ты научишься

писать, напиши мне письмо. Здесь мой адрес. Я буду дружить с тобой и впредь! Виктор».

Это маленькое памятное письмецо Виктор переписал, наверное, раз десять и, в конце концов, получилось красиво. Потому Лидочка в восторге от письма, хотя она еще не знает, что там написано. Вокруг слов нарисованы гирлянды, веселые человечки и солнце.

— Это тебе! Возьми домой и не теряй. Родители прочтут тебе, что там написано!

— Как красиво! — восторгается Лидочка.

— Ты будешь писать еще красивее! Смотри не капризничай дома.

— Нет... Не буду.

— А когда пойдешь в школу, дружи со всеми ребяташками в классе.

— Хорошо. А ты больше не придешь к нам?

— Нет, скоро у нас начнутся каникулы. А первого сентября ты пойдешь в школу!

— Папа научил меня новому стихотворению. Хочешь, расскажу?

— Расскажи.

Лидочка встает, поворачивается к Виктору и начинает с увлечением читать:

*«Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Все равно его не брошу,
Потому что он хороший».*

Лидочка заканчивает чтение, а Виктор, единственный слушатель, аплодирует.

— Молодец, Лидочка! — и встает, он на целую голову выше девочки. — Давай прощаться (*слышен первый удар ба-рабана*). Мы уже уходим.

— Не уходи!

— Надо... до свидания!

— Не уходи! — умоляюще просит девочка и цепляется за его правую руку. Бьют барабаны. Это сигнал — «Строиться!» Виктор нагибается, целует девочку в щеку.

— Будь всегда умницей!

— Не уходи! — и Лидочка собирается плакать.

— Ну, ну, ну! — говорит Виктор. — Смотри, как мы сразу построимся, пошли со мной!

Так прощаются со своими подопечными и другие. Они бегут строиться. «Маленькие» бегут за ними. Барабанный бой прекращается. Строй готов. В начале строя стоит Эка с флажком, за ней — барабанщики — Гига и Зурико.

Детсадовцы погрустнели, девочки прослезились. И моим ребятам тоже нелегко расставаться с маленькими друзьями. Лери произносит громко, празднично:

— Будущим школьникам наш...

— Привет! Привет! Привет! — гудят дети. А затем опять все вместе:

— До свидания! До свидания! До свидания!

— Шаго-ом ма-арш!

Заиграли барабаны, строй двинулся, дети запели:

*«Вместе весело шагать по просторам,
по просторам.*

И, конечно, припевать лучше хором.

Лучше хором, лучше хором».

И пока строй проходит через ворота, заведующая успева-ет мне сказать:

— Спасибо Вам, эта дружба принесла моим ребятишкам большую пользу. Они повзрослели прямо на глазах!

Но мне кажется, что это мои дети выросли прямо на глазах. Почему? Потому, что они научились заботиться, в них развилось чувство заботливости. С этим развитым чувством я и отправляю своих ребятишек на каникулы. А для себя запишу заповедь, которая родилась у меня сегодня, когда смотрел, как каждый прощался с «маленькими»: **забота о маленьких, ответственность за их судьбу рождает в младшем школь-**

нике стремление к самовоспитанию, и чем педагогически целенаправленнее будет среда, требующая от него мотивированного практического проявления чувства заботливости и ответственности, тем глубже осознает он свой общественный долг.

— Раз, два! Раз, два! В ногу! — командует Лери. А в ногу шагают все: Марика и Бондо, Лела и Котэ, Магда и Тенго... Только им теперь уже не хочется петь веселую песню. И барабаны не бьют так весело, как два часа тому назад, когда мы шли к «маленьким». Но прохожие все же останавливаются и любят стройным маршем ребят. Я тоже шагаю в ногу, потому что прохожие смотрят и на меня — учителя этих детей, да еще и потому, что там, на столе, меня ждет завернутый в бумагу и перевязанный красной ленточкой подарок.

Тридцать восемь педагогических проблем

Мне не терпится посмотреть, что мне подарили дети.

Горящее сердце!

Сердце, воспламененное от любви к детям и раненное в борьбе за счастье человечества! В нем застрял осколок вражеской бомбы, взорванной на фронте Великой Отечественной войны. Осколок этот остановился ближе к артерии, чтобы всю жизнь держать Человека в страхе перед смертью. И чем больше воспламенялось сердце, чтобы согреть детей, чем сильнее оно билось, чтобы по-новому звенеть колоколом оптимистической, гуманной педагогики, тем упорнее продвигался осколок к артерии.

Знал это Человек — Данко — и потому спешил. Вставал рано утром, в пять часов садился за рабочий стол и строку за строкой выжимал из сердца капельки любви. Затем выходил во двор и, как восход солнца, встречал детей. Весь день Он был одержим ими — учил, вдохновлял, утешал, возвышал

каждого из них, вселял в них любовь и веру в людей. А раненое сердце Его вновь наполнялось нектаром любви. Садился Он за свой рабочий стол и до поздней ночи выжимал из него магические строки мудрости воспитания.

Эту книгу я держу сейчас в руках, книгу Василия Сухомлинского, сельского учителя, классика советской педагогики «Сердце отдаю детям».

Здравствуй, Книга! Добро пожаловать в среду грузинских учителей! Они давно ждали Тебя, чтобы воспламенить свои сердца педагогическим пламенем Василия Сухомлинского. Об этом мечтал и он сам. Я это знаю, потому что имею дорогое мне письмо от Василия Александровича.

Уважаемый товарищ Амонашвили!

Сердечное спасибо Вам за то, что в своей статье, опубликованной в «Комсомольской правде», Вы сказали доброе слово и о моих трудах. Посылаю Вам книгу, в которой раскрываются идеи, одобряемые Вами.

Как хотелось бы мне, чтобы эта книга была прочитана моими грузинскими друзьями!

С уважением

В. Сухомлинский

*Сердечный привет коллегам — всем Вашим товарищам.
(11.IX.69)*

Вот Ты и вышла, книга Сухомлинского, в грузинском переводе. Мне кажется, что к грузинским учителям пришел в гости сам Сухомлинский. В левой руке Он держит свое пылающее раненое сердце, а правой рукой указывает на детей. «Я твердо верю в могучую силу воспитания!» — произносит Он внушительно. Ты, эта книга, и есть подарок, который мне преподнесли мои ребяташки. Ты была завернута в белую бумагу, перевязана красной ленточкой. Вместе с Тобой они уложили в пакет 38 рисунков, каждый с дарственной надписью. А на Твоем форзаце дети аккуратно написали: «Шалва-учитель, мы все Вас любим!» За этим следует 38 подписей, и, как доказательство того, что дети разные, все они выполнены

по-разному — то обычно, то косо, то сверху вниз, да еще разноцветными фломастерами.

Как мне понять этот ваш подарок, дети? Как желание порадовать своего учителя? Ну, конечно, вы действительно угодили мне.

Но вы умные и не зря дарите мне именно эту книгу, да еще с вашими автографами, рисунками. Вы хотите, чтобы я еще раз глубоко задумался о каждом из вас и о себе тоже, как о вашем воспитателе и учителе, не так ли? Конечно, это так, и ваши автографы на форзаце книги Сухомлинского заставляют меня думать о 38 педагогических проблемах, каждая из которых требует своего особого разрешения.

Вот смотрите, как Эка написала свое имя — аккуратно, ровно, как полагается, но скромно, где-то в углу, чтобы было незаметно. Ее имя так же не выпячивается на форзаце книги, как сама Эка среди вас. Она у нас спокойная, уравновешенная. Как будто в воспитании Эки у меня не возникает никаких особых проблем. Еще ни разу она не давала мне повода, принуждающего специально заняться ею. Она никого не сердит, не нарушает общего порядка, со всей ответственностью выполняет все, и ей не надо повторять однажды сказанного. Эка от нас как будто ничего не требует, не предъявляет никаких претензий. Я не могу припомнить случая, чтобы на уроках хоть раз она с нетерпением обратилась ко мне: «Шалва-учитель! Шалва-учитель!» Не вспоминается случай, чтобы она совала мне в руки свой рисунок, свою тетрадь: «Посмотрите, пожалуйста, нравится?» Клала его на стол тихо, незаметно и отходила в сторону. Она никогда не оказывалась впереди других, чтобы получить от меня пакетик с заданиями, не отталивала других, чтобы стать рядом со мной. Она всегда все знает, мыслит глубоко.

Может быть, я имею основание быть спокойным в отношении Эки, не трогать ее, пусть воспитывается такой, какая она уже есть — спокойная, уравновешенная, без претензий? Если я спрошу у вас, дети, какая наша Эка, вы все, не сомнева-

юсь, единогласно скажете: «Она хорошая девочка!» Но если я сам себе задам вопрос: «Сколько сил и энергии, уважаемый учитель, ты тратишь на воспитание и обучение этой скромной и умной девочки?» — мне придется... краснеть. Какие тут сила и энергия, если девочка учится хорошо, не нарушает общего порядка, при малейшем случае проявляет дружелюбие, чуткость, заботливость, уступчивость ко всем! В общем, Эка хорошая сама по себе, она сама воспитывается, ей от меня не нужно особого, индивидуального внимания.

Но так ли это в действительности? Девочка в тени нашего общего внимания — хорошо ли это? Обычно учителя радуются таким детям — с ними хлопот мало, только давай им уроки и общие наставления. Но вот, всматриваясь в ее скромный, аккуратный, незаметный, бесхитростный автограф на форзаце книги, я чувствую себя неловко. Как будто слышу тихий, спокойный, застенчивый голос девочки: «Дорогой учитель, все же не забудь и обо мне, хорошо?»

Да, даже хорошие, очень хорошие, как говорят, по природе своей, дети, а не только так называемые сорванцы требуют специального педагогического внимания и воспитания, особого подхода. Дети эти вежливые, дисциплинированные, застенчивые, умные, в общем как бы уже воспитанные, лишь бы им расти такими до зрелого возраста. И вот такие дети отодвигаются в сторону — они находятся в тени. К ним педагог реже подходит, меньше общается, о них товарищи говорят мало. Им никогда педагог не делает замечаний, на них дети не жалуются, потому что они этого не заслуживают; и хвалят их тоже редко, потому что в этом они как будто бы не нуждаются.

Такова и наша Эка.

С чем я приходил к ней в школу? Почти что ни с чем, если не считать воспитательных планов и намерений, которые были предназначены для всех и, разумеется, для Эки. А я должен был сделать так, чтобы обратить внимание детей на Эку. Она-то скромная, но мы же должны ценить скром-

ных, ставить их в пример, благодарить их за доброту души! Разве мало в жизни случаев, когда скромный человек трудится с большим усердием, на благо общества, но его скромность покрывает завесой его заслуги, и люди их не замечают. Другим почет, награды, потому что они всеми средствами давали о себе знать — выступлениями, требованиями, заявлениями, а скромные и трудолюбивые, не умеющие, да и не желающие показывать себя, забывались. Но они же могли, в конце концов, обижаться на людей, товарищей! Свою воспитательную задачу я вижу не в том, чтобы избавить Эку от застенчивости и чрезмерной скромности. Нет! Это ценнейшие качества личности, и они украшают Эку. Но надо же поставить дело так, чтобы мои ребятишки, члены будущего общества, умели видеть и ценить людей скромных, вступаться за них, выдвигать их, не опережать их, а ставить впереди себя. И, кроме того, в Эку как члена того же самого будущего общества я обязан уже сейчас вселять веру, что бескорыстные люди ее скромность обязательно увидят и оценят.

Значит, тень, в которой оказалась Эка из-за того, что я допустил ту же самую ошибку, что и некоторые руководители предприятий, не видя нужд своих скромных работников, должна быть изгнана ярким, радостным, добрым лучом.

Виктор буквы своего имени поставил в круг, все они разноцветные. Почему вы, дети, так часто ссоритесь с Виктором, отказываетесь играть с ним? Совсем недавно ко мне пришли девочки — Нато, Лела и Ия. «Вы хвалите Виктора, а он совсем недобрый мальчик!» — сказали они. Я удивился, а они мне фактами начали доказывать: обижает девочек, обзывает мальчиков, которые слабее его, никогда ничем, даже конфетами, не делится с товарищами. «Когда ему говоришь — не делай этого, он делает назло и еще смеется, радуется, что злит тебя!» «Но, девочки, вы же могли все это сказать ему самому?» «А вы думаете, мы не говорили? Но он отталкивает нас, говорит, уходите, вы мне не мамы!» «Давайте тогда вместе подумаем, что с ним делать, как его образумить». «А мы

уже подумали! — отвечают девочки. — Сейчас мы хотим договориться со всеми, чтобы прекратить дружить с Виктором. Пусть останется один, а мы на него и смотреть не будем... А может быть, будет лучше, если мы все тоже начнем обзывать его, пусть испытает на себе, что значит злословить!»

Ой, как тяжело будет Виктору, дети, если вы так жестоко поступите с ним! Подождите, не делайте пока этого, я попытаюсь найти более педагогичные меры, чтобы Виктор понял, как плохо он поступает, а вы помогите ему больше проявлять свои хорошие личностные черты, скажем трудолюбие. Вы же не будете отрицать, что он умеет убирать класс, ухаживать за своим деревцем, да и помогать тоже умеет, если добрыми словами попросить. Знаете, что мне слышится, когда я всматриваюсь в написанное кружочками имя «Виктор» на форзаце книги Сухомлинского? «Шалва учитель, не допускайте, чтобы товарищи отвернулись от меня, я без них жить не могу, без них свой жуткий характер тоже не смогу исправить!» Вот что! А вы говорите, отвернемся!

Русико написала свое имя вертикально — сверху вниз. Она еще не совсем отвыкла лгать. Любит она говорить неправду, которая порой вызывает целую серию недоразумений.

Вот, например, приходит она в школу с опозданием и говорит всем нам в отдельности, что у нее мать тяжело заболела. Мы все проявляем сочувствие и беспокойство. Мама у нее добрая, трудолюбивая. А Русико говорит: «Ее вчера в больницу уложили, операцию будут делать». В тот день мы жалели Русико, говорили ей много добрых слов, уверяли, что мама скоро поправится и опять придет в школу дежурить. Русико расчувствовалась, заплакала, а мы с трудом ее успокоили, ласкали, дарили разные вещицы. Кто мог тогда посметь обидеть ее!

На другой день она принесла вест, что маме стало еще хуже, и мы опять погрустнели, стали еще ласковее к ней.

На третий день в школу пришла мама Русико. «Как хорошо, что вы так быстро поправились! А мы волновались за вас». Она изумленно уставилась на нас: «А я и не думала бо-

леть. Какая больница?! Кто вам это сказал?!» А Русико улыбается как ни в чем не бывало. «Я просто пошутила!» — сказала она нам, не испытывая никакой неловкости.

И вот после того вы перестали верить Русико. Что бы она ни рассказывала, вы тут же: «Знаем, знаем, обманщица!» — и отворачиваетесь. А теперь я читаю ее имя, написанное вертикально на форзаце книги Сухомлинского, и мне слышится ее беспокойный шепот: «Неужели мне никогда никто не будет верить?!»

Дорогие дети, вам надо вернуть Русико вашу веру в нее! Давайте будем принимать ее небылицы не как стремление лгать нам, вводить нас в заблуждение, а как умение фантазировать, выдумывать. Только научим ее, чтобы она всегда так и говорила: вот это — выдумка, а это — правда. Без вашего доверия, без моей поддержки она станет настоящей лгуньей. А разве мы этого хотим?

Гия свое имя написал крупными буквами, обвел их кружочком.

Он очень добрый мальчик, не так ли, дети? Ему никогда ни для кого ничего не жалко. Он ни словом, ни действием не обидит кого-либо из вас. Гия предан вам, живет вами. Но вы же знаете, как он болезненно воспринимает малейшее слово, действие по отношению к нему, если только они задевают его самолюбие! Он ждет от каждого из вас такого же уважения, дружелюбия, какие сам проявляет ко всем. Вот сказала ему Ния, занятая оформлением газеты: «Отойди, не видишь, что мешаешь!» Он отошел к окну и чуть было не заплакал.

Что делать, дети, такой он у нас, этот Гия. Не будем же раздражать его обидчивость. Может быть, будет лучше, если по отношению к нему мы проявим осторожность, предусмотрительность. Со временем он сам поймет, что нельзя на все обижаться. Но ведь и вы должны знать, как просить прощения у товарища, сердце которого только что ранили своим необдуманным, непреднамеренным словом или поступком. «Пусть только не обижают меня, я не умею защищаться!» — вот о чем говорит

мне его имя, написанное на форзаце книги Сухомлинского и обведенное кружочком. Он не умеет защищаться, но ведь мы можем его защитить! Вот какая у нас общая забота в связи с Гией...

Каждое ваше имя, дети, написанное на форзаце дорогой для меня книги большого педагога, я воспринимаю как напоминание о моих педагогических проблемах с каждым из вас. Сколько бы раз ни приходилось мне решать подобные проблемы, все равно их теперь решать заново, так как каждый из вас, так же как и каждый из предыдущих моих воспитанников, неповторим и уникален. Я вновь и вновь убеждаюсь:

сила воспитательного влияния зависит от того, насколько оно индивидуально для раскрытия духовных сил и становления личностных черт каждого отдельного школьника и насколько оно способно внушать общий дух дружелюбия и доброты в каждого из детей.

Вот и заканчивается учебный год, мы еще раз расстаемся на 100 дней, и пока вы, дети, будете бегать, шалить, отдыхать, закаляться, познавать и взрослеть, я 100 раз раскрою эту книгу. Еще и еще раз перечитаю ее страницы и буду углубляться в свои 38 педагогических проблем, которые вы закодировали на форзаце и которые мне предстоит разрешить в будущем учебном году.

IV

Так же, как Орфей

(20 ноября)

Приметы переломного класса

Второй класс в системе начального образования (третий год школьной жизни с подготовительным классом для шестилетних детей) я считаю переломным в силу ряда причин. Мы, я и мои дети, — одна семья — это раз. Интересы детей и сферы их познавательной деятельности резко расширяются — это два. Дети тянутся к общественным и коллективным делам — это три. Они взрослеют настолько, что воспитание их значительно усложняется, — это четыре. Дети начинают задумываться над общением с ними взрослых — это пять.

На днях Ираклий дал мне посмотреть третий том своего «Мзиури» («Солнечный»), где я обнаружил страницу, на которой нарисована шахматная доска, вокруг нее наклеены вырезки из шахматных этюдов, фигуры. А в окрашенном в желтый цвет треугольнике записано: «Хочу хорошо уметь играть в шахматы. Часто играю с отцом. Радуюсь, когда действительно выигрываю, но мне не нравится, когда дают выиграть».

Вот так, им не нравится уже, когда с ними сюсюкаются. Дай им серьезные дела, установи с ними отношения без скидки на их детство, то есть — деловые отношения, дай им жить взрослой жизнью!

Но почему дети так стремятся быть взрослыми, поскорее войти во взрослую жизнь?

Каждодневное общение с моими второклассниками все больше и больше убеждает меня в том, что действительное детство детей — это процесс взросления, действительное счастье ребенка — это ощущение того, что он взрослеет, он уже большой. Однако взросление само собой, без социального общения не происходит, и для него очень важно утвердить свою взрослость именно в среде тех, кто старше. Ну, конечно, это не значит, что одновременно дети приобретают и соответствующий опыт. Они стремятся войти во взрослую жизнь всегда чуть раньше, чем сами готовы для нее. Они пробуют, испытывают себя в том или другом (хорошем или плохом) деле, которым обычно заняты взрослые.

Нам, взрослым, надо и радоваться стремлению детей стать поскорее взрослыми и бояться, ибо дети могут войти не в такую жизнь взрослого, к которой мы готовим его. Они могут войти не в трудовую жизнь, что в действительности и есть сущностная черта взрослого сознательного человека, а в ту легкую жизнь, которая осуждается обществом. Ребенок может утверждать свою взрослость тем, что пристрастился к некоторым пагубным для его здоровья привычкам и искажающим его жизнь поступкам.

Вот вышел сегодня из туалета Бадри. Он почему-то долго там возился. Выходят из туалета «взрослые» старшеклассники, они хлопают по плечу мальчика, молодец, говорят, есть у тебя успехи. И Бадри доволен похвалой старшеклассников.

— Подойди ко мне! — говорю мальчику. — Когда у тебя день рождения? Я знаю, когда его день рождения. Мне нужно, чтобы он что-то сказал мне, а я в это время успею вдохнуть воздух прямо из его рта. Мальчик открывает рот, и мне сразу все становится ясно. Становятся понятными каждодневные туалетные увлечения мальчика, его неестественные связи и близость со старшеклассниками, причина бледности его лица. Я волновался за него, несколько раз пытался свя-

заться с родителями и выяснить, не болен ли он чем-нибудь. Но родители были так заняты, что мне не удалось повидаться с ними. Ожидал всего, но не этого. Нюхаю пальцы мальчика. Как это могло произойти? Он входит во взрослую жизнь через строго запретную детям и подросткам дверь, прекрасно зная, что нельзя входить в эту дверь. Потому и смотрит теперь на меня с испугом. Ну как, мальчик, пустить мне тебя дальше в эту «взрослую» жизнь или вернуть немедленно в свое положенное детство? Тут у меня нет альтернативы.

— Значит, скоро тебе исполнится 9 лет? — и я забираюся в его карманы. Вот скомканная половина сигареты, я прячу ее в кулак, чтобы никто не заметил. Мой дружелюбный тон сразу обрывается.

— Неужели это правда?! — говорю я возмущенно.

Почему я не подумал о том, что следует провести профилактические меры? Ведь это могло произойти! Ну что же, что в моей прошлой практике во втором классе ничего подобного не было! А возможно, и было, но я не мог представить себе такое, потому ни разу ничего не заметил! Дети находятся в постоянном общении со взрослыми и видят, чем они увлечены, они общаются и со старшими по возрасту ребятами.

Как мне теперь поступить с этим маленьким, который пробует свою взрослость в курении?

Накричать на него? Нет, это не мой стиль воспитания, не верю я такому методу извержения гнева.

Взять с него слово, что больше не будет? Нет, это будет слишком мягкой реакцией на такой необычный в жизни второклассников поступок.

Сохранить его тайну и простить? Конечно же, нет, это будет скорее поощрением, нежели предупреждением.

Дать детям на осуждение? Рискованно, потому что дети могут разорвать с ним дружбу, а если узнают и родители, то они могут запретить своим детям дружить с «плохим» мальчиком.

.....

Может быть, вызвать родителей и сказать, чтобы они проявили больше внимания к мальчику? «Видите, чем ваш сын занимается, а вам все некогда за ним присмотреть, прийти в школу!» Однако, зная их, я представляю, какие будут приняты меры, какой скандал поднимется в семье. Конечно, я должен сообщить о случившемся, но одновременно нужно дать родителям строгие наставления, как действовать.

А если повести его к врачу? Пусть тот с помощью наглядных плакатов напугает его! Да, но и это не решающая проблема мера.

Надо дать ему жизненный урок, строгий, доступный, внушительный. На что этот урок должен опираться? Может быть, надо, чтобы он был жестоким? Пройдут годы, и, по всей вероятности, вспомнит он добрым словом и меня, и своих родителей за то, что мы дали ему урок на всю жизнь. Да, именно урок, длительный, долгий, а не 35-минутный я должен ему преподнести. Он нужен и другим. Ему — урок предотвращающий, а всем остальным — урок профилактический. Урок этот должен быть продуманным, глубоким, он должен привести и его, и всех остальных вместе и в отдельности к критическому осмыслению некоторых поступков взрослых.

Взрослые ведь тоже бывают разные — хорошие, плохие; бывают взрослые грубые, невоспитанные, с дурными привычками и поступками, безалаберные, бездельники. Мои дети должны знать это. Если бы все взрослые, с которыми ребенок общается, которых видит, о которых слышит, олицетворяли бы образец человечности, высокой морали, то, уверен, проблема воспитания или вовсе исчезла бы из жизни общества, или же имела бы лишь символическое значение. Но беда в том, что наше воспитание — организованное, целенаправленное — есть, с одной стороны, воплощение идеалов будущего, с другой же стороны, отгораживание детворы, молодого поколения от всех тех проявлений асоциальности и аморальности, грубости и хамства, нежелательных привычек, поступков и действий, против которых борется общество.

Однако отгородить — это не значит заставить детей ходить с закрытыми глазами. Здесь скорее мыслится устранение всяких нежелательных социальных проявлений хотя бы в том окружении, в котором живет ребенок. Ребенок видит, слышит, догадывается, и его слабая жизненная закалка, его пристрастие к взрослению через образы праздной жизни взрослых влекут его войти именно в те двери, на которых крупными буквами написано: «Детям вход строго воспрещается!» Могут ли удержать его такие строгие предостережения от неудержимой тяги познать запрещенный мир? Не всегда. Могут в том случае, если они исходят от умного воспитателя, который знает, как провести его мимо этих дверей (так как жить среди людей и проходить мимо, не замечая их, невозможно), чтобы ребенок поверил: входить туда ему действительно неинтересно, действительно опасно. Могут еще тогда, если вырвавшегося из-под надзора ребенка перед этими дверьми встретят добрые люди, ну, скажем прохожие, которые не позволят ему войти туда.

Думаю, не стоит публично уличать мальчика. И родителям скажу, чтобы они без лишнего шума усилили контроль за ребенком. Надо еще выяснить обстоятельства, которые толкнули (да, именно толкнули) ребенка к курению. Курит ли отец? А вдруг окажется, что курит и мать? А ребенку хочется быть таким, как папа, он так красиво двумя пальцами держит сигарету, выпускает дым, откидывая голову! Дымом пропитана вся квартира. Выходит, что родители уже сами приучили ребенка курить, так как он и без горящей сигареты дышит в квартире ее дымом.

А Вы, отец, сможете ли принять действенные меры, чтобы Ваш сын не привык к курению? Как? Ремнем, криками, запугиванием? Да он же не послушается Вас! Не будет курить, скажем, еще года 3–4, ну, 5 лет. А что Вы сделаете с подростком, которому 13–15 лет? Ведь его уже ничем не запугать, тогда он и доброго совета не слушает, так как в этом возрасте еще больше будет стремиться к самостоятельности и взрослости.

Нет, меры должны принимать мы все вместе и начиная с сегодняшнего дня. И давайте начнем с того, что вы, папа, и, может быть, мама тоже, демонстративно бросите курить, чтобы преподать своему сынишке пример родительской воли, преданности, дать ему возможность почувствовать, что значит в квартире чистый воздух. А затем будете неназойливо следить: кто будет пытаться приучать его к курению? Может быть, во дворе, где он играет, есть взрослые ребята, которые собираются в укромном месте и балуются сигаретами. Им доставляет удовольствие приучать к этому маленьких, смотреть и хохотать, как те захлебываются при первой же затяжке. Сделайте так, чтобы ваш ребенок больше времени проводил вместе с вами — с папой, мамой, со всей семьей. А я, со своей стороны, постоянно буду следить, с какими старшекласниками он общается в школе, буду стараться изолировать его от них. Приму и другие меры. Ребенок должен убедиться в том, что перешагнуть некоторые запретные зоны не только опасно для его жизни, здоровья, но и непрощаемо.

Бадри смотрел на меня испуганно: что я ему скажу? И как хорошо, что в это время вокруг нас собрались дети.

— Что случилось? — заинтересовались девочки, увидев, как у меня испортилось настроение и как он стоит передо мной, опустив голову.

— Мне даже страшно говорить об этом! Если хочет, пусть сам вам расскажет, а я с ним и говорить не хочу! — и отошел от них.

Девочки, мальчики набросились на него:

— Что ты такое сделал?! Ты огорчил учителя!

Но разве он скажет, в чем провинился? Он стоит, сжав губы. Нет, мальчик, этим не кончатся твои переживания. Урок на всю жизнь, если он получится, только начинается. До поры до времени ты будешь переживать мою обиду на тебя, я не буду по отношению к тебе ласковым, не стану с тобой общаться так же непринужденно, деловито, мажорно, как со всеми остальными, не буду выражать радость в связи с твои-

ми успехами. Почти каждый день я буду проверять твои карманы (не крадешь ли ты сигареты у отца?), твой портфель. Но это буду делать так, чтобы другие не видели, как я выражаю свое недоверие к тебе.

А когда вас всех вызовет к себе на осмотр школьный врач, он тогда скажет именно тебе, наедине: «В чем дело, мальчик?! Откуда может быть табачный дым в твоих легких?!» И тут же ты увидишь страшный плакат, где твои легкие пожирает горящий скорпион в виде сигареты и торжествует.

Ну, разумеется, наступит момент, я позабочусь об этом, когда мы помиримся. Девочки помогут тебе подойти ко мне и сказать: «Извините, пожалуйста!» Я прощу, но за что, будем знать только мы двое. Станет ли для тебя все это уроком на всю жизнь, точно не знаю. Может быть, в будущем понадобятся и другие уроки, подкрепляющие этот. Но надо же еще надеяться на твое благоразумие, которое я буду развивать в тебе, да еще на благоразумие твоих родителей, от которых я жду проявления родительской верности и отваги, заботы и внимания.

Какой ребенку нужен папа?

Кстати, о родителях. Надо принять меры для профилактики, и будет лучше, если соберу их на днях. Напишу каждому папе убедительное приглашение и проведу с ними занятие по повторению некоторых прописных истин относительно воспитания детей.

Воспитание — скрытый процесс. Порой родителям кажется, что они воспитывают, потому что делают, как сами любят выражаться, все для собственного ребенка: одевают, обувают, кормят, дарят игрушки, балуют и, конечно, наказывают за проступки, дают ценные наставления. Действительное же воспитание основывается на духовной общности и может происходить только в том случае, если воспитатель

способен расположить ребенка к себе, к своим наставлениям, к своему примеру. Нет внутренней духовной общности между ребенком и его родителями? Значит, нет и настоящего воспитания, оно скорее иллюзорное. Вот такими иллюзорными воспитателями являются, по всей вероятности, и некоторые из родителей моих ребятишек. И я считаю своей обязанностью объяснить им это.

Уважаемые родители, особенно папы! Разве вас должно удивить, если я скажу, что папа-алкоголик, курящий отец не могут стать полноценными воспитателями? Но если у вас доброе сердце и порой вы балуете своего сынишку прогулками, подарками и если ваш ребенок принимает вас как такого человека, каким сам хочет стать, то он без особых усилий может воспринять вашу доброту вместе с вашим пристрастием к курению, алкоголю, праздности. Так вот, давайте воспитывать наших детей не столько словами, добрыми наставлениями и подарками, сколько примером, достойным всяческого подражания. Я знаю, во многих семьях дети все больше и больше ощущают нехватку отцовской заботы, духовного общения с отцом. Папа занят на работе, возвращается поздно. А ребенок ждет: «Вот скоро папа придет!» — и засыпает, так и не увидев отца. И если так пройдет неделя, месяц, так пройдут годы, то возникнет парадокс: хотя вся семья живет в одной квартире, под одной крышей, тем не менее, отец и дети не знают друг друга хорошо, папа даже не заметил, как выросли дети.

Хорошо ли это?

Нет, очень даже плохо!

Плохо потому, что время зарождения настоящей, сердечной дружбы между отцом и сыном (дочкой) прошло. Прошло время, когда отец мог войти в жизнь своих детей как свой человек, старший друг, наставник.

Чтобы стать для своих же детей своим человеком, недостаточно быть для них родным отцом. Нужно, чтобы они — папа, мама с детьми — жили вместе как друзья.

Прошло время, и благотворное воспитательное влияние отца на своих детей ослабло. И по мере того, как взрослеют дети, отношения между отцом и детьми натягиваются или же становятся формально учтивыми.

Мы часто жалуемся, что в школе очень мало учителей-мужчин, происходит феминизация педагогических коллективов, и видим, что это отрицательно сказывается на формировании характера молодых людей. А в это время то же самое происходит во многих семьях, так как воспитание детей становится заботой мам, бабушек, теть, и хорошо, если дедушек тоже.

В этом окружении женской заботливости кроется опасность для воспитания ребенка, даже трудно сказать какая, но она есть. Ее не может не быть, так как естественное, полноценное, социально предопределенное и благоприятное воспитательное поле в семье создается только при сочетании разумной заботы отца и матери о сыне, дочке, при установлении двуединой целостности их требований к детям. Нарушится целостность — ослабнет воспитательное поле в семье.

В семье папа не является силой, с помощью которой можно устрашать и пугать детей. Папа — гордость и высочайший авторитет семьи, он трудится, чтобы обеспечить семью, заботится обо всех ее членах. Его трудовой вклад в жизнь семьи бескорыстен, однако он имеет право, он обязан спрашивать со своих детей, как они, со своей стороны, приумножают труд отца своим добрым поведением, воспитанностью, учением, как они поддерживают добрые традиции семьи. «Рассказать об этом папе?» — укоризненно может спросить мама провинившегося сына, и тот ответит: «Не надо, мам, больше не буду!» Двуединая целостность родительского воспитания, духовная общность между родителями и сыном будут проявляться в том, что звучит в этих словах: страх перед не умеющим щадить человеком или забота о человеке, перед которым все в моральном долгу.

Ребенку нужен папа. Говорю об этом в самом широком смысле. Ребенку нужен папа, который живет жизнью своих

детей, учит их быть мужественными, честными, правдивыми, полезными для людей, трудолюбивыми и жизнерадостными. Ребенку нужен папа — не какой-нибудь безвольный человек, который готов выполнять все его капризы, не пьяница, грубиян, который порой поднимает руку на маму и на него тоже, — а такой, который славится среди близких, соседей своей добротой и щедростью души. Ему нужен папа, который то и дело забывает, что уже взрослый, и играет со своими детьми, как озорной мальчишка.

Ребенок растет, он становится подростком, и ему нужен папа, отец. Говорю об этом тоже в самом широком смысле слова. Подростку нужен отец — общественная личность, мастер труда, вдохновенный творчеством созидания. Ему нужен отец — чуткий и мудрый наставник, понимающий заботы сына и дочери, строгий и требовательный к самому себе и к другим. Ему нужно, чтобы слово отца не расходилось с его делом, чтобы он был сильным своей целеустремленностью и преданностью. Подростку нужен отец, вносящий в дом веру в завтрашний день, спокойствие в души членов семьи, устанавливающий заботливое, чуткое отношение между ними. Подростку нужен отец, который сам идет к нему на откровенные разговоры и которому можно довериться.

Подросток становится юношей (девушкой), а ему (ей) нужен папа, отец, родитель. Говорю об этом в том смысле, что родитель со своим прошлым и настоящим должен олицетворять высокие качества человечности, труженика страны. Для юноши (девушки) очень важно, чтобы о его отце говорили как о человеке, заслуживающем всеобщее уважение и авторитет. Он чуток и заботлив к жене, к своим родителям. Он понимает современную молодежь, верит в нее, верит в своего сына, в свою дочь. Поощряет и подбадривает их на большие дела, на романтику труда, на творение добра, на бескорыстную дружбу, на возвышенную любовь.

Ребенку, подростку, юноше нужен папа, но папы бывают разные.

Бывают папы, которые берут своих повзрослевших сыновей на свою работу, учат своему мастерству и завещают не порочить на этом заводе доброе имя отца.

Но бывают и такие, которые заставляют своих несовершеннолетних детей сбегать в магазин за пачкой сигарет и бутылкой водки, а затем даже приучают их глотнуть ее. «Ну что тут такого, надо же стать мужчиной!» — будут оправдываться потом.

Есть папы, которые завещают своим детям такое неделимое и богатое наследство, каким является честность, простота, отзывчивость, гордость за свой труд, славные семейные традиции. Они приучают детей к труду, скромности, воспитывают в них высокие духовные запросы.

Но есть и такие папы, которые стремятся на всю жизнь обеспечить своих детей всеми благами беззаботной жизни, лишая их тем самым радости труда, борьбы и достижений.

Мне рассказывали о папе, который без раздумья бросился в бушующую речку и, рискуя собственной жизнью, спас жизнь троице ребятишкам, попавшим в беду. Легко представить, как гордятся дети этого папы и как укрепились в них самоотверженность, человеколюбие!

Мне рассказывали о папе, который дал своему сынишке-подростку поиграть с оружием, и тот, не зная, как с ним обращаться, сотворил непоправимое несчастье.

Стыд за своих родителей — это тяжесть на сердце, не разрешающая ребенку ощутить крылья за спиной.

Вот о чем я буду говорить на родительском собрании. Там не будет прений. Пусть каждый в душе поразмыслит о том, какой он есть как родитель — воспитатель своих детей, какой он дает им пример, как он творит себя как настоящего отца своих детей.

Потом я попрошу остаться некоторых пап и поговорю с каждым наедине.

Папе Важи я покажу последнее сочинение мальчика. Вот что он пишет:

«Я люблю поговорить с мамой перед сном, рассказываю обо всем, что происходит в школе. И мама тоже рассказывает мне о своих делах на работе. Но когда я спрашиваю маму, почему не возвращается папа, она говорит: „Наверное, я обидела его!“ Но она говорит неправду. Это папа обидел маму. Он, говорят, влюбился в другую женщину, потом поссорился с мамой и ушел. Я спросил маму: „А если ты влюбишься в другого мужчину, значит, уйдешь, как папа, и оставишь меня одного?“ А мама сказала: „Дурачок, без тебя нет моей жизни, как я могу оставить тебя!“ Но почему же тогда оставил меня папа? Мне нужен он сам, а он посылает подарки. Любил я его очень, а вот сейчас не знаю, люблю еще или нет».

Прочитает папа Важи эти грустные размышления сына и попытается мне что-то объяснить. Но к чему мне его оправдания? Я же ему не судья! Пусть решает сам, как быть, только пусть не забудет, что он теряет добрую власть воспитателя сына и еще — его любовь. Я скажу ему прямо, уверенно, требовательно, строго (так как хорошо знаю сложившуюся ситуацию, характеры членов семьи): «Может быть, хватит вам развлекаться и вы вернетесь в семью и извинитесь перед сыном и женой, действительно любящей и верной вам женщиной, за причиненную боль?» А что, если этот папа не придет на собрание? Ну что же, тогда я пойду к нему на работу с этим сочинением, дам почитать ему и его подружке. А калечить душу ребенка — не дам!

Папе Резо я расскажу о недавнем случае, который произошел у нас на уроке. Я сказал детям: «В понедельник у нас будет урок рисования. Скажите вашим папам (я оговорился — надо было сказать „родителям“, „старшим“, а не только „папам“), чтобы они купили вам акварельные краски!» Резо тут же захлопал в ладоши. «Как хорошо — произнес он весело, — у меня два папы. Скажу и тому, и другому, и оба купят мне краски!» А дети засмеялись: «Человек не имеет двух пап!» Начали подшучивать над ним: «Сынок двух пап! На какого папу ты больше похож?» Резо обиделся, и я с трудом успоко-

ил мальчика, незаметно от него, жестикулирующей, взглядами корил детей.

«Как вы думаете строить ваши отношения с сыном? — спрошу я его. — Намерены ли вы участвовать в его воспитании или будете посылать ему подарки, устраивать веселые прогулки, доставлять удовольствия? Не получится ли так, что вы хотите унизить нового папу, показывая сыну свою щедрость?»

Два отца, каждый из которых старается в соперничестве с другим внушить ребенку больше любви к себе с помощью доставления множества легких, отнюдь не воспитательных удовольствий, не могут вдвое лучше воспитать ребенка, чем это делает обычный, полный чувства отцовского долга папа. Избалованный двумя отцами ребенок скорее всего станет вымогателем, скептиком, «трудновоспитуемым», и дорога от одного папы к другому будет для него скользкой и в буквальном и в переносном смысле. На этой дороге он может потеряться как Новый Человек, а папы будут утверждать, что они ничего не жалели для него.

Ну, конечно, и этот папа может не прийти на собрание. Тогда я добьюсь того, чтобы посадить обоих пап за один стол и попросить поговорить при мне о воспитании Резо, о согласованности между двумя папами в способах воспитания мальчика.

Но папе Теи и Лери — любимому всеми ребятами «дяде Автандилу» — я пожму руку: «Спасибо вам за отличное отцовство!» И передам в подарок сочинение его детей. Прочтет папа и, может быть, впервые увидит себя глазами собственных детей, еще сильнее ощутит свой долг перед ними.

Имею ли я право так говорить и обращаться с родителями, да еще с папами? Могут же они сказать мне: «Дорогой учитель, чего вы вмешиваетесь в наши личные, семейные дела? Нам и без ваших упреков и нравоучений нелегко! Займитесь лучше вашим прямым делом в школе!»

Нет, они не имеют права так мне говорить! Я не просто учитель, не просто воспитатель, я доверенное и уполномоченное Лицо детей. Мне поручено воспитать новых людей, людей будущего, и помешать осуществить эту задачу я не дам никому, тем более родителям. Защита детей,ковка их неповторимых судеб — это моя высочайшая забота, мой профессиональный долг, а самое главное — мое призвание. Вот на чем основывается мое право!

Крепнуть взаимному доверию

Процесс взросления моих второклассников я обнаруживаю по нескольким приметам.

Вот, к примеру, ребята начали шушукаться, что Майя влюблена в Гочу, Георгию нравится Лела, Тамрико поглядывает на Вахтанга.

Как я узнал об этом? Не донес ли мне кто-либо из ребятишек? Нет, у меня нет доносчиков.

Знаю, некоторые учителя любят иметь своих доносчиков в классе. Ну, разумеется, они не называют их доносчиками. Для них такими становятся некоторые активисты — классные организаторы или кто-либо еще. Они выбираются на такие посты не без участия самих учителей. Не будь учительской власти, детский коллектив не выбирал бы своими вожаками любимцев учителей. Дети не любят доносчиков. И как бы ни старался педагог скрыть, кто из ребятишек информирует, все равно от них этого не утаить. И тогда ему — этому информатору — «крышка», никогда в жизни его одноклассники, став взрослыми и самостоятельными людьми, не простят ему поступки, совершенные им в детстве, не будут его любить, не будут поддерживать с ним дружеские связи.

А что может быть противнее того зрелища, когда педагог, укрывшись вместе со своим доносчиком от глаз ребят,

выслушивает свежую информацию: кто в чем провинился, кто кого обидел, кто говорил грубые слова, кто поломал что-то и т.д. и т.п. Я бы выгнал такого воспитателя из школы, лишил бы права быть воспитателем детей, а этому доносчику помог бы образумиться, помог бы доказать своим товарищам, как он предан им.

В начальных классах вовсе не трудно превратить любую девочку, любого мальчика в своего информатора. Они же не понимают, что делают, не понимают, что за этим может последовать презрение товарищей к нему. Но это произойдет потом — спустя несколько лет, когда коллектив детей поймет, что значит иметь в своей среде товарища, который, оказывается, может их выдать. Тогда в них всплывет неосознанная неприязнь к нему, возникшая еще в начальных классах. «Шпион» — вот как могут обозвать его, все будут отгораживаться от него. Нелегкая, нерадостная жизнь будет у этого «шпиона» среди радостных и озорных ребятишек, не сможет он наслаждаться такой же радостью.

Кто-то разбил стекло, ну случайно. «Кто это сделал?» — допытывается классный руководитель. А разве встанет кто-либо из подростков и скажет: «Вот он разбил стекло!» Классный руководитель ведь тоже должен понимать, что ребята проявляют своего рода мужество, не выдавая товарища, и готовы без колебаний принять коллективное наказание. Но нет, он все же пристает то к одному, то к другому: «И ты не видел, кто разбил стекло?» «Нет, не видел!» «Ты тоже не видел?» «Да, не видел!» «Так кто?» «Не скажу!» А тот, шпион, тайком сообщит ему, кто разбил стекло, и хотя усилиями подростков стекло в окно уже вставлено, тем не менее, виновник наказывается. И вот тогда подростки ведут свое расследование, кто мог выдать товарища.

Ну как, нравится вам эта картина, которую иные педагоги могут назвать управляемым, целенаправленным воспитательным процессом? Мне она, конечно, не по душе, она противоречит моим представлениям о воспитании, которое

организовывается педагогом. И потому, не буду способствовать тому, чтобы кто-либо из моих ребяташек превратился в «шпиона». Перейдет он в старшие классы, окончит школу, выйдет в жизнь. Кем он будет на работе — на заводе, в колхозе, в учреждении? Кляузником, озлобленным на людей человеком, вот кем, а не Новым Человеком, которого мы хотим воспитать. Как может педагог воспитывать и формировать детский коллектив, имея в этом коллективе своих «шушукającychся» с ним информаторов? Этим ведь он подрывает доверие детей друг к другу и, что более важно, ставит самого себя вне детского коллектива.

Нет, лучше научу своих ребяташек, как защищать товарища, как самим справляться со своими проблемами. Я чувствую влияние детского коллектива, который уже приобретает отчетливые контуры. Дети сами восстанавливают порядок и при этом принимают меры, чтобы я не узнал, как это случилось. Что, они боятся меня и потому скрывают что-то от меня? Да, они боятся, но не меня, а того, чтобы не огорчить меня, не причинить мне боль. Они заботятся обо мне, говоря языком педагогики, занимаются самовоспитанием. Вот чему я радуюсь.

В общем, я не буду иметь своих информаторов. Зачем они мне? Я и без всяких специальных информаторов знаю каждое движение моих детей. Знаю потому, что я педагог и интуитивно могу догадываться, что с кем произошло, кого что волнует, чем занят коллектив детей. Это во-первых. Знаю еще потому, что у меня сто глаз и сто ушей и педагогическую наблюдательность я развиваю в себе постоянно. Это во-вторых. В-третьих же, я для моих детей свой человек, я член коллектива. Они просто оберегают меня от лишних волнений и потому не доводят до меня информацию обо всех происшествиях в коллективе. Зато они без всякого стеснения обсуждают в моем присутствии все проблемы, которые их волнуют, порой и меня привлекая к обсуждению этих проблем. Вот я и знаю все, что мне необходимо знать для воспитания моих ребяташек.

А доверие их я завоевал не без труда. Я добился этого на основе взаимности. Я часто рассказывал им о своем детстве: «Когда я был маленький...» Рассказывал о том, как шалил, и они смеялись, рассказывал, как мучила меня совесть, когда мой необдуманный поступок причинял кому-то неприятность.

— Я был тогда во втором классе. Было лето, шла война, и мама отправила меня в деревню, к бабушке и дедушке...

Представьте себе: на улице осенний дождь, погода скучная, мы находимся в классной комнате, они расположились, как хотят, некоторые стоят рядом со мной, а я сижу на маленьком стульчике, и урок чтения прерывается. Рассказ о дедушке, о котором мы только что спорили, унес меня в воспоминания детства. Дети слушают меня с большим интересом и ясно представляют своего учителя в коротких штанишках, тоже неугомонного шалуна. Я рассказываю с грустью, иронизирую над собой, и они то смеются, то грустят.

— Дедушка готовился опрыскивать виноградники специальной жидкостью против заболевания листьев. Эту жидкость он наливал в аппарат, который потом перекидывал через спину; правой рукой он давил на рычаг, а в левой держал узкую длинную трубку, из головки которой неслись брызги синей жидкости и опрыскивали листья виноградников. Этот аппарат очень интересовал меня. Дедушка гордился своим аппаратом и не давал мне трогать его. Но я все же тайком разобрал его. Но как вы думаете, мог ли я его вновь собрать? Увидев испорченный аппарат, дедушка рассердился. «Кто это мог сделать? — возмущался он. — Вот бы я надрал ему уши!» Он прекрасно знал, что это был я. Но как будто я был тут ни при чем, так он жаловался мне. А я не признавался, стыдился. «Ты посмотри, — говорил он мне, показывая на испорченную часть аппарата, — какой-то шалопаи взял и испортил мой французский аппарат. Чем я сейчас буду опрыскивать виноградники? Давай пойдем к мастеру!» А тут и мастер подоспел. «Ой, — говорит, — неужели этот глупец не понимал, что значит для ви-

ноградаря в такое жаркое лето аппарат для опрыскивания виноградников, да еще такой?! Где сейчас найдешь французский аппарат?» И подмигивает мне одним глазом. «Подойди, — говорит, — поддержи этот рычаг!» Он исправлял аппарат и все время говорил, что он делает, что происходит в аппарате, почему его нельзя разбирать... Прошло лето. И только когда я уже возвращался домой, я признался дедушке: «Дедушка, это я испортил твой аппарат. Прости меня, пожалуйста. Обещаю тебе, когда у меня будут деньги, я куплю тебе новый, хорошо?» Как вы думаете, что мне ответил дедушка?

Так росло и крепло наше взаимное доверие друг к другу. Детям не нужно было скрывать от меня свои страсти. Я включался в их разговор как свой, советовал и советовался с ними, доверялся им и они доверялись мне.

Оскорбленное чувство

Значит, кто-то в кого-то влюблен, кто-то отвергает чью-то любовь, кто-то кого-то высмеивает? Сегодня на большой перемене произошел случай, который заставил меня задуматься серьезнее о детской влюбленности: Гига и Бондо неожиданно поссорились, ссора перешла в кулачный бой.

Я сам их развел.

Мысли, которые вдохновляют

Противоположностью доверию будет уныние. Именно недоверие рождает эту ужасную ехидну. Но доверие пробуждает самые огненные, самые божественные задатки духа. И Существа Огненного Мира могут приближаться к людям в часы доверия, и чудо воодушевления создает самые прекрас-

ные приближения. Нужно воспитывать доверие, ибо иначе люди погружаются в мертвенность. Доверие есть чувствознание, оно не бывает предательством, когда мы знаем, куда направлено наше стремление. Мы радуемся, приближаясь к человеку, который бережет огонь доверия. Много прекрасных созиданий происходит, когда открыты врата доверия, врата, Огнем очищенные.

* * *

Мы говорили о воспитании, но среди воспитания первое место принадлежит восприятию красоты. Человек должен принадлежать к красоте. Он может увидеть ее в каждом солнечном луче. Он может принять красоту в сочетании звуков. Человек не может оправдаться своей нищетой, ибо Космос открыт как для богатых, так и для бедных. Но учителя земные пусть сумеют открыть восприятие красоты.

Живая Этика. Антология Гуманной Педагогике

— Можете объяснить, почему поссорились?

Мальчики молчат, они угрожающе смотрят друг на друга.

— Это секрет? — спрашиваю я серьезно.

Они кивают головой: «Да, наш секрет!»

— Тогда сделаем так. До начала урока остается еще 10 минут. Оба заходите в класс, там, кроме вас, никого не будет, и поговорите как мужчина с женщиной, только без кулаков и оскорблений. И помните, вы должны выйти из класса более крепкими друзьями, чем были прежде. Не так ли, ребята? — спрашиваю остальных.

Дети стоят тут же, многие знают, в чем дело, а вот Элла, из-за которой подрались мальчишки, и понятия не имеет, что она и есть яблоко раздора.

Дети вталкивают Бондо и Гигу в классную комнату. «Не глупите!» — предупреждает их Илико и закрывает дверь.

Мне часто помогал этот прием. Недоразумение, ссора между двумя ребятами? Тогда оставайтесь в классе одни, лицом к лицу, тихо-мирно выясните свои отношения, пожмите друг другу руки и покажите всем, что вы стали еще лучшими друзьями, чем когда-либо.

Представьте себе, детям нравится такое разрешение спорных проблем. Ну, конечно, это нелегко: кому заговорить первым, что сказать. Порой, может быть, и не говорят друг другу ничего, просто один из них проявляет больше доброжелательности, уступчивости и протягивает руку другому. Тот сразу и охотно хватается и, следуя нашим уговорам, восклицает: «Мир!», а ему в ответ: «Дружба!» Потом они выходят из класса в коридор, улыбаются, краснеют. А дети встречают их с восторгом: «Вот молодцы! Нет ничего дороже дружбы!», и жизнь для этих двоих, и для остальных тоже, становится еще радостнее.

О чем будут говорить между собой Гига и Бондо? Скорее всего, ни о чем. Они, я думаю, будут стоять друг против друга. Подражаться, конечно, они уже не посмеют, а если не пожмут друг другу руки, то мы их вернем обратно и подождем еще немножко. Или же, в конце концов, поручим кому-нибудь помочь им помириться.

Может быть, по-другому нужно было мне решать эту проблему? Как-никак, дело касается того, что дети опять-таки лезут туда, куда им не полагается входить. Пока им очень рано говорить о каких-то симпатиях друг к другу — «нравится», «любит», «не любит». Они ведь только второклассники, им еще учиться и учиться. Учителя и старшеклассникам-то не позволяют говорить о таких чувствах. Мне кажется, что учителя редко проявляют такое единодушие в своих позициях, какое они обнаруживают в отношении того, что мальчик и девочка — пока еще ученики в стенах школы! — влюбляются друг в друга. «Как это можно?!» А заговорить на педсовете,

где разбираются такие случаи, о том что, может быть, настало время учить наших питомцев, как любить, чтобы возвышаться, — рискованно. Это значит поставить под сомнение свою педагогическую репутацию.

Школьники изучают поэму Руставели «Витязь в тигровой шкуре», пусть там и говорят о возвышенной любви, о том, как Тариэл, Автандил преданны своим возлюбленным. Но нельзя допустить, чтобы нынешние наши Тариэлы и Автандилы, Нестан-Дарежданы и Тинатины, которые считаются учениками, находятся в стенах школы, обучаются и воспитываются, тоже любили. А разрешить 8–9-летним школьникам вслух заговорить о том, что кто-то из них в кого-то влюблен, будет педагогической ошибкой. Как могут оценить мои коллеги то, что я только что проделал: загнал в пустой класс двух мальчишек, чтобы они помирились друг с другом?

Мне вспоминается сцена, после которой я придерживаюсь строгой педагогической заповеди: *прикасайся к чувствам ребенка с таким же вдохновением и мастерством, как прикасался к струнам своей лиры Орфей.*

Это было давно, когда я еще был начинающим учителем и когда я сам мог возмущаться дерзостью подростка, осмеливающегося влюбиться, сквозь пальцы смотрел на чувства детей и уважал в каждом из них только разумность.

Сцену, повлиявшую на мои педагогические представления, разыграла старая учительница начальных классов в большой учительской старой школы.

Циала Багратовна вошла в учительскую с неприятным шумом. Она силой вела за собой маленького мальчика, тоже, наверное, второклассника. Учительница держала в руке раскрытую тетрадь. Она остановилась посередине большой учительской и громким, раздраженным басом призвала всех уделить ей внимание.

— Минуточку, товарищи! Прошу всех посмотреть на этого мальчика!

Мы все — а в старой учительской большой школы в этот момент находилось не менее 50 человек — обернулись, кто-то подошел поближе посмотреть на мальчика.

Циала Багратовна — уважаемый всеми человек, с большим опытом. Раз она взволнована, значит, имеет вескую причину, раз обращается к нам, значит, просит поддержки.

Мы с любопытством начали разглядывать мальчишку в коротких штанишках, худенького, крошечного. Он стоял рядом со своей учительницей, опустил голову, не смея посмотреть нам в глаза. А Циала Багратовна, обратив на себя всеобщее внимание учителей, приступила к монологу, полному раздражения, иронии, с оскорбительными нотками в адрес мальчика в коротких штанишках.

— Видите этого сопляка? Он не такой, каким вам может показаться! Он, этот чертенок, видите ли, влюблен! Любит! Занимается не математикой, а сердечными делами! Вот полюбуйтесь, что он нарисовал и написал в тетради для математики!

Циала Багратовна поднимает над головой раскрытую тетрадь, и мы, приблизившись и напрягая зрение, увидели портрет девочки, у которой волосы разбегались подобно лучам солнца. Потом она опустила руку и продолжила:

— Это еще ничего! Вы только послушайте, что этот сопляк пишет! — и она с поразительной брезгливостью, передразнивая мальчишку, прочла следующую фразу: «Я хочу жениться только на Манко. Я люблю Манко. Я куплю ей золотое платье».

— Представляете, любит сопляк Манко! Не хочет больше учиться, хочет жениться! — завершила она свой монолог.

Некоторые учителя громко расхохотались в знак высмеивания мальчика.

— Ну и ну, жених! — воскликнул один.

— А невеста, что, тоже влюблена? — подшутил другой.

Учителя в большой учительской смеялись над мальчиком, вот что меня поразило.

Поразил меня и сам мальчик, его самоотверженный и смелый поступок.

Он вдруг поднял голову, подпрыгнул, чтобы дотянуться до своей тетради (учительница держала ее высоко, давая другим еще раз посмотреть на рисунок и почитать, что там было написано), вырвал тетрадь и, с силой пробравшись сквозь плотный строй учителей, выбежал из нашей большой учительской, одновременно ранив всех нас душераздирающим криком:

— Ненавижу тебя! Ненавижу всех вас! Злые! Злые!

Учителя были ошеломлены. У весельчаков смех застыл в горле. Циала Багратовна побагровела и процедила:

— Н-у, я е-му...

И надо же было: слова эти как пули, метко попавшие прямо в цель, «вышибли» гвозди на стене за ее спиной, где висела стеклянная рама с портретом. Рама упала на пол и разбилась вдребезги. Она висела там давным-давно, и гвоздь еле-еле держал ее. Портрет был искусно выполнен руками старшеклассников в подарок своим учителям.

Зазвенел звонок.

Многие учителя с классными журналами под мышкой, тетрадями или указками в руках поспешно покинули большую учительскую.

Физрук достал из-под осколков помятый портрет, расправил его и положил на стол.

— М-да! — произнес он с грустью. — Умели ребята рисовать! Скоро 20 лет будет, как они своими руками повесили его на это место, с тех пор так и висел!

А затем, патетически подняв правую руку и играя в воздухе указательным пальцем, продекламировал изречение, написанное под портретом мыслителя:

«Чувство гуманности оскорбляется, когда люди не уважают в других человеческого достоинства, а еще больше оскорбляется и страдает, когда человек в самом себе не уважает собственного достоинства. Белинский». Задумался и прокомментировал:

— Гениально сказано! Не так ли?

Почему иным учителям трудно понять своих учеников?
Из многих причин хочу выделить такие.

О двух причинах, мешающих педагогу понимать детей

Во-первых, есть учителя, у которых, надо полагать, стерты в памяти воспоминания о своем детстве. Были ли они когда-либо детьми или нет? Вроде бы были, но это было там, в том далеком прошлом, оно покрыто каким-то туманом. Впечатления, которые ребенок получает в двух-, трех-, ну, еще в четырех- и пятилетнем возрасте, могут полностью или частично забыться. Они, как правило, оставляют свой след в развитии ребенка, а не в памяти, которая потом, спустя десятки лет, воскрешает образные картины твоих тогдашних поступков. Что поделаешь, так соизволила мать-природа, и мы примирились с этим, хотя грустим о чем-то безвозвратно ушедшем. Но когда человеку не верится, что он действительно мог быть таким же ребенком, как его ученики, то ему трудно понимать детей.

Ходил ли ты, Учитель, в коротких штанишках?

Конечно, ходил.

Помнишь ли ты, как однажды обидел свою подругу, назвав ее курносой?

Нет, что-то не припоминаешь? Ты этого не мог сделать?!

А однажды, мчась по коридору, ты сильно столкнулся с той же девочкой, она упала на пол, заплакала, но никто из старших не видел этого, а она никому не пожаловалась. Ты остался безнаказанным.

Тоже не помнишь?

Печальный случай оставил на твоем лице (может быть, на руке, на ноге или где-то еще) еле заметную белую полоску. Ты тогда орал от испуга, увидев кровь.

Было такое, верно? А не припоминаешь ли, что тогда случилось? Ну, ладно!

Заглянув в бабушкину шкатулку для украшений, ты взял оттуда какую-то ярко-желтую вещицу и променял ее у какого-то мальчишки на продырявленный резиновый мяч. Бедная бабушка до сих пор ума не приложит, куда мог пропасть подарок дедушки.

Не хочешь признать, что это могло случиться с тобой?

Все дети — твои товарищи — друг за другом прыгнули с обрыва, кто упал, кто поцарапал ногу, руку, а ты стоял наверху и боялся прыгнуть. Но, когда увидел, что та самая девочка, не раз обиженная тобою, смотрит на тебя и смеется, ты рискнул.

Не будь этой девочки, рискнул бы ты тогда? Ну, зачем говорить, что ничего подобного не было, что ты спрыгнул одним из первых! Хочешь замять детское прошлое? Это же смешно!

Если в твоём детстве ничего не было или ты не помнишь, было или нет, то, значит, детство миновало тебя, и мне жалко тебя, потому что ты не прожил сказочный мир девяти солнц и девяти радуг, тысяч радостей и удовольствий и столько же огорчений и неприятностей.

В этом мире дети творят и другие дела: соперничают, помогают, делятся, радуют.

Таких случаев, по всей вероятности, припомнишь больше?

Да, мне жалко тебя! Ты прожил в мире детства как в тумане; жаль, что ты не можешь рассеять этот туман, чтобы увидеть там мальчишку в коротких штанишках. Может, это профессиональная беда тех педагогов, которые считают, что детские страсти — только помеха в воспитании? Из головы такого учителя обязательно сотрутся картины его детства, и он станет человеком без детского прошлого. Как же такому педагогу понимать своих детей?

Но это еще полбеды. Вторая причина непонимания детей более сложная. Иные учителя не понимают, почему существу-

.....

ет детство в жизни каждого человека. Зачем человеку такой неустойчивый, нелогичный период жизни? Там столько недоразумений, столько нераскрытых тайн, столько капризов, болезней, шалостей, опасностей! Наделила бы мать-природа человеческое существо разумом с первого же дня появления на свет. Разве так трудно ей было сделать это? Бывают же существа в животном мире, которые, как рождаются, сразу приступают к самостоятельной и «разумной» жизни! Даже мои дети смогли открыть такой удивительный факт природы. В нашем аквариуме гуппи-мать начала рожать маленьких точечных существ. «Рыбки, рыбки рождаются!» — закричала Тамрико, которая первая заметила это явление, и все сразу собрались вокруг аквариума. Вот из живота матери выскакивает точка, и если она сразу не раскроется и не уплывет подальше от матери, не спрячется в водорослях, то сама мама тут же проглотит своего только что родившегося детеныша. Значит, могла же природа наделить человеческое существо разумом с первого же дня рождения? Как она облегчила бы этим труд миллионов воспитателей прошлых, настоящих и будущих времен! Скажешь ребенку всего один раз, и он сразу поймет, как вести себя, что хорошо и что плохо. Поймет без тысячи повторений, без педагогических ухищрений, когда порой теряешь самообладание и забываешь, что ты не есть такой же обыкновенный человек, как все, что ты воспитатель, учитель, педагог.

Закрой глаза и углубись в свое далекое прошлое, потом присмотришься к своим воспитанникам, и ты обязательно увидишь, как бегаешь по школьным коридорам, как шалишь, как радуешься, как забываешь дома учебник и тетрадь, как отвлекаешься на уроке. Обязательно почувствуешь, как интересны тебе Элла или Тея, Магда или Эка, Лела или Лали, Марика или Нато. Может быть, ты и есть один из тех — Бондо или Гига, которые сейчас стоят в пустом классе друг против друга и не знают, как помириться, кому первому протянуть руку сопернику?

Многое из того, что ты забыл, напомнят люди, которые знали тебя в детстве, воспитывали тебя. От них ты узнаешь, каким ты был смешным или серьезным, какие штучки выкидывал. Вернувшись в свое детство, ты найдешь там золотой ключик понимания детей. Поделись с ними этими отрывочными воспоминаниями, дай им увидеть тебя таким же маленьким, какими являются они сами, и они впустят тебя в свой мир детства. Они доверятся тебе, потому что среди них ты живешь своим детством. А ты познаешь детей такими, какие они есть и какими становятся под твоим добрым влиянием.

Надо понять, почему существует детство, чтобы обратиться к своему детству и через него войти в жизнь своих ребяташек. Взрослым постоянно надо помнить, что детство существует вовсе не назло воспитателям, оно — дар природы человеку, чтобы тот вечно познавал необъятное. И я рассуждаю.

Чтобы дети приняли меня в свой мир, я должен прийти к ним со своим детством как залогом того, что я не чужой.

Если я стремлюсь понимать детей, то им тоже захочется понять меня и последовать за мной и моя педагогическая жизнь не будет противоречить их жизни.

В таком случае я могу сделать их моими соратниками в их же воспитании и обучении.

Какой это будет воспитательный процесс?

Не тот, который был у меня раньше, когда я, не признавая существования детства, командовал детьми. Этот процесс я не могу назвать иначе, как императивным и фронтальным воспитанием.

А то, что у меня получится сейчас, когда я пришел к детям со своим детством и они впустили меня в свой мир, я называю гуманным воспитательным процессом.

Мы — я и мои ребяташки, воспитатель и воспитанники, учитель и ученики — живем единой жизнью. Каждого из нас всегда что-то радует и что-то огорчает, но эти радости и огор-

.....
чения составляют суть нашей большой жизни со всеми своими коллизиями.

— Здравствуйте, дети! Как живете? — спрашиваю я каждое утро всех, и они отвечают:

— Спасибо, хорошо! А вы как живете?

— Тоже хорошо, спасибо! Что значит «живем хорошо»?

Это значит: мы боремся, побеждаем, терпим поражения, опять боремся, снова побеждаем и так в условиях дружбы, взаимопонимания и взаимной помощи каждый возводит в себе Человека, Личность. Это значит еще, что в нашем мире девяти солнц и девяти радуг существуют тысячи радостей и столько же волнений и переживаний.

О детской влюбленности

Бондо и Гига долго задерживаются в пустом классе. Обычно дети за минуту решают свои спорные проблемы, но тут, видно, ни один из них не хочет первым протянуть руку другому и первым сказать: «Мир!»

— Что они там делают? — волнуется Илико и хочет открыть дверь, чтобы взглянуть, чем они заняты. Но девочки, которые каралят у двери, не разрешают.

— Оставь, они сейчас выйдут!

— А почему они подрались, не знаешь? — допытывается Марика, приставая то к одному, то к другому.

Никто ничего не знает, никто ничего не говорит.

— Я знаю, но не скажу! — говорит Марике Гоча.

— Сказали же они, — поспешил я объяснить Марике, чтоб Гоча тоже слышал, — это их тайна! Тайну надо беречь!

Тея уводит Эллу в сторону, что-то ей долго шепчет. Элла внимательно слушает, удивляется, краснеет, что-то ей доказывает. Потом нерешительно приближается ко мне.

— Можно? — говорит робко.

Я нагибаюсь, она прикасается губами к моему уху (для большей предосторожности, чтобы никто не услышал, что она мне скажет, и еще прикрывает их руками).

— Впустите меня в класс, я их помирю!

С помощью таких же мер предосторожности я шепчу ей:

— А ты знаешь, почему они подрались?

Элла молчит, краснеет еще больше.

— Ты уже подумала, что им скажешь?

Она кивает головой. Тогда я говорю девочкам, которые караулят у двери:

— Впустите Эллу, ей надо что-то взять из сумки!

Девочки догадываются:

— Она помирит их?

Эллу пускают и дверь опять закрывают.

Что она им скажет, как она заставит их протянуть друг другу руки? Ведь мальчики находятся в необычном для них состоянии, в состоянии влюбленности. Сами не понимают, что с ними творится.

Влюбленность!

Что это такое? Первая любовь? Прелюдия первой любви? Нет, конечно, не первая любовь, она удел юношей, девушек, отчасти — старших подростков. Но прелюдией ее, пожалуй, можно назвать. Влюбленность, которую я наблюдаю у многих моих ребяташек, можно считать первым проблеском того, что ребенок способен полюбить, и сигналом того, что дар любви тоже требует заботливого воспитания.

Является ли влюбленность возрастной особенностью младших школьников?

Ой, как упорно молчат по этому поводу ученые-педагоги и психологи, молчат составленные ими учебники по педагогике и детской психологии! Да еще как опасно заговорить об этом, о том, что эти проблески любви требуют заботливого отношения, в среде учителей начальных классов. Большинство из них с жаром и раздраженно станут доказывать, что, во-первых, такие проявления следует

.....

принимать как аномалии, как результат превратного воспитания ребенка: во-вторых, их надо пресекать немедленно. Многие же учителя просто не желают видеть, какие изменения происходят в некоторых учениках. Они спешат сделать вывод, что в младшем школьном возрасте ничего подобного не может быть и всех нас, занимающихся делом воспитания, может не волновать проблема детской влюбленности.

Как порой педагогу легко избавиться от острых проблем воспитания! Не замечай их, это же от тебя зависит! Закрой глаза, заткни уши, уходи подальше от детей — и никакой проблемы не будет!

Есть тут проблема, острая, серьезная. Ее недооценивание, мне кажется, означало бы искусственное усложнение воспитательного процесса, возможное искажение характера многих детей. Есть проблема. Если бы ее не было, эти мальчики не подрались и я не заставил бы их стоять друг против друга в пустом классе для объяснений и примирения.

В моем классе многие девочки и мальчики явно симпатизируют друг другу. Эта симпатия не пассивная, не созерцательная. Она поощряет детей к действию, к хорошим и плохим поступкам. Только так я могу объяснить, с одной стороны, взаимную заботливость, которую они проявляют, и, с другой стороны, грубость мальчиков по отношению к тем же девочкам.

Основа всех этих проявлений, я уверен, — неосознанное детьми чувство влюбленности, первые проблески дара любви. Если дать им — этим проблескам — развернуться и развиться в грубых формах взаимоотношений, то получится, что я способствую искажению моего же воспитательного процесса. Меня беспокоит мысль о том, что в этих первых проблесках влюбленности мальчики могут приобрести опыт грубого отношения к девочкам, а у девочек создается впечатление, что мальчики не умеют дружить.

В чем же должна заключаться моя забота?

В том, чтобы, воспользовавшись этими проблесками влюбленности у детей, еще сильнее закрепить в них чуткость, внимание, заботу и преданность друг другу, поощрять в мальчиках мужественность.

Кстати, о мужественности. На днях к нам пришла врач и велела мне после уроков повести всех детей в ее кабинет для обязательной прививки. Дети испугались:

— Больно будет? — спросили девочки врача.

— А как же, будет больно! Это же прививка! — ответила врач и ушла.

— Вот хороший случай проверить, кто из наших мальчиков бесстрашный, а кто — трусишка. А то они все хвастаются и хвастаются! — сказал я детям. — Давайте сделаем так: выберем комиссию в составе трех девочек. Пусть они присутствуют в кабинете врача, когда мальчикам будут делать прививку, и посмотрят, кто из них побоялся, а кто проявил храбрость!

И я утверждаю: именно потому, что в кабинете врача находились Марика, Элла и Ния, все мальчики оказались вдруг мужественными, бесстрашными, во время прививки каждый из них улыбался и твердил: «Нет, мне не больно!»

Думаю, в моем классе самое время поговорить с детьми об отношениях между мальчиками и девочками, о дружбе между мальчиком и девочкой. Сейчас я еще могу дать направление становлению характера детей, воспитать в них чуткость. Я ищу способ, как лучше это сделать, с чего начать. Может быть, опять обратиться к своему детству?

В моем воображении рисуется картина этой душевной беседы. Сяду я на маленький стульчик, они устроятся вокруг меня на полу на своих соломенных ковриках, и в моем рассказе перед ними предстанет образ мальчишки в коротких штанишках, который, спустя 40 лет, стал их учителем. Я выберу еще день, когда это сделать. Выберу день пасмурный, настраивающий на грустные размышления. А начну с того, что скажу детям прямо: «Эти воспоминания для меня очень дороги.

И раз я делюсь с вами моим прошлым, то, значит, не зря. Может быть, мой рассказ поможет вам научиться, как дружить друг с другом девочке и мальчику и как бережно относиться к их дружбе всем остальным, не оскорбляя, не ущемляя их самолюбия». Еще возьму с них слово, что они сохранят рассказанную мною историю в тайне, никому никогда не разгласят ее: «Вы понимаете, ребята, это моя личная жизнь!» Потом же расскажу им примерно следующую сказочную правду.

— Жил-был в одном городе маленький мальчик, звали его Шалвой, по прозвищу Шалун. Учился он в одной школе, во втором классе, у одной доброй учительницы. Сидел он в первом ряду, на четвертой парте, один, потому что в классе было нечетное количество детей. И он сучал один за партой. Все время вертелся как «чертово колесо» или вставал и силой подсаживался третьим за парту. И сидевший с другой стороны парты падал неожиданно на пол и начинал жаловаться. Учительница делала замечание Шалуну и возвращала его обратно на свое место. Когда учительница давала всем самим решать математические примеры, ему хотелось заглянуть в чужую тетрадь. И он опять вставал с места и подходил к другим или же звал других: «Гига, у тебя что получилось? Котэ, у тебя тоже так? А у Марики? У Эки? Зурико, ты решил?» Учительница опять делала Шалуну замечание. На переменах он доставал из сумки тонкие полоски бумаги (эти обрезки он брал на работе отца) и бегал по коридору, размахивая ими. За ним гнались все ребяташки. И он опять получал замечание от доброй учительницы.

Но вот однажды в класс привели новенькую. Она стояла у доски рядом с учительницей. А учительница оглядывала класс — куда ее посадить. В классе пустовали еще две парты. Я смотрел на нее как зачарованный. «Неужели учительница не посадит ее рядом со мной?» — думал я с испугом.

— Садись рядом с Шалуном, — сказала, наконец, моя добрая учительница. — Надеюсь, ты на него повлияешь и сделаешь опять Шалвой.

Она села рядом со мной, а я так заволновался, так растерялся, что не знал, что делать. То с шумом доставал из ранца цветные карандаши, то прятал их обратно, то нарочно бросал на пол ручку и лез под парту, то вырывал из тетради листы. Делал все, чтобы привлечь ее внимание. Но она смотрела на меня укоризненно.

— Ты умеешь нормально сидеть? — спросила она.

— Умею, но не хочу! И вообще, не люблю я девочек! — дерзко сказал я и тут же испугался: а вдруг она встанет и переседет на свободную парту? Я, конечно, не хотел ее обидеть, но решил, что с девочкой надо говорить именно так.

— А я думала, что ты хороший мальчик, — тихо сказала она и отвернулась. Но мне так хотелось на нее смотреть.

— Зачем я должен быть хорошим? Мне так лучше!

На перемене я бегал и шумел больше всех, хотел, чтобы она видела, какой я шалун на самом деле. Когда кончились уроки, она шепнула мне:

— У вас дома есть гребешок?

— Есть, хочешь, принесу? — обрадовался я.

— Нет, мне не надо, но ты причешись и так приходи, а то на кого ты похож!

На другой день я пришел причесанный, чистенький.

— Вот так лучше! Ты стал красивым! — сказала она.

Меня так обрадовали эти слова, что в тот день в школе не было более спокойного, сдержанного мальчика, чем я.

Когда она по какой-либо причине не приходила в школу, мне тоже не хотелось быть в школе. Если кто-нибудь ее обижал, я защищал ее. Я начал так хорошо учиться, что добрая учительница удивлялась. Я решил жениться на ней, как только вырасту, но пока ей ничего не говорил. По-прежнему следуя ее умным советам, Шалун, таким образом, постепенно преобразился в Шалу, в Шалико, в милого, доброго, хорошего мальчика.

Но знаете, что однажды случилось? всю жизнь не забуду эту горькую обиду. Трое из моих одноклассников, звали их

Зурико, Гоча и Вова, начали высмеивать меня: «Жених, жених!» Увидят меня с ней и заведут: «Жених с невестой идут!» И вот однажды я бросил ранец на улице, догнал этого Вову и ударил его.

— Будешь дразниться, хуже станет! — пригрозил я.

На другой день в школу пришла Вовина мама и пожаловалась учительнице.

— Почему ты ударил его? — спросила она с укоризной.

Но разве я мог сказать, как он и другие дразнили меня и Нинель (так ее звали)? Я молчал.

Ох, что потом было! Велели привести моих родителей. Я открылся папе: «Хочу жениться на Нинель, а они меня высмеивают!» Папа не выдал меня, но обещал учительнице, что я больше не буду так себя вести...

Через год родители увезли Нинель в другой город, и я долго тосковал по ней.

Чему только ни научила она меня: говорить вежливо, быть аккуратным, любить читать книги, любить учиться. Эта маленькая моя подруга стала для меня доброй учительницей...

Где она сейчас?

Я не помню ее фамилии, а то разыскал бы ее и хотя бы сейчас поблагодарил за дружбу и заботу обо мне, которые она проявила много лет тому назад.

Вот так кончается эта правдивая сказка из моего детства. Надеюсь, вы не расскажете ее никому? Надеюсь, каждый из вас понимает, почему я доверил ее вам? А теперь можете задавать вопросы тому Шалу, и он ответит на них!

Повлияет ли этот рассказ на моих ребятишек? Думаю, что да. На них повлияют и ответы Шалуна им, так как ответы я буду связывать с действительной жизнью нашего класса. На них повлияют и мои нашептывания, потому что во мне они видят свою зрелость, так же как я вижу в них свое детство.

«Послушай, Георгий! Будь внимательней к Леле. Ты же ее обижаешь! Как же она будет дружить с тобой? Только все

Как живете, Дети?

это между нами, ясно?» Георгий делает нужный вывод из моего совета, который я шепну ему в удобное время, как бы случайно.

...Дверь классной комнаты открывается. Первой показывается Элла, за ней выходят Бондо и Гига. И хотя мир между Бондо и Гигой установлен, тем не менее, я чувствую, что стою перед сложной проблемой. Разрешу ли я ее правильно?

— Со-скууу-чии-лиись...

— Он такой добрый...

— Умеет дружить со всеми...

— Много читает и нам тоже рассказывает...

— Он тоже, наверное, соскучился по вам, по школе!

— И по вам тоже скучает...

— Ведь уже три недели прошло, как мы не видели его...

Я тоже скучаю по Диме... Представьте себе, как наш добрый, веселый Дима лежит в кровати в больничной палате, ему же не разрешают пока встать, и думает о нас...

— Его мама сказала, что он все время вспоминает школу, интересуется, что у нас происходит...

— Как же нам не дать ему скучать? Нас ведь не впустят в больницу, чтобы повидаться с ним и развлечь его?

— А нельзя послать ему письмо?

— Знаете, я только что хотел предложить то же самое! Пусть каждый из вас сегодня напишет ему письмо. Я тоже хочу ему что-то сообщить.

— А конверты?

— А адрес?

— Есть, все есть... Сделаем это на уроке письма, хорошо?

— Я ему и свой рисунок pošлю...

— А теперь — хотите знать, что мы будем делать сегодня в школе?

— Да...

— Так вот, слушайте. На первом уроке мы проведем наш третий семинар книголюбов. Докладчики готовы?

— Я готов.

— Я тоже готова.

— Я тоже готов.

— Мы все готовы к семинару.

— И рисунки приготовили, и плакаты, и книжки.

— Прекрасно. После прослушивания докладов устроим дискуссию. А рисунки и плакаты, которые нам понравятся, вывесим в классе и в коридоре.

— Это хорошо.

— Второй урок у нас по математике... Будем решать задачи, которые составили для нас Георгий, Илико, Майя, Нико. Задачи не из легких. По правде говоря, мне самому было трудно их решить...

— Ух ты...

— Решим, решим...

— Посмотрим, какие они сложные.

— Третий урок — «Наши золотые руки».

— Люблю этот урок.

— А что мы будем делать?

— Узнаете потом. Вот пакет с заданием от совета школы.

— Задание серьезное или такое же легкое, как на предыдущем уроке?

— Посмотрим. На четвертом уроке, как уже договорились, напишем письма Диме. После уроков пошлем когонибудь на почту, чтобы сразу же их отправить, хорошо?

— Мы можем передать их Диминой маме, и она отнесет ему в больницу.

— Нет, лучше отправить по почте, Диму это больше порадует...

— А когда он их получит?

— Вот и узнаем, как наша почта работает!

— Завтра же получит!

— Что мы будем делать на перемене?

— На большой перемене я буду занят, но вы ведь сможете сами себе найти умное и интересное занятие?

— Я буду разносить по классам газеты.

— Тебе и товарищи помогут. После обеда у меня будет прием по личным вопросам. Далее у вас будут занятия: шахматы, общественные дела, оркестр. Будет и прогулка. Вот и все содержание сегодняшнего дня.

— Хороший день...

— Вам нравится план сегодняшнего дня?

— Да, да!

— Надеюсь, вы поможете мне и воспитателям, чтобы полностью его осуществить. Тогда сегодняшний день станет действительно интересным.

— Вчерашний день был тоже интересным.

— Сегодня будет еще интереснее.

— Это будет зависеть от вас и от меня. Мы и есть творцы сегодняшнего дня.

— Если мы будем сотрудничать с Вами, то сегодняшний день получится богатым.

— И мы будем знать больше, чем вчера.

— Поднимемся на 80 см выше по винтовой лестнице.

— Содержание сегодняшнего дня вам уже известно. Давайте поприветствуем начало дня! Какое сегодня число? Месяц? День?

— 10 марта.

— Среда.

— Посмотрите в окно, что вы скажете о сегодняшней погоде?

— Солнечная погода...

— Небо безоблачное...

— Хороший день...

— Поют птички...

— Светлый, радостный день...

— Чувствуется, что стучится весна...

— Что же мы скажем сегодняшнему дню?

— Чтобы он стал радостным для каждого из нас...

— Для всех на земле...

— Чтобы он был мирным, наполненным трудом и хорошими делами...

— Мы должны прожить его умно...

— Откровенно говоря, я люблю приближение весны, мне очень нравится это мартовское утро.

— Мне тоже...

— Хорошее утро...

— Давайте улыбнемся и поздороваемся с солнцем! Здравствуй, солнце!

— С небом...

— Здравствуй, небо!

— С сегодняшним днем...

— Здравствуй, десятое марта!

Аплодисменты.

— Вот и звонок. Можно начать наш семинар. Кто сегодня председательствует?

— Тамрико.

— Тамрико, займи, пожалуйста, свое место и приступим к делу!

Третий семинар книголюбов

Я сажусь за последнюю парту, рядом с Экой, а Тамрико занимает место у моего рабочего стола. Она уже подготовлена для руководства третьим семинаром, но я все же оставил ей на столе лист бумаги, на котором записаны последовательные действия председателя.

Председатель: «Наш третий семинар книголюбов мы посвящаем книге Антуана де Сент-Экзюпери „Маленький принц“».

Она отодвинула занавеску на доске. Там написано:

10 марта

Третий семинар книголюбов.

Антуан де Сент-Экзюпери «Маленький принц».

Чему нас научила эта чудесная книга?

Котэ: «Зорко лишь одно сердце».

Сандро: «Я за него в ответе».

Русико: «Звезды смеются».

Председатель: «Вначале я скажу вам несколько слов об Антуане де Сент-Экзюпери. Он был очень добрый человек,

любил детей, боролся против фашистов. Он был летчиком. Много раз попадал в авиакатастрофы, был искалечен ранениями, но все же спешил защищать свою родину — Францию — и людей от насилия. 31 июля 1944 года он погиб в воздушном бою с врагом. Незадолго до своей гибели Антуан де Сент-Экзюпери написал эту удивительную книгу. Мы благодарны ему, что он подружил нас с Маленьким принцем, хозяином далекой крохотной планеты. Вот уже месяц, как мы читаем и перечитываем эту книгу...»

— Я три раза прочел...

— А я четыре...

— Я много плакала...

Председатель: «Разве остался в классе кто-нибудь, кто ее не читал?»

— Никто...

Председатель: «Мы читали ее и коллективно. Маленький принц теперь живет среди нас.»

— Я и во сне его видела...

Председатель: «Сегодня мы должны поговорить, чему нас всех научила эта книга. Давайте сначала повесим этот рисунок Нии...»

Двое мальчиков вешают у доски портрет Маленького принца. Он нарисован на большом плотном листе бумаги. Дети восхищаются.

— Я его таким и представляла...

— У него какая-то печаль на лице...

— Как будто он летит в небо...

Председатель: «Теперь послушаем Котэ».

Котэ: «Вы хорошо помните, как Маленький принц подружился с Лисом. Он приручил его. И когда они расставались, Лис открыл ему секрет. Это очень мудрый совет. „Вот мой секрет, — сказал Лис Маленькому принцу, — он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь“. Принц повторил эти слова, чтобы лучше запомнить. О своей дружбе с Лисом он рассказал Сент-Экзюпери.

А потом, помните, как они вместе искали родник в пустыне? Тогда принц сказал ему: „Знаешь, отчего хороша пустыня? Где-то в ней скрываются родники“. А он ответил: „Да, будь то дом, звезды или пустыня, самое прекрасное в них то, чего не увидишь глазами“. Принц обрадовался, что Сент-Экзюпери был согласен с его другом Лисом».

Котэ вывешивает на доске плакат; в гирлянде виноградных лоз и кистей записано: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь». Плакат очень красив.

— Это нарисовал ты? — удивляются дети.

— Нет, мы с мамой вместе рисовали...

Председатель: «Продолжай...»

Котэ: «Вот я и думаю над этой мудростью. Я у отца тоже спрашивал. Он мне так объяснил: разве можно говорить о человеке, что он хороший или плохой, судя только по внешнему виду? Может быть, внешне он совсем некрасив, но у него чуткое, доброе сердце. Как глазами увидишь, что человек этот добр? А в человеке главное именно его доброта, чуткость. Все это можно почувствовать только сердцем. А Маленький принц это так объясняет: „Это как с цветком. Если любишь цветок, что растет где-то на далекой звезде, хорошо ночью глядеть в небо. Все звезды расцветают“. Я и к бабушке обратился, чтобы узнать ее мнение. Она археолог. „Когда я стою на каком-нибудь цветущем поле, — сказала бабушка, — то чувствую, что здесь когда-то тысячелетия тому назад, жили люди, трудились, строили города, боролись, защищались, а теперь под этим цветущим полем, если его раскопать, можно обнаружить обломки древних городов, предметы быта, останки погибших и умерших людей. А на поле теперь распускаются цветы, порхают бабочки. Как можно видеть глазами то, что покрыто слоем земли? Это можно только чувствовать умом и сердцем“. И бабушка еще сказала: „Зная, что под этим цветущим полем покоится тысячелетнее прошлое жизни людей, я хожу по нему осторожно, и эти цветы кажутся мне улыбками ушедших поколений“. Думаю, отец и бабушка правильно

объяснили мне значение этих мудрых слов. Еще я думаю, что сердце зорким станет тогда, когда мы будем дружить друг с другом, любить друг друга и когда ко всему, что нас окружает, будем относиться внимательно, осторожно, чутко.

Председатель: «Ты кончил?»

Котэ: «Да, я закончил!»

Председатель: «Теперь дадим слово Сандро!»

Сандро сперва вешает на боковой стене красочный плакат. На нем написано: «Ты навсегда в ответе за всех, кого приручил». И еще: «Знаешь... моя роза... я за нее в ответе. А она такая слабая! И такая простодушная. У нее только и есть что четыре шипа, больше ей нечем защищаться от мира».

Сандро: «На планету Маленького принца неведомо откуда попало зернышко, из которого вырос цветок. Маленький принц никогда не видел такого прекрасного цветка. Вскоре оказалось, что красавица горда и обидчива. Она постоянно требовала от него заботы, сердилась на него. По вечерам Маленький принц накрывал ее стеклянным колпаком, днем защищал от сквозняка ширмой, поливал ключевой водой. Но роза проявляла недовольство. А когда Маленький принц решил странствовать, она призналась: „Да, да, я люблю тебя. Моя вина, что ты этого не знал. Да это и неважно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть счастливым...“ Маленький принц посетил разные планеты, целый год провёл на нашей планете, а свой цветок никогда не забывал. Но всю нежность и любовь к своей единственной розе он почувствовал тогда, когда прирученный Лис посоветовал ему взглянуть на кусты роз. „Ты поймешь, что твоя роза — единственная в мире“, — сказал ему Лис. Помните, что сказал Маленький принц розам? „Вы красивые, но пустые, — говорил он им, — ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас покрывал стеклянным колпаком. Ее загораживал ширмой, оберегая от

ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвасталась, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она моя“.

Я много думал обо всем этом. Что значит быть в ответе за всех, кого приручил? Это значит, как я думаю, быть преданным всему, кто и что тебя окружает, заботится о тебе. Ты обязан проявлять внимание, преданность, нежность и любовь к ним. Возьмем, например, то, что нас окружает в нашей классной комнате. Вот эти цветы на подоконниках. Мы в ответе за них. Надо смотреть на них, как на наши единственные, самые красивые и неповторимые цветы. Тогда крепче их полюбишь. А рыбки в нашем аквариуме? Не надо иметь в аквариуме много рыб. Будем ухаживать за нашими тремя рыбками. Давайте каждую назовем каким-нибудь именем и понаблюдаем, кто как себя ведет. И тогда они станут нашими друзьями. Наверное, так поступил бы Маленький принц. И цветы, и эти рыбки ведь погибли без нашей заботы! Мы в ответе и за наши деревца. Люди в ответе друг за друга, родители в ответе за детей, дети — за своих родителей. Мы в ответе за маленьких, которым нужна наша забота. Этому учит нас Маленький принц, так нежно заботящийся о своем цветке... Я окончил».

Председатель: «Спасибо. Слово предоставляется Русико».

На боковой стене Русико тоже вешает красочный плакат, на котором написано: «Ночью ты посмотришь на звезды. Моя звезда очень маленькая, я не могу ее тебе показать. Так лучше. Она будет для тебя просто одна из звезд. И ты полюбишь смотреть на звезды... Все они станут тебе друзьями». И еще: «Ты посмотришь ночью на небо, а ведь там будет такая звезда, где я живу, где я смеюсь, и ты услышишь, что все звезды смеются. У тебя будут звезды, которые умеют смеяться!»

Русико: «По-разному можно смотреть ночью на звезды. Маленький принц рассуждает так: „Одним — тем, кто странствует, — они указывают путь. Для других это просто маленькие огоньки. Для ученых они как загадка, которую

надо решить. Для моего дельца они золото. Но для всех этих людей звезды немые“. А автору книги он открыл тайну, как смотреть на звезды не глазами, а сердцем. Здесь я повесила плакат. Прочтите, пожалуйста. Там написаны слова, раскрывающие эту тайну... Книга научила меня тому, что на все надо смотреть сердцем. Тогда тебе все будет интересно. На небе у меня своя звезда. Я ее выбрала сама. Сказала: „Вот моя звезда, она стоит над моей головой!“ Даже во сне видела, какая там речка, маленькое солнышко... Я по-другому начала смотреть и на мою кошку. Раньше мучила ее, выгоняла из комнаты. Теперь я беру ее на руки и всматриваюсь в глаза, и мне кажется, что мы разговариваем друг с другом, как разговаривал со своей розой Маленький принц. Чтобы радоваться природе, надо научиться видеть ее красоту в любом цветке, дереве, в любом животном. Помните, как Маленький принц пил воду из колодца. Он пил, закрыв глаза. Это был самый прекрасный пир. А потом он с упреком сказал своему старшему другу: „На твоей планете люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... и не находят того, что ищут“. А потом он сказал: „А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной единственной розе, в глотке воды“. „Но глаза слепы, — сказал он еще, — Искать надо сердцем...“ Я теперь и на вас смотрю иначе. Я стараюсь увидеть в каждом из вас что-то очень хорошее, необыкновенное. Вот чему научил меня Маленький принц».

Председатель: «Спасибо, Русико! Я думаю, не нужно задавать вопросы нашим докладчикам. Давайте устроим сейчас художественное чтение отрывков из „Маленького принца“, а потом выскажемся. Согласны?»

— Да, так будет хорошо!

Председатель: «Тогда попросим Нато, Лери, Георгия, Елену, Тенго и Магду. Они прочтут нам отрывки, как Маленький принц посетил разные планеты».

Нато вывешивает плакат, на котором написано: «Тогда суди сам себя. Это самое трудное. Себя судить куда труднее,

чем других. Если ты сумеешь правильно судить себя, ты истине мудр». А затем читает отрывок о том, как Маленький принц гостил у короля. Дети горячо аплодируют Нато.

На плакате, подготовленном Лери, написано: «Тщеславные люди глухи ко всему, кроме похвалы». Лери читает отрывок о посещении Маленьким принцем честолюбца. Дети смеются, аплодируют.

Георгий представляет сцену разговора Маленького принца с пьяницей.

Елена вывешивает портрет делового человека, с которым повстречался Маленький принц на четвертой планете, а затем образно разыгрывает их диалог.

На плакате Тенго нарисован фонарщик и приписаны слова: «Он думает не только о себе». Тенго увлеченно читает отрывок о встрече Маленького принца с фонарщиком.

Магда изображает встречу Маленького принца с географом.

Аплодисменты детей говорят, что они довольны чтением своих товарищей и инсценированием.

Председатель (смотрит на часы): «У нас еще осталось 5 минут. Каждому, кто хочет высказаться, дается время до одной минуты...»

Высказаться хотят многие.

Председатель: «Сами назовите, кому дать слово».

— Лали...

— Ии...

— Зурико...

— Элле...

— Шалве Александровичу...

Председатель: «И на переменах мы можем обменяться мнениями. А теперь пусть выскажутся названные вами товарищи...»

Лали: «Очень интересным получился семинар книголюбов. Я сильнее полюбила Маленького принца и хочу, чтобы он еще раз посетил нашу планету, пришел в наш класс. Ду-

маю, ему будет радостно жить с нами. Он ведь чем-то был опечален...

Ия: «Нам надо научиться у Маленького принца верности. Он так верен своему цветку, так скучает по нему. Мы должны быть верными друг другу. Еще мне нравится, как Маленький принц рассуждает, до всего допытывается...»

Зурико: «Я еще много раз буду читать эту книгу. Я хочу сотворить что-то хорошее для людей. Я сочинил рассказ о том, как на своей планете Маленький принц бережет розу от барашка, чтобы тот не съел ее...»

Элла: «Нельзя быть хвастуном и честолюбцем. Маленький принц никогда ничем не хвастался, не лгал. Он очень добрый, чуткий, преданный. Я видела его во сне, я хотела спасти его от укуса змеи. Ведь он все-таки боялся ее укуса...»

Шалва Александрович: «Эта книга заставила меня иначе взглянуть на каждого из вас. Маленький принц остался каким-то таинственным, загадочным мальчиком для самого Антуана де Сент-Экзюпери. Я тоже имею дело с такими же загадочными и таинственными существами. Мне представляется, что каждый из вас и есть Маленький принц, вы все явились на планету Земля с ваших собственных крохотных планет. Явились для того, чтобы познать этот мир, стать более умными, опытными, научиться искать и видеть сердцем. Я же, ваш учитель, обязан помочь вам в этом деле. У всех вас свои заботы, каждый из вас в ответе за кого-то, за что-то, вы осознаете это глубоко, как осознал и прочувствовал Маленький принц свой долг перед своей единственной розой. Позднее вы отправитесь осуществлять свои мечты, с честью служить своему долгу. Так теперь я смотрю на каждого из вас... Вот и звонок. Ваши рисунки и книжки вы можете выставить в коридоре, место уже готово. Вывесите где-нибудь и мой плакат. Можете отдохнуть. И не забудьте, что каждый из вас отныне есть Маленький принц!»

Дети горячо аплодируют. Значит, им понравился семинар. Мой плакат вывешивают на боковой стене. На нем напи-

сано: «Трогательней всего в этом спящем Маленьком принце его верность к цветку, образ розы, который сияет в нем, словно пламя светильника, даже когда он спит...» В оформлении плаката мне помогла Ния. Дети стоят перед ним, и каждый читает вслух, а потом не спеша выходят из класса. Выходят какие-то озабоченные, продолжают что-то друг другу доказывать и объяснять. Свои плакаты и картины вывешивают на стене в коридоре, а книжки о Маленьком принце кладут на столики. Ребята из других классов — второклассники, третьеклассники — с любопытством их рассматривают.

Духовное взросление

— Что у вас было на уроке? — спрашивает у Илико мальчик из соседнего третьего класса.

— Третий семинар! — отвечает Илико.

— Семинар? Что это такое?

— Семинар — это обмен мнениями, обсуждение, споры!

— И что вы обсуждали, о чем спорили!

— «Маленький принц»... А ты читал эту книгу? Нет?! Эх ты, разве можно такую книгу не знать?

Перед стендом останавливается учительница второклассников Нана Иосифовна. Она всегда с большим вниманием и уважением относится к моим ребятишкам.

— Вы обсуждали эту книгу? — удивляется она и с интересом листает книжки с сочинениями, рассматривает рисунки и плакаты. Ника, Елена, Гия, Котэ, Магда окружают ее и рассказывают, что было у нас на третьем семинаре.

— Молодцы! — говорит Нана Иосифовна. — Мне не узнать вас, вы какими-то другими стали!

Она подходит ко мне и говорит:

— Действительно, ваши дети находятся под сильным впечатлением от «Маленького принца». Как вы добились этого?

Но разве расскажешь в двух словах, как я этого добился?

Допустим, посоветовал всем детям прочитать книгу «Маленький принц».

В течение месяца следил, как дети читают и перечитывают книжку.

Посоветовал всем написать о своих впечатлениях, написать (кому хочется) продолжение сказки, все это оформить в виде книжек, сделать плакаты с мудрыми изречениями из сказки, нарисовать картинки по ее содержанию.

Выделил докладчиков, дал им советы — как написать доклад, как его прочесть.

Сделал так, что у детей возникла идея играть в Маленького принца. А сегодня провел урок, на котором завершилась проделанная работа.

Вот и все.

Но разве это все?

Возьми любой педагог и проведи тот же самый семинар в своем классе по этому плану. Что же получится? Получится формальное мероприятие, вот что! Здесь речь идет не о каком-то воспитательном мероприятии, как любят порой называть отдельные формы работы с детьми, а о духовной жизни детей. Преврати эту жизнь в сумму воспитательных мероприятий, и дети потеряют всякую охоту к вашим педагогическим задумкам. И получится, что не вы воспитываете детей, а они отделяются от вас, чтобы вы, со своей стороны, отделались от руководителей, которые по пальцам считают, сколько вы провели мероприятий в классе, и с усердием изучают всякие ваши планы, протоколы, отчеты. Этому мы хорошо научились, это и легче: соответствует количество мероприятий количеству пальцев на обеих руках — и руководители назовут вас хорошим педагогом. Если же для того чтобы сосчитать эти воспитательные мероприятия, понадобятся еще и пальцы ног, то педагог этот станет лучшим... А если вдруг обнаружится, что у меня вообще и не было какого-нибудь определенного плана, по которому готовился

семинар, а количество мероприятий стерлось (растворилось) в жизни детей, то я могу оказаться в списке плохих педагогов.

— Как я этого добился? В сотрудничестве с детьми! — объясняю я коллеге, но она опять:

— Дайте мне план проведения такого семинара, я тоже попробую!

Я порой боюсь выступать на заседаниях методических объединений. Многим учителям не терпится: «Без теории, пожалуйста, — говорят они мне, — лучше дайте конкретный план!»

Но милые мои, конкретные планы сами по себе не существуют, как и не должны существовать в работе с детьми воспитательные мероприятия! Эти конкретные планы возникают на основе конкретной педагогической позиции. А если вы возьмете из моей практики этот семинар как воспитательное мероприятие, включите его в свою практику, опирающуюся на другую позицию, а там он не принесет пользы? Ведь будете же вы тогда говорить, что моя практика непригодна, она нереальна! Вот видите, с каким риском связано механическое перенесение опыта из одного педагогического гнезда в другое! Мое педагогическое гнездо построено на личностном подходе к ребенку, на началах гуманного отношения к нему. А если ваше педагогическое гнездо обозревается с высоты ветвей императивного дуба, то в нем мой опыт может оказаться тухлым яйцом, так же как протухли в моем гнезде некоторые формы и методы воспитания и обучения...

...Да, я хочу, чтобы мои дети время от времени оказывались под сильными впечатлениями — от книги, встречи, экскурсий, поступка, события... Впечатления — очень серьезное дело в воспитании детей. В педагогическом процессе не все может быть впечатляющим, но если этого не будет вовсе, то, я уверен, воспитание не состоится. Впечатление — не просто жизненный опыт, переходящий в знания; оно и не только хорошо — пусть даже на всю жизнь — запомнившийся факт, явление. Такое понимание упростило бы воспитательный смысл

впечатления. «Находится под впечатлением» в действительности означает, что человек (и не только ребенок) действует, мыслит, воспринимает мир в соответствии с эмоциональной сутью впечатления, вот в чем дело. И чем сильнее оказывается впечатление, тем дольше оно может управлять им. Само собой, воспитывающими не могут стать всякие впечатления, и от некоторых из них надо оберегать детей, чтобы у них не помутнели хрусталики личностного эмоционального зрения и не пошатнулся механизм деятельности. Опыт убедил меня в том, что впечатление — это сила, устанавливающая погоду в духовном мире ребенка, и потому нужно, чтобы оно было добрым и возвышающим. Какие у ребенка создаются впечатления в организованном нами воспитательном процессе — от этого будет зависеть направленность его личностных ориентации, мыслей и поведения.

Вот я и забочусь о создании у каждого из моих детей сильных впечатлений.

Как я это делаю? Да разве обо всем расскажешь? Вот, к примеру, как я преобразил уроки чтения. Раньше я мог задать детям наизусть стихи и рассказы, а на другой день требовал, чтобы они ответили мне урок. «А ну-ка, что было задано?» — не спрашивал, а грозил им и выискивал, кого проверить, проконтролировать, оценить. Тогда руку поднимали только смелые. Большинство детей в это время опускали головы. В классе воцарялась тишина, но не такая, какая воцаряется в переполненном концертном зале, когда дирижер поднимает палочку, чтобы через секунду устроить величественную встречу человека с прекрасным. Нет, в классе не воцарялась такая тишина, и у детей не замирало сердце в предвкушении чего-то радостного и необычного! У них сердце замирало от страха. Эта мертвая тишина в действительности была криком их души: «Учитель, пойми, мы же боимся тебя!»

Но какое у них оставалось впечатление от таких уроков? От художественного произведения — почти никакого. Обо мне же у них создавалось и упрочивалось впечатление о том,

что учителя вот такие — злые, им только отвечай да отвечай урок! Так из-за меня мутнели у них хрусталики эмоционального восприятия, вместо того чтобы становиться прозрачнее и радостнее.

Тогда я не думал о том, во что могут превратиться в духовном мире моих воспитанников прекрасные поэтические образы, какими советниками могли бы стать для них достойные любви и подражания герои сказок и рассказов. Я просто наивно полагал, что если ребенок выучит хорошо и прочтет мне бойко этот стишок, если возможно подробнее перескажет мне содержание этого рассказа и если его ответы на мои вопросы совпадут с тем, что ему следует сказать и чего я ожидаю, то и с духовным миром тоже будет все в порядке — эти стихи, эти рассказы и сказки так и войдут в его духовный мир, куда же им деться еще! Чем прочнее выучит ребенок учебный материал, тем сильнее он запечатлется в его памяти, — вот на каком уровне понимал я тогда смысл впечатления, и груды формальных знаний я с легкостью пу-тал с духовным миром ребенка.

А если уж совсем откровенно, вовсе не интересовался этим духовным миром, этим «миражом». Ну что же, на моих уроках чтения не вспыхивали аплодисменты, как они вспыхивают в концертном зале, как только дирижер опускает палочку. Зачем мне нужно, чтобы они выкрикивали: «Как было интересно! Как было хорошо! Давайте еще! Спасибо!», как выкрикивают в концертном зале: «Браво! Бис!» Я же давал им не концерты, а уроки. Урок и концерт Чайковского — это разные вещи.

Только вот что меня удивляло: почему они с таким равнодушием относились к великолепным стихотворениям Галактиона Табидзе, этим чудным рассказам Важа Пшавела. И понадобились годы, чтобы задать себе простейшие вопросы: разве Галактион Табидзе для того писал свои стихи, чтобы я пугал ими своих детей и силой заставлял учить их наизусть? Что бы он мог сказать мне, узнав, как я обогащаю духовный

мир моих воспитанников его поэзией? Разве похвалил бы он меня: «Молодец, учитель Амонашвили, главное, чтобы твои ученики зубрили мои стихи, а какими способами ты их учишь, это неважно!» Нет, не похвалил бы он меня, не похвалили бы меня ни Важа Пшавела, ни Акакий Церетели, ни Илья Чавчавадзе, ни Яков Гогешвили, никто, никто, чье духовное наследие я давал детям как сумму знаний. Не похвалили бы потому, что это один из тех случаев воспитывающего обучения, когда не всякое средство может быть оправдано целью, тем более что здесь и цель расходилась со средствами и не всякие знания могут быть названы знаниями.

И, кроме того, разве можно назвать суммой знаний литературное творчество этих людей? Каждое стихотворение, каждый рассказ — это сгусток эмоций, переживаний, мыслей, призывов, предупреждений. В них надо окунуться, надо пропитаться ими, воспринять их сердцем. Теперь я твердо следую той мысли, что

духовный мир ребенка может обогащаться только в том случае, если он это богатство впитывает через дверцы своих эмоций, через чувства сопереживания, сорадости, гордости, через познавательный интерес; насильно обогащать этот мир равносильно тому, что злонамеренно сажать райские яблоки в отравленную почву.

Духовный мир ребенка не может пустовать, пустого духовного мира не существует. Он обязательно заполнится, в него обязательно вселятся образы, впечатления, возникнут переживания, мысли, идеи, идеалы, убеждения. Духовный мир ребенка подобен храму, забрасывать который равносильно педагогическому преступлению. «Заброшенным храмом черти завладеют», — гласит народная мудрость. Своим исключительным долгом я считаю помочь детям заселить свое уникальное духовное царство великолепными образами человеческого творения, посеять там зерна возвышенных идей, из которых вырастут потом убеждения, мировоззрения, моральные устои.

Духовный мир ребенка может быть мужественным, героическим, волевым, полным оптимизма и, конечно же, романтики. Там, в своем духовном мире, ребенок впервые может осознать себя как героя, как труженика, как жнеца. Там он может родиться тысячу раз в облике ярких, светлых образов, стать и Прометеем, и Джордано Бруно, и Томом Сойером, и Дата Туташхия, и Маленьким Принцем, и Великим Моурави, и Питером Пенном... Общаясь с ними, преобразовываясь в них, разыгрывая с их помощью роли своей завтрашней жизни, ребенок будет взрослеть и обретать уникальные черты своей неповторимой личности.

В своем духовном мире ребенок может взрослеть и совершенствоваться непрерывно, до бесконечности. Он должен стать настоящим Человеком, проявить себя таким в обществе.

Жизнь ребенка в своем духовном мире я принимаю не как потусторонний мираж, не имеющий отношения к реальности и потому, может быть, не нуждающийся в педагогической заботе, а как самую важную действительность, где ребенок сам себя воспитывает, преобразовывает, где он рождается заново.

Ну что же, что духовная жизнь ребенка не поддается непосредственному наблюдению, и мы не можем «контролировать», «проверять», что он там думает, делает, с кем он там общается. Это величайший дар природы, что духовный мир каждого человека непроницаем для чужого вторжения, грубого вмешательства. Но нельзя ведь действовать по принципу: чего не вижу, того не признаю. Кто скажет, что живительные качества ключевой воды не имеют никакой связи с недрами, из которых она выбивается! А если злая рука разрушит структуру этих недр, какой же тогда станет ключевая вода, которая там родится? То же самое и с духовным миром ребенка. Именно потому, что он скрыт от нас, мы должны тревожиться за него и заботиться о нем. И я забочусь...

Вот, к примеру, я преобразил уроки чтения. Как? На этих уроках мы ведем непринужденный разговор о стихотворениях, рассказах, книгах, о поступках людей, об отношениях

между ними, о добре и зле. Я не навязываю детям своих оценок, не требую, чтобы им обязательно нравилось все, чему я учу их и что внесено в учебники по чтению. Просто «наравне» со всеми размышляю вслух, что мне нравится, что не нравится, почему. Размышляю так, чтобы дать возможность детям поспорить со мной и тоже размышлять вслух. «По моему мнению... Мне представляется... Извините, но я думаю иначе... Может быть, я не прав, но мне так кажется... Простите, пожалуйста, что перебиваю...» И мы спорим, обмениваемся мнениями...

Урок-утренник художественного чтения... Каждый учит какое-нибудь понравившееся ему стихотворение, переписывает его на листке бумаги, разрисовывает. Приходит в класс и записывается у Нато (она у нас руководит этими чтениями). «Будешь читать выразительно? А стихотворение небольшое? Нужен аккомпанемент? Кто будет аккомпанировать — Котэ? Лела? Вы уже договорились, репетировали?» — осведомляется Нато. Затем фамилии желающих прочесть стихотворения она напишет на доске, и нам не понадобится конферансье. Дети выходят по порядку, каждый объясняет, чье стихотворение будет читать, почему это стихотворение нравится ему, и читает...

Урок свободного чтения... Дети приносят в класс книги, которые читают. На этом уроке каждый раскрывает свою книгу и погружается в чтение.

Полная тишина — вот что нужно в это время. Я тоже сижу у своего стола и читаю томик то Важа Пшавела, то Галактиона Табидзе, то Николоза Бараташвили, то Ильи Чавчавадзе... На перемене детям захочется узнать, кто что читает, некоторые обмениваются книгами. Они и ко мне подойдут: «А вы что читаете?» И я расскажу им, как меня вдохновляет поэзия Николоза Бараташвили, как хочется читать и перечитывать его стихи...

Урок-семинар... Все читают одну и ту же книгу, пишут о своих впечатлениях, выписывают отдельные места, заучивают наизусть, пишут сочинения, рассказы, оформляют их в

виде книжек. Трое или четверо готовят доклады. Выбирается председатель. Он ведет семинар, предоставляет слово докладчикам, желающим высказаться, следит за регламентом...

Урок-встреча...

Об этом расскажу подробнее.

Решили пригласить в гости ветерана Великой Отечественной войны, писателя Владимира Тордуа. Детям понравился сборник его рассказов о войне. Я научил детей, как найти, как пригласить писателя. Ну, конечно, заранее они подготовились основательно. Тем временем я пошел к уважаемому писателю и посвятил его в свои педагогические планы. Я по пунктам перечислял:

- поговорите, пожалуйста, с Дато о прочитанных им книгах;
- обратите внимание на Эку, она сидит за последней партой в среднем ряду, похвалите ее;
- посмотрите внимательно в глаза Русико, а потом шепните ей на ухо, что самая хорошая черта человека — это быть правдивым, любить говорить и защищать правду;
- попросите Нию, чтобы она подарила вам свой рисунок;
- подсядьте к Майе, расскажите ей, как вы помогали в детстве одноклассникам;
- обязательно подойдите к Марике, похвалите ее за что-нибудь;
- во время перемен поинтересуйтесь коллекцией марок Гоги и Виктора, внимательно посмотрите книжки, которые «выпустили» дети, познакомьтесь с авторами;
- попросите Бондо, чтобы он написал вам письмо о своих успехах;
- расскажите детям о своем детстве;
- будьте внимательны ко всем, обязательно всем пожмите руку, спросите каждого, как его зовут;

- будьте непосредственны в общении с детьми, пусть они увидят в вас своего человека;
- на фоне всего этого расскажите им об эпизодах Великой Отечественной войны;
- дайте детям ваш адрес и, если можно, номер телефона и попросите, чтобы они писали вам письма о своих делах, советовались с вами...

Кроме того, я объяснил ему, как ходить между рядами в классе, кто где сидит, как задавать вопросы.

— Вы будете у нас в гостях на всех четырех уроках, — сказал я уважаемому писателю. — вам будет посвящен урок математики. На уроке письма вы дадите детям тему для сочинения и попросите, чтобы свои работы они подарили вам... Третий урок будет посвящен беседе с вами. Вы будете отвечать на вопросы детей о вашем творчестве. Надо говорить с ними эмоционально, доступно и как со взрослыми. На четвертом уроке вы посмотрите инсценировку Ваших рассказов. Во время перемен вы все время должны общаться с детьми, интересоваться всем, что у нас делается в классе... Не будет сцены и заранее приготовленных речей...

...После ухода писателя дети долго не успокаивались.

— А почему он заплакал?

— Ему трудно было вспоминать войну?

— Нет, он плакал от радости!

— Знаете, что он шепнул мне? Не скажу, мой секрет...

— А мне он говорит: «Смотри, не обижай девочек!» Я обещаю, что не буду. Откуда он узнал?!

— Он очень проницательный...

— Мы обещали, что напишем письмо о том, как дружим...

— Сколько у него было орденов?

— Двенадцать.

— Он мне дал пощупать свое плечо, там была ямка. Это, говорит, от осколка...

— Я его полюбил... Я с ним подружился...

Почему я пригласил писателя на уроки? Почему организовали именно такую встречу?

Потому, что моя цель — воспитать детей, а не самого писателя.

И мне трудно понять, почему порой иные учителя больше заботятся о том, с какими впечатлениями уйдет гость, чем о том, с какими впечатлениями от встречи останутся дети...

Что я еще изменил на уроках чтения?

Дети полюбили игру в героя. При подготовке первого семинара они играли в Тома Сойера, потом — в Пеппи, а на этот раз — в Маленького принца.

— Кому завтра быть Маленьким принцем? — спрашивал я всех. И они называли завтрашнего Маленького принца.

— Пусть будет Вахтанг!

Выходит Вахтанг. Он, конечно, счастлив. Девочки накидывают ему на плечи лучезарную мантию с золотой обшивкой. Завтра Вахтанг весь день будет играть в Маленького принца таким, каким он его представляет. Расскажет нам что-нибудь новое о своей планете, из своего путешествия, принесет книжку с записями и зарисовками о своих приключениях. Он станет общим любимцем. За ним будут ухаживать как за настоящим Маленьким принцем, серьезно, без шуток. Игра есть игра, таков уговор. На одном из уроков Маленький принц — Вахтанг задаст всем нам вопрос (об этом вопросе он должен хорошо подумать, может посоветоваться со мной, со старшим в семье), а каждый из нас — разумеется, я тоже — попытаемся ответить, разъяснить ему, что думаем по этому поводу. В конце дня я опять спрошу детей:

— Что вы скажете Маленькому принцу — Вахтангу?

И они скажут, насколько Вахтанг по-новому изобразил любимого героя. Вахтанг тоже объяснит, на что больше всего он хотел обратить внимание товарищей в характере изображаемого им героя. После этого опять будет задан детям вопрос:

— А кому завтра быть Маленьким принцем?

И они назовут Гигу или Магду, Тею или Тенго, Ию или Ираклия...

...Игра в Маленького принца придавала нашим школьным дням особую прелесть. Шутка ли — среди нас сидит Маленький принц, он интересуется всем, что происходит в классе. Задает вопросы и заставляет задумываться о самом себе, о своем отношении к людям, действительности.

— Объясните, пожалуйста, почему вы учитесь? Разве вам не лучше играть на чистом воздухе? Посмотрите, какой сегодня веселый день! (Маленький принц — Вахтанг).

— Я в ответе за свою розу, я ее люблю. А за кого вы в ответе, кого вы любите? (Маленький принц — Гига).

— Умеете ли вы видеть сердцем? Как вы это делаете? (Маленький принц — Тея).

— Умеете ли вы наказывать самого себя? Как и за что вы наказываете себя? (Маленький принц — Магда).

Есть и другие изменения. Вот какие задания даю я детям на уроках и на дом:

Опустите головы, закройте глаза и думайте, как бы вы на его месте...

Думайте о том, почему вы сочувствуете ему (ей)...

Думайте о том, что вам самому не нравится в своем характере, и как вы будете совершенствовать себя...

Закрой глаза и мысленно соверши какой-нибудь героический поступок...

Закрой глаза и соверши какой-нибудь хороший поступок в школьном коридоре во время перемены (дома при отсутствии старших и т.д.)...

Закрой глаза и сделай что-либо хорошее своему другу... Своим товарищам... Своим родным...

Вообрази, что ты такой-то герой рассказа. Что бы ты сделал? Напиши об это рассказ...

Попытайся стать на место того-то и почувствовать, что он переживает...

Ты провинился? Так думай о том, какое наказание заслуживаешь, и накажи себя...

Поговори со своей совестью, прислушайся, что она тебе подскажет...

Размышляй, пожалуйста, вслух по этому поводу...

Закрой глаза и читай самому себе любимые стихи... Поговори с любимым героем.

Напиши этот рассказ так, как будто ты и есть его главный герой... Думай о том, какой ты есть и каким ты станешь...

Помечтай о своих больших делах...

Давая задания, я стремлюсь к тому, чтобы каждый ребенок научился углубляться в самого себя, погружаться в свой духовный мир, разыгрывать свою предстоящую жизнь и деятельность. А потом стараюсь создать условия, чтобы он уже на деле проявлял себя таким, каким вообразил, на деле совершил благородный поступок.

...Да, еще мы ввели на уроке математики «Три минуты поэзии»: перед началом сложной работы выступает кто-то и читает стихотворения. А на уроках письма — «Три минуты музыки», когда можно опустить голову на парту, углубиться в себя и подумать, как написать интересное сочинение... На всех уроках — «минуты на обдумывание», «минуты самовнушения»...

Что касается аплодисментов на уроках, я уже не жалуясь — они вспыхивают всегда, когда дети переживают эмоциональную радость. Они и слезы проливают на уроках, когда сопереживают герою. Это Марика придумала умные изречения, которые Ния оформила на плакатах. Они висят теперь на стене в классе: «Твой смех не должен оскорблять чужое достоинство!», «Нужно плакать от сострадания и сочувствия, а не от того, что у тебя болит зуб!»

Достаточно ли всего этого, чтобы объяснить, почему мои дети находятся сегодня под впечатлением от Маленького принца, чтобы моя коллега тоже смогла провести в своем классе такой семинар?

Нет, мне надо сказать еще кое о чем, может быть, отчасти повторить уже сказанное, отчасти же — досказать начатое.

Я сделал детей моими сотрудниками в своем же воспитании и обучении, они сотрудничают со мной, они доверились мне. И этого я добиваюсь тем, что считаюсь с заложенным в них чувством свободного выбора, тем самым психологическим состоянием, которое доминирует над ними во время игры. Игра потому и есть игра для ребенка, что он отдается ей свободно и полностью. Немыслимо ребенка заставить играть, тогда игра потеряет для него всю свою привлекательность и перестанет быть игрой. У грузинских детей на этот счет есть поговорка: «Не желаю я играть, кончил я лаваш жевать». Пропоеет ребенок громко эту поговорку, чтобы услышали все, вместе с которыми он играет, и выйдет из игры. Но когда он играет, то играет целиком, всеми клеточками чувств, интеллекта, тела. Увлечшись игрой, ребенок тратит огромную энергию, он находится на пределе своих физических, интеллектуальных и эмоциональных сил, преодолевает трудности. Процесс же воспитания, как-никак, принудительный по своей сути процесс, он обязательный, тут уже не пропоешь: «Не желаю я больше воспитываться!» — и не уйдешь с урока, не слушая наставлений педагога.

И хотя ребенок стремится к познанию, хотя он по своей сути анальное существо и настроен поддаваться воспитанию, тем не менее появляется опасность, что ему не захочется общаться со взрослым (учителем, воспитателем), который не считается с его чувством свободного выбора и заставляет сидеть на уроках, готовить домашние задания, слушаться и подчиняться наставлениям. Не захочется потому, что все это обязательно.

Возможно ли считаться с этим самым чувством свободного выбора в таком обязательном для ребенка процессе, как обучение и воспитание? Хочу уточнить: я говорю не о том, чтобы в процессе обучения и воспитания ребенок действовал, как ему захочется, а о том, чтобы этот обязательный про-

цесс он не переживал как принуждение, наоборот, воспринимал его как им же выбранный. Можно, конечно, можно!

И в коллективной игре ребенок не является вполне свободным, в чем-то его и там принуждают, однако он терпит, потому что на это принуждение он был согласен еще до включения в игру.

Я попытался переосмыслить свое общение с детьми на «уроках вне уроков» именно с этой позиции.

Что изменилось?

Парадоксально: в этом принудительном по своей сути учебно-воспитательном процессе я «играю», чтобы дети чувствовали себя занятыми тем серьезным делом, которым они сами хотели бы заняться. Но моя игра почти то же самое, что и игра искусного актера, когда зрители забывают об условности происходящего на сцене и переживают все как действительность. Зная непосредственность детей, я могу вовлекать их в совершаемые на педагогической «сцене» действия. Не только вовлекать, но и привлекать их сознательно творить вместе со мной наиболее важные мизансцены. Вот и сотрудничают они со мной в своем же воспитании и обучении. Нельзя, чтобы моя игра звучала фальшиво, тогда легко может нарушиться наша духовная общность.

В этой общности возникают разные приемы и формы работы с детьми, в том числе и эти семинары да еще — «кому сегодня быть учителем». Об этом мои ребяташки сегодня узнают впервые на уроке математики. Тея уже готова, она не отходит от меня, волнуется. Шутка ли, ей придется на несколько минут стать учительницей в классе. Вчера я готовил ее, какие вопросы задавать, как выслушивать ответы, что писать на доске. Нужно, чтобы 5 минут ее учительской работы на уроке понравились всем и чтобы другим тоже захотелось стать учителем на 5 минут на уроке математики, на других уроках.

— Послушай внимательно, Тея, — даю последние наставления девочке, — будь смелой, сообразительной, не растягивай задания, дети этого не любят, ясно?

— А если они не будут меня слушаться? — тревожится девочка.

— Как не будут, уверен, им понравится твой урок! — и сам волнуюсь, дети же не ждут этого, а маленький урок маленькой учительницы должен получиться обязательно.

Перепроверяю записанные на всех трех досках задания. Пересчитываю учебные задачи, которые тоже написаны столбиком на левой доске, и еще раз осмысливаю их.

1. Развить в себе быстроту умственных действий.

А	Б	В	Г	Д	Е	Ж	З	И	К	Л	М	Н	О	П	Р	С	Т
1	2	3	4	5	6	8	9	10	12	13	14	15	16	17	18	19	20

10	19	12	18	1	15	6	•	16	9	3	6	•	5	1
12	•	10	4	1	13	•	15	1	18	16	5	10	•	1

На доске приготовлена следующая запись:

Попрошу детей побыстрее расшифровать какие слова записаны в рамках внизу, догадаться, какие цифры должны быть записаны вместо кружка. Предупрежу, что суть задачи заключается в быстроте ее решения, поэтому будет включен секундомер. Победитель будет награжден нашими аплодисментами. А в рамках я зашифровал слова: искра, книга, небо, луна, звезда, родина.

2. Овладеть быстрым устным счетом в четырех действиях.

Здесь я задам детям несколько примеров (на сложение, вычитание, деление и умножение) для быстрого устного решения. Предложу, чтобы они сами задали мне сложные примеры; я буду решать их, размышляя вслух и, конечно, порой допуская «ошибки». Далее предложу задавать примеры друг другу.

3. Три минуты поэзии.

Стихи сегодня читает Эка.

Эка уже сообщила мне, что прочтет два стихотворения Акакия Церетели.

4. Сможем ли мы решить задачи, составленные Георгием, Илико, Майей и Нико?

Задачи действительно сложные. Они записаны на доске. Предложу детям выбирать задачи по усмотрению и решать их группами или в одиночку (кто как хочет). Я сам выберу задачу Нико и решу ее вместе с Лелой, Бондо, Ией...

5. Сюрприз!!!

Скажу детям, что сейчас у нас будет новость: пятиминутный урок математики проведет Тея. «Если вам понравится такой урок, — скажу я им, — то в следующий раз я помогу желающим стать учителем и провести пятиминутные уроки не только по математике, но и по другим предметам. А теперь будьте внимательны, ибо Тея — ваша учительница — приготовила для вас сложные задания!» Надеюсь, Тея будет действовать быстро, собранно, давать задания четко и ясно. Ее пятиминутный урок включает в себя такие приемы, как нашептывание ответов на ухо, хоровой ответ, «допущение» ошибки «учительницей», решение примеров в темноте — с закрытыми глазами. В этот последний момент Тея займет свое место, я попрошу детей открыть глаза и высказать свое мнение по поводу пятиминутного урока их подруги. Уверен, многие тут же изъявят желание проводить такие уроки.

6. Подытоживание: чему научились? Какой у нас получился урок?

Дети будут говорить, о том, что они сегодня узнали нового. Некоторые, думаю, выступят самокритично: чего они, оказывается, еще не знают, чем еще не владеют в совершенстве, в чем затрудняются. Выскажут также свои соображения о том, смогли ли мы вместе сотворить интересный урок, чем он был интересен.

7. Задание.

Назову номера примеров из учебника и скажу: «Кто хочет, пусть решает эти примеры, кто хочет, может сам придумать более сложные примеры». А Виктору, Лали, Дато и Вове напоминаю, что они должны составить нам задачи, ко-

торые мы будем решать на нашем следующем уроке, то есть послезавтра.

Звенит звонок, мелодичный, электрический.

Дети входят в класс не так, как вбегали с шумом, когда играли в Тома Соейра, а какие-то озабоченные.

— Ну, мои Маленькие принцы, хотите изучать математику? Тогда приступим к делу, не теряя ни минуты. Вот учебные задачи этого урока!

«Наши золотые руки!»

Урок труда!

Я раскрываю пакет с заданием совета школы.

— Послушайте, что нам поручают. «Ученикам экспериментального 2-го класса. Совет школы приступает к озеленению нашего сквера. Вам выделен участок, который находится в центре сквера. В течение 10 дней вы должны обработать участок, распланировать его и посадить декоративные цветы. Для приема вашей работы назначена комиссия. Желаем успеха».

— Я знаю этот участок...

— Давайте сначала пойдем и посмотрим на месте, какая там площадь... Спускаемся в сквер. Там уже работают другие ребята, приводят в порядок свои участки.

Измеряем длину и ширину нашего участка: 3 м X 4 м. Большой!

— Это же самое важное место в сквере...

— Он должен стать украшением парка...

— Давайте приступим!

— Как приступим? Надо же сперва спланировать!

— А что я буду планировать! Я не умею планировать. Лучше поручите мне обработать землю!

— Надо создать группы!

Возвращаемся в класс. Дети волнуются.

— Другие уже работают... А вдруг не успеем!

— Успеем! Выделяем группы.

Ния возглавляет группу художественного планирования. В нее включили 5 ребят. Задание: через 3 дня предоставить на рассмотрение эскизы художественного озеленения нашего участка.

Бондо возглавляет группу обработки земли и внесения удобрений. Кто пойдет в эту группу? Вахтанг, Иракий, Дато, Гига, Зурико, Лали, Тамрико, Марика... Хватит! Задание: через 5–6 дней участок должен быть готов для посадки цветов.

Кому поручить возглавить группу посадки цветов? Магде? Хорошо! А кто войдет в эту группу? Тут надо быть очень осторожным, цветы нужно сажать нежно, да еще по плану, который подготовит группа Нии. Значит, Элла, Русико, Тея, Эка, Елена... А из мальчиков кто? Кота, Тенго, Вова... Ну, конечно, поможем мы все.

Нам нужна еще группа, которая будет поливать цветы. Разумеется, все мы тоже будем участвовать в этом деле, но надо, чтобы кто-то руководил! Илико? А кто будет помогать? Гоча, Нато, Майя... ну, хорошо, все остальные. Задание: поливать цветы 2 раза в день — рано утром и в конце дня...

Когда мы закончим эту работу? Через 4 дня?

Нет, зачем хвастаться, это сложное дело. Давайте посчитаем: 3–4 дня понадобится на разработку окончательного проекта озеленения. Тут нельзя спешить. Проект должен быть очень хорошим! Что ты говоришь Георгий? Да, это будет здорово, если группа художественного планирования под руководством Нии сделает макет! Ния, как ты думаешь, можно это сделать? Отлично... Допустим, обработка и удобрение участка закончатся через 5 дней... Затем надо посадить цветы, не небрежно, куда попало, а «рисовать» ими наш участок... Видите, как много работы! Нам дали 10 дней на выполнение задания. Мы должны уложиться в этот срок. И если сможем, сделаем все качественно, красиво, чтобы душа радо-

валась и чтобы наши цветы не засохли. И если сделаем все на день раньше, конечно, будет хорошо! Так, значит, задание всем ясно? Да, чуть было не забыли о самих цветах! Что ты, Ния, хочешь сказать? Сначала надо выяснить, какие нам нужны будут цветы? Это будем знать после утверждения проекта? Ну, хорошо, тогда и подумаем, где их достать. Принесете из дома? Из своего садика? Договорились! А ты Бондо, позаботься, пожалуйста, чтобы у всех в группе были лопаты, кирки, еще что там? Да, не забыть очистить участок от камней...

А теперь, ребята, у нас остается еще несколько минут — и мы должны принять важное решение. Помните, мы передали дирекции школы наши изделия для ярмарки. Там было 38 комплектов открыток с вашими рисунками, 50 оформленных вами книжек с рассказами грузинских писателей, сшитые девочками платица для кукол, салфеточки, сделанные руками мальчиков игрушечные домики, часы, календари... Сегодня от директора школы я получил следующее письмо:

«Уважаемый Шалва Александрович!

Дирекция школы выражает Вам и Вашим второклассникам благодарность за активное участие на районной ярмарке детских работ. Все 135 изделий, переданные Вашими детьми, были распроданы молниеносно. Покупателям особенно понравились комплекты открыток с детскими рисунками, книжечки в виде виноградных листьев, игрушки. 10 % дохода от продажи изделий вносится в общий фонд школы, остальные деньги — 14 руб. 27 коп. — передаются вашим ученикам».

Поздравляю вас, ребята, у вас действительно золотые руки. Спасибо, Магда, что поздравляешь меня, спасибо, дети... Это наша общая победа, трудовая победа! Вы растете трудолюбивыми людьми, это самое важное! Вот эти деньги, ваш трудовой заработок. А я написал на доске возможные варианты, как с ними поступить. Марика, ты ближе всех к доске, отодвинь, пожалуйста, занавеску! Попрошу руководителей звездочек собрать своих ребят и посоветоваться. А потом

пусть каждый напишет на листке бумаги свое предложение и бросит в наш ящик для голосования!

За наши изделия мы получили 14 рублей 27 копеек. Что с ними делать?

1. Разделить между собой.
2. Купить для класса настольную игру.
3. Купить конфеты.
4. Не тратить деньги, а потом посмотрим.
5. Перечислить в Фонд защиты мира.
6. Купить игрушки детсадовцам.
7. Другие предложения.

Сейчас звонок. Сделайте это на перемене. У меня тоже есть свое предложение, оно написано на этом листке, и, с вашего позволения, я опущу его в ящик! Приступайте к делу, а потом, как договорились, напишем письма Диме.

Звездочки расходятся по разным уголкам.

У Нато в группе все девочки — они шушукаются.

У Гочи только мальчики — они обсуждают вопрос страстно, шумно.

Звездочка Тенго сразу приняла решение, ребята тут же записали на листках свои предложения. Каждый бросил листок в ящик, с интересом поглядывая на шушукающихся и шумящих детей: чего там так долго обсуждать...

Затем руководители звездочек открывают ящик, достают по одному листочку с предложениями. «Тоже! Тоже!» — вскрикивают и радуются чему-то. Мне интересно, что означает это «тоже! тоже!», повторяющееся так часто, но я воздерживаюсь, занят другим делом. Наконец руководители прорывают окружение детей, идут к доске.

Ния начинает ставить вдоль предложений цифры, остальные следят затаив дыхание и сразу комментируют результат:

1. Разделить между собой — 0.

— Ха, ха! Разделить!

— Зачем мне эти деньги! — и затишье.

2. Купить для класса настольную игру — 0.

— У нас тоже есть настольные игры!

— У меня есть новое лото! Не буду же играть один, завтра же принесу! — и опять молчание.

3. Купить конфет — 0.

— Ха, ха! Как будто в жизни не ел конфет!

— Конфеты каждый день могу есть!

4. Не тратить деньги, а потом посмотрим — 0.

— Зачем не тратить?

— Не надо жадничать.

5. Перечислить в Фонд защиты мира — 3б.

— Ура! — кричат дети.

— Ура! — кричу я тоже.

А Ния заканчивает:

6. Купить игрушки детсадовцам — 2.

— Зачем детсадовцам купленные игрушки?

— Они любят игрушки, которые мы им готовим сами!

7. Другие предложения — 0.

— Значит, наши деньги мы перечисляем в Фонд защиты мира!

— Давайте сделаем это сразу! Илико, Лери, Зурико, вот вам деньги — считайте, 14 рублей 27 копеек... Вы знаете, где почта, переходить улицу не надо. Идите, пожалуйста, и перечислите деньги, а квитанцию принесите... Там вам скажут, как заполнять бланк для перечисления...

Мальчики бегут не оглядываясь. А я воображаю, что на почте может произойти.

— Мы хотим перечислить деньги в Фонд мира! — скажут все вместе тете, которая там работает.

— В Фонд мира? — удивится она. — Сколько?

— 14 рублей 27 копеек!

— Так много?! — еще больше удивится она. — Откуда у вас деньги?

— Это мы заработали... Наш класс заработал... На ярмарке продали наши работы...

— Подождите, — скажет тетя. — Это не ваши ли комплекты открыток были такими красивыми?

— Наши!

— Мне тоже достался один комплект... Это у вас учится Эка?

— У нас!

— Вот ее комплект мне и достался! Передайте ей от меня большое спасибо! Тетя поможет им заполнить бланк, даст им квитанцию и на прощанье скажет:

— Знаете что, ребята, вы настоящие молодцы, передайте это всем!

И они побегут обратно, задыхаясь ворвутся в класс и начнут говорить все разом:

— Перечислили... Квитанция... Тетя... Эка... Молодцы... Сказала...

Я попрошу их передохнуть и рассказать все по порядку. Почему мне представляется, что там произойдет именно такая сцена?

Потому, что я был там сегодня утром, виделся с этой «тетей» и попросил ее помочь мне в воспитании своих ребятшек, и еще объяснил ей, как нужно мне помочь. Почему я так поступил? Потому, что обязан педагогизировать, по мере возможностей, ту среду, в которой воспитываются мои дети. А вдруг эта «тетя» (которая, к счастью, легко и сразу поняла всю важность своего участия в моих педагогических намерениях) оказалась бы непонятливой, какими порой бывают некоторые взрослые, когда им приходится сталкиваться с ребячьей жизнью, и высмеяла бы моих Илико, Лери и Зурико? Могла же сказать эта «тетя»: «14 рублей. Ха-ха! Купили бы себе шоколадки... мир и без ваших денег будет защищен! Ишь, какие нашлись государственные деятели!» И в каком настроении тогда вернулись бы мальчики в класс? Вернулись бы с чувством горькой обиды. Об этом они и рассказали бы нам, и тогда я был бы вынужден согласиться с детьми, что эта «тетя»... Ну что поделаешь, приходится мне порой недобро отзываться о некоторых взрослых, чтобы дети знали,

какими не надо быть. Я бы каждому взрослому сунул в карман нотацию строгих правил о том, что ему категорически нельзя делать на виду у детей, как он не должен поступать в обществе детей и как он должен общаться с любым ребенком, с группой детей. В этих нотациях записал бы я и такое строгое предупреждение:

Дорогой Взрослый Человек! Не позволяй себе высмеивать ребенка, подшучивать над ним, когда он верит, что совершает общественно значимое, государственно-важное дело. Не смей в это время смотреть на него снисходительно, пусть даже с покровительственной улыбкой, не напоминай ему, что он еще ребенок и не выгоняй его из мира взрослых! Твой долг заключается в том, чтобы отнестись к такому поведению ребенка со всей серьезностью, с чувством гордости за него и поставить умную, мудрую точку над сложным педагогическим i!

...Вот и вернулись мальчики, все в поту, задыхаясь:

— Вот квитанция... Тетя... Всем привет... Патриоты...

— Подождите, отдохните сперва. Ребята, давайте отложим письма к Диме и послушаем, как они перечисляли деньги, хорошо? Значит, тетя назвала вас патриотами? Это большая честь для нас! А вы поблагодарили ее за добрую услугу? Спасибо вам, мальчики, за хорошее выполнение задания...

Здравствуй, Дима!

О чем писать Диме?

Обо всем, что у нас происходит.

Ну, конечно, еще надо пожелать ему скорого выздоровления, ободрить. Ваши письма к товарищу, который вот уже больше месяца как лежит в инфекционной больнице, куда вас не пускают, должны нести ему облегчение, радость. Письмо

от друга больному человеку — это как самое драгоценное, самое настоящее лекарство...

Вот увидите, Дима скоро выздоровеет, когда получит ваши письма... Давайте, вообразим, что там может произойти, когда Диме вручат письма! Ну, Русико, у тебя богатое воображение, и, кроме того, ты уже получала такие же лекарства... ой, такие письма, когда лежала в больнице, куда нас тоже не пускали. Скажи, что там будет, когда Дима получит эти письма.

— Что там будет? Дима страшно обрадуется, он сядет на кровать, ему подложат подушки, чтобы удобнее было, и начнет читать письма. Так зачитается, что даже не заметит, как проглотит горькие пилюли, как ему сделают уколы... К нему будут заглядывать больные из других палат, чтобы посмотреть, кто этот мальчик, который получил за день столько писем... А врачи, медсестры, придут в восторг от скорого Диминого выздоровления. Главный врач захочет узнать, какими лекарствами вылечили мальчика. А Дима скажет: «Меня вылечили письма!» Врач же удивится: «Ты что, — скажет, — глотал письма вместо пилюль?!» Ох, если бы я не получала от вас писем, я бы до сих пор болела... Я и сейчас читаю ваши письма... Знаете, мечтаю заболеть еще раз, чтобы получать письма от вас... Очень интересно болеть, если получаешь письма...

Вот видите, дети, какое лекарство получит от вас Дима!

Как оформлять письма? Красочно, конечно! Можно и в виде книжки... Хочешь послать свои рисунки? Пожалуйста!

Так, вы уже готовы писать? Я тоже напишу Диме длинное письмо. Начнем?

Дима... Соскучился я по тебе, мальчик! Мне не хватает твоих умных вопросов, твоих шалостей, твоего остроумия. А какой мы прошли с тобой путь за эти два с половиной года? В первый день ты даже не подал мне руки, не поздоровался. «Мы долгое время жили за границей, — объяснила мама, — а там у Димы не было друзей. Он такой необщительный!» Потом ты еще долго оставался необщительным. Сперва не

хотел сидеть на уроках без мамы, не разговаривал с детьми, не отвечал ни на какие вопросы. На переменах стоял один где-то в углу, и как будто ничего тебя не интересовало, не задевало, не радовало, не огорчало.

Пробовал я разные педагогические приемы, чтобы как-то расшевелить тебя. Подходил к тебе и шептал на ухо: «Как ты сегодня мне нравишься!» Но ты все равно не хотел шепнуть мне взамен ответ на простейший пример $2 + 2$. Потом я решил не обращать на тебя внимания. И это не повлияло. Может быть, тебе было все безразлично?

Все время ждал, когда придет мама и заберет тебя. «А как он ведет себя дома?» — спросил я у твоей матери. «Он такой тихий, никогда ничего не испортит, говорит мало...»

Но как же с развитием? Если мальчик не шалит, мало разговаривает, не задает тысячу несуразных вопросов, ничего не просит, то как с развитием?

И я пришел к тебе домой в гости. Ты так удивился! Мама работала на кухне, папа — в своем кабинете, а ты разглядывал том детской энциклопедии.

Значит, тебя не пускают поиграть во двор с ребяташками? Значит, папе некогда шалить вместе с тобой? И мама тоже строга? Так прошли годы за границей? В конце концов, и самому, значит, расхотелось играть и прыгать вместе со сверстниками? Может быть, ты чем-то напуган?

В твоей комнате, которая напоминала мне золотую клетку для канарейки, я заставил тебя показать все твои игрушки (некоторые были даже не тронуты) и поиграть со мной. Я так шумел, восторгался игрушками, что ты смотрел на меня с явным изумлением. «Подари, пожалуйста, мне эту игрушку!» Разве ты мог отказать мне.

Затем я открыл дверцу твоей золотой клетки и выпустил тебя оттуда. «Папа, выйди, пожалуйста, из своего кабинета! Дима еще не ходил в зоопарк, а мы завтра будем говорить на уроке о животных. А эту заводную игрушку, уважаемая мама, Дима подарил мне!»

На другой день я сказал детям: «Посмотрите, какая интересная игрушка! Ее подарил мне Дима. У него есть удивительные игрушки, попросите, он принесет их, и вы поиграете вместе с ним. А эту игрушку оставляю здесь, чтобы играли все...»

В тот день ты впервые заговорил с ребятами. Правда, неохотно, с каким-то недоверием, но заговорил...

Потом — помнишь, мальчик? — я дал тебе конверт. «Передай, пожалуйста, отцу!» — сказал я тебе. Знаешь, что я тогда послал твоему отцу? Ультиматум: «Если хотите, чтобы ваш сын Дима воспитывался в моем классе, я требую от вас: каждый день играйте с сыном в шумные, веселые игры, шалите сами и научите его тоже шалить; приходите в класс и расскажите ребятам о чем-нибудь очень интересном; помогите мальчику подружиться с ребятами во дворе; пригласите их к себе домой и дайте им поиграть с этими удивительными заводными и электронными машинами, роботами. Учтите, каждый день я буду спрашивать Диму, как он вчера провел время с отцом».

Молодец твой папа, мальчик! В школе ты стал таким же веселым и шаловливым, как, например, Лери и Зурико, Гоча или Котэ, Илико или Сандро.

У нас с тобой были и другие сложности: надо было выправить речь, не давались тебе чтение, русский язык. Но все осталось позади. Ты теперь у нас и шаловливый, и разговорчивый, любишь читать и с азартом рассказывать товарищам о прочитанном.

У меня опять заботы о тебе. Ты очень легко обижаешься и затем долго дуешься на товарищей, быстро возбуждаешься и переходишь в драку.

Выйдешь из больницы, и мы серьезно займемся исправлением твоего характера. Ты должен сдерживать себя, быть уступчивым, чутким...

У меня много записей о тебе. Хочешь, познакомлю с некоторыми из них? Вот, к примеру:

Первый класс. 30 октября. Димы в классе нет. «Где Дима?» — спрашиваю у детей. Девочки говорят, что Дима только что играл с ними. Мальчики тоже видели, как Дима с Майей о чем-то спорили. «О чем вы спорили, Майя?» — «Он хотел отнять у меня марку, а я не дала». — «А потом?» — «А потом был звонок, и я побежала в класс». Выхожу в коридор, а мальчика не видно. Несколько ребятшек бегают вместе со мной по этажам, по двору. Наконец Диму мы нашли на чердаке школы. Там он сидел на лестнице, дулся. На наши вопросы не отвечал, не хотел идти в класс. Урок математики, конечно, сорвался. Дети злятся. «Тебя обидела Майя?» Кивает головой. «Она не дала марку?» Кивает головой. «Тебе очень хочется иметь такую марку?» Опять кивает головой. «Майя, — говорю я девочке, — очень тебя прошу, подари Диме эту марку, я же знаю, какая ты добрая девочка». Майя дает ему марку. «А ты, Дима, завтра принеси свою электронную игрушку — помнишь танищующую девочку? — и подари Майе. Ей тоже будет приятно получить от тебя подарок! Договорились?» Кивает головой. «А теперь скажи, как нам вернуть потерянный по твоей вине урок математики?» Молчит. «Что делать, ребята?» «Используем большую перемену», — сказали они. Я так и сделал. «А Диму простим, правда? Думаю, он сам жалеет, что так получилось». «Простим!» — говорят дети без охоты. Сандро откровенен: «Я бы не простил. Он еще не знает, сколько мы бегали и как вы волновались. Но раз все простили, я тоже прощаю».

31.X. Утром Дима протянул мне электронную игрушку. «Зачем мне она, ты ее Майе дай, только с улыбкой». Майя и ребята весь день развлекались игрушкой. Майя не взяла ее домой. «Пусть будет общей игрушкой всех девочек!» — сказала она...

Ты помнишь эту историю? Что ты пережил тогда, когда стоял перед товарищами? Я все боялся, чтобы они не напали на тебя. Молодец, мальчик, что не пожалел игрушку! Легкая обидчивость у тебя еще не совсем прошла, но вижу, порой ты находишь силы перебороть себя.

Вот еще другая запись, которую я сделал совсем недавно.

Второй класс. 19 января. Дети приступили к решению задачи, а Дима я попросил решать задачу на доске за занавеской. Дима юркнул под занавеску и приступил к решению задачи. Вскоре он вышел из-за занавески, видит, что товарищи еще работают. Я удивлен, мальчику вообще трудно дается решение задач, и жестом подаю знак: «В чем дело? Уже?» Дима подходит ко мне и шепчет на ухо: «Я сам удивляюсь. Когда дома решаю задачи, все время допускаю ошибки, не получается. А за занавеской задачи решаю легко!» Потом мы проверили задачу, он решил правильно, хорошо рассуждал. Надо почаще давать ему решать задачи за занавеской...

Знаешь, мальчик, этим своим откровением ты еще раз убедил меня, как порой простой игровой прием помогает ребенку проявить сосредоточенность и проницательность...

А вот последняя запись. После этого тебя положили в больницу.

Второй класс. 19 февраля. На большой перемене Дима подрался с мальчиком из параллельного 2-го класса. Девочки разняли их. Как потом выяснилось, виноват был Дима, он мешал мальчику прыгать в длину. Учительница пожаловалась мне. Однако Дима всю вину свалил на избитого им же мальчика.

Девочки возмутились поведением Димы. «Ты же сам мешал ему, ты набросился на него, он даже пальцем не притро-

нулся к тебе!» Но Дима упорно оправдывался. Почему он так поступил? Боялся? Стыдился? Может быть, это и есть нечестность? Надо проследить за дальнейшим поведением Димы.

И тут, мой мальчик, я записал мысль великого педагога Якова Семеновича Гогешашвили, которой я руководствуюсь в твоём воспитании и воспитании твоих товарищей: **«Воспитание честных и благородных чувств в сердцах детей нужнее и дороже, нежели обогащение разными знаниями».**

Пройдут годы, ты вырастешь, и я мечтаю, чтобы ты стал честным и благородным и, конечно же, хорошим специалистом в выбранной тобою профессии. Вот тогда, может быть, я пошлю тебе, как и другим твоим товарищам, эту тетрадь с моими записями о тебе. Как ты тогда оценишь мои нынешние тревоги и заботы о формировании твоего характера? Как важно не промахнуться сегодня, ибо моя ошибка в твоём воспитании и воспитании твоих товарищей — эта не та «ошибка», которую я допускаю каждый день, стоя у доски и решая простые примеры...

Вот с этими размышлениями о тебе я и собираюсь написать сейчас длинное письмо, которое начну так же, как и другие: «Здравствуй, Дима!» Мое письмо не будет набором наставлений. В нём я поделюсь с тобой тем, что меня радует и огорчает.

Болезнь, конечно, нехорошая вещь, но надеюсь, что она останется для тебя таким же приятным воспоминанием, какой она осталась для Русико. Эти 38 писем, я верю, тебя вылечат не только от болезни, но и от некоторых отклонений в характере и ты вернешься в школу более добрым и благородным...

По личным вопросам

После обеда до начала занятий в продленке 40 минут. Это время дети обычно проводят свободно: играют во дворе, читают в библиотеке, обмениваются марками, спорят о чём-то,

играют в шахматы, в настольные игры, заняты книгами собственных «сочинений», просматривают диафильмы и мультфильмы, упражняются на шведской лестнице и, конечно, шалят тоже.

Но эти 40 минут у нас нашли и другое применение: каждый день в это время — после обеда до начала занятий в продленке — я принимаю детей по личным вопросам. Нет, это не какая-то форма педагогической бюрократии! Дети имеют свои проблемы, они нуждаются в помощи, совете, поддержке, улыбке, утешении. У них имеются свои секреты, им хочется сказать о них человеку, которому верят, это им нужно для успокоения души.

Мысли, которые вдохновляют

ПОМОЖЕТ

*Мальчик, опять ты ошибся.
Ты сказал, что лишь
чувствам своим тыверишь.
Для начала похвально, но как
быть нам с чувствами теми,
что тебе незнакомы сегодня,
но которые ведомы мне?
И в чувствах первейших,
которыми ты овладел,
как ты полагаешь, — поверь,
ты еще не совершенен.
Слух разве подвластен тебе?
Твое зренье бедно.
Грубо твое осязанье.
О неведомых чувствах,
если мне неверишь,
я укажу тебе каплю воды*

*без стекла рассмотреть.
О населяющих воздух мне
рассказать? Ты улыбнулся.
Ты замолчал. Ты не ответил.
Мальчик, водительство духа
чаще ты призывай,
оно тебе в жизни
поможет.*

Н. Рерих. Антология Гуманной Педагогики

Возникает необходимость поговорить со мной обстоятельно, наедине. Когда все это сделать? Во время перемен? На уроках? После уроков? Не получается, не всегда получается так, чтобы в процессе работы со всем классом я выкроил хотя бы пару минут для обстоятельного и «секретного» разговора. Поэтому предпочел выделить для этого специальное время.

Когда я впервые назначил им часы приема по личным вопросам (в октябре этого учебного года), они пришли в мой кабинет все. Мне пришлось объяснить им, что значит личное дело и как я их буду принимать... И дети начали ходить ко мне — в день 2–3, может быть, 5–6 человек. Иногда я сам приглашал кого-нибудь поговорить. По мере того как углублялось наше взаимопонимание, дети все больше и откровеннее доверяли мне свои тревоги и переживания, свои надежды и ожидания.

«Какое личное дело может иметь ребенок?» — скажет мне раздраженно иной педагог. До этих приемов я сам об этом не имел представления.

Придут ли дети к своему императивному педагогу для душевного откровения? Нет, не придут, какое бы время им ни назначили. Не придут потому, что дети от этого не ждут добра. Они уже приучены к тому, что их педагог не умеет

.....
прощать и, вообще, с ним можно говорить только об учебе, общественной деятельности. Они и понятия не имеют о том, что можно поделиться с ним своими другими проблемами. И педагог сделает вывод, что у ребенка не возникает личных вопросов. Сказать откровенно, когда я разъярялся моим ребятами, по каким делам они могут приходить ко мне за советом, помощью, то сам разволновался: а придут ли они ко мне?

— Можно? — заглядывает ко мне Кетино. Она стесняется, чем-то озабочена. Лицо опухшее. Я и сегодня утром, увидев ее, хотел спросить: не упала ли она, не ударилась ли?

— Можно, конечно, входи. Садись поближе! Почему у тебя такие грустные глаза, откуда эти синяки на лице?

Девочка опускает голову, затем вдруг начинает плакать, и я еле различаю, что она бормочет. А бормочет она вот что.

— Папа меня побил... Не люблю больше папу... Не хочу его видеть...

— У тебя же такой хороший папа, как он мог побить тебя?!

— Прежде он был хорошим... теперь плохой, ругается...

— Подожди, прежде всего, давай вытрем слезы... — я достаю из кармана чистый носовой платок и вытираю ей слезы — и... успокоимся... Вот так. Смотри мне в глаза... А теперь Расскажи мне все, как было!

— Папа пришел с работы и начал кричать на маму, я защищала ее, а ему сказала, что он плохой... Тогда он и ударил меня по лицу, еще раз ударил... Ты, говорит, тоже такая, как твоя мать... Я сказала, что мама очень хорошая... Он выгнал меня из комнаты... Я испугалась, а вдруг и маму тоже побьет, и начала кричать... и тогда отец избил меня.

И девочка опять собирается плакать.

— Не плачь. Он и раньше бил тебя?

— Я не хотела вам говорить, он часто меня бьет. За все бьет...

— А если он извинится перед тобой и перед мамой, ты сможешь его простить?

— Не знаю... Не люблю я его больше...

И из ее опухших глаз хлынули слезы. Слезы эти обжигают мое сердце. Они уводят меня в жизнь ребенка, заставляют пережить детское страдание, понять, что это такое. Можно ли выразить его словами? Это смесь духовной и физической боли, когда так легко хочется умереть, что и глазом не моргнешь. Слезы Кетино заставляют меня действовать.

— Прости, пожалуйста, мне нужно срочно позвонить товарищу, сейчас вернусь... Ты подожди меня здесь, ладно? И посмотри этот журнал!

И я бегу к телефону. Бить ребенка... В каком веке, в каком обществе он живет?! Такого случая у меня еще не бывало. Ну, пришла ко мне на днях Лела, тоже надутая на своего отца. Он, говорит, отшлепал меня, и я больше не хочу с ним говорить. Я пошел к отцу, рассказал о переживаниях дочери. Он страшно обеспокоился. Да, говорит, было такое, но ведь прошло время, неужели она еще переживает?! Вот почему она неприветлива со мной в последнее время! Обещаю вам, сказал отец Лелы, такое никогда не повторится. На другой день девочка пришла радостная и, уловив момент, шепнула мне: «Спасибо! Мы с папой весь вечер гуляли, он такой хороший!» Но отец Кетино — редкое исключение. На лице девочки — синяки, в сердце — адское страдание! Как же отец может быть спокоен в это время? Избил девочку ради ее же воспитания?! Ложь, ложь! Такого не бывает... Не бывает, чтобы восьмилетняя девочка воспитывалась лучше оттого, что от побоев отца она вся в синяках... «Алло! Секретарь парторганизации завода? С вами говорит Учитель... Да, да, именно ваш завцехом... И прошу вас немедленно промыть ему мозги!» «Алло! Директор завода? Говорит Учитель... Прошу самому разобраться в этом деле и принять административные меры, касающиеся вашего завцехом!» «Алло! Это завцехом? Вас еще не вызывали? Так вызовут... Предупреждаю, девочка о нашем разговоре ничего не знает, она мне ничего не говорила, все написано на ее лице... Вы сегодня же извинитесь перед дочкой, а завтра сами ее приведете

в школу!» Вот так — такой отец должен хорошо знать, что не будет ему пощады от общества...

— Ну, как, Кетино, нравится тебе этот журнал? Ты забери его себе, он мне не нужен, а наш разговор перенесем на завтра, хорошо? Только прошу тебя, не думай об отце плохо, наверное, он сам жалеет о происшедшем... Будь к нему великодушна, договорились?

Заходит Ника. Он скромный, застенчивый мальчик. Я все думаю, как вселить в него больше смелости, уверенности в себе.

— В чем дело, Ника?

— Хочу, чтобы вы посоветовали мне...

— Что?

— Можно ли сделать доклад о моей собачке?

— А какие у тебя наблюдения?

— Знаете, она очень забавная, я многому ее научил!

— И ты можешь рассказать, как и чему учил свою собаку?

— Да.

— Слушай, это очень интересно! А что она умеет?

— Стоять на задних лапах, крутиться, умеет лаять, когда я моргаю ей глазом, из разных вещей может выбрать и принести мне то, что я скажу. Еще многое другое знает.

— Нельзя ли, чтобы ты сначала прочел свой доклад, а на другой день привел свою собачку и продемонстрировал всем, как она обучена?

— Приведу.

— А в докладе расскажи еще, как вы дружите.

— Ага! Когда мне принести доклад? Беру календарь.

— Давай назначим твой доклад на 10 апреля, а 5 апреля ты мне покажешь его.

— А если не получится?

— Получится, увидишь, как всем будет интересно.

— Вы пока никому не скажете?

— Не скажу, пусть это будет нашим секретом, сюрпризом для ребят!

Ника доволен.

Он еще ни разу не выступал с докладом на наших семинарах. Я, конечно, сделаю все, чтобы он оказался в центре внимания товарищей.

За дверью шепчутся (по голосу узнаю) Магда и Гурам: «Сперва ты!» «Нет, входи ты, я потом!»

И входит Гурам. Он по-прежнему опечален. Недавно я предложил детям сочинение. «Самый родной мне человек». Побоялся дать им тему «Мой папа», чтобы не вызвать у некоторых ребяташек горьких переживаний. «Пишите о людях, которых вы больше всех любите!» — сказал я им.

Гурам написал следующее:

Я видел во сне маму. Она была как розовое облако. Взяла меня на руки, и мы поплыли высоко-высоко. «Не бойся, — сказала она мне, — я ведь с тобой!» Она отпустила меня, и мы полетели вниз. Я, конечно, испугался, но не подал виду, смеялся, смеялась и мама. Мы так легко и плавно опустились на землю, как на парашюте. Мама меня поцеловала и сказала: «Будь мужественным. Я хочу, чтобы ты стал летчиком!» Не успел я ответить, как розовое облачко исчезло. «Мама!» — закричал я и заплакал. Меня разбудил отец, «Не плачь, — сказал он. — Маму видел во сне? Расскажи, как это было!» Но я не мог рассказать. Он меня успокоил, поцеловал. Я притворился, что сплю, а то, когда я не сплю, папа тоже не засыпает. А ему нужно рано вставать. Мама самый дорогой мне человек, и папа тоже.

На похороны мамы Гурама мы ходили всем классом, с цветами... Потом мальчик долго не приходил в себя, сидит на уроке и вдруг начинает молча плакать. Мы прерываем занятия, успокаиваем его... Со временем мальчик притих, и в нем вновь проснулась былая шаловливость. Он стал веселее, хотя время от времени грустил о матери. Я узнал, что отец со-

бирается жениться, но боится, как это повлияет на сына, как он встретит новую маму.

— Входи, мальчик! Как жизнь?

— Хорошо!

— Хочешь конфету?

Берет конфету. Не знает, с чего начать, оглядывается вокруг.

— Знаешь, когда я смотрю на тебя, все думаю, каким ты становишься хорошим.

Но это его не воодушевляет.

— Приду потом! — и собирается уходить.

— Гурам, садись, пожалуйста, поближе и скажи мне откровенно, в чем дело.

— Мне тетя сказала, что папа хочет жениться...

Да, он действительно становится мужественным, учится владеть собой. Молодец, мальчик, с тобой можно говорить прямо, по-мужски, ты поймешь!

— Гурам, ты мне веришь, правда?

Он кивает головой.

— Я знаю, ты любишь папу... Знаю, как твой папа любит тебя, как он любит твою маму... Ему без нее трудно жить, и потому он хочет найти такого же друга, каким она была для него. И твой мужской долг, знаешь, в чем заключается?

Мальчик слушает внимательно.

— Помочь папе, вот в чем! Он же помогает тебе, заботится о тебе. Ты мужчина, ты ведь не такой уж маленький, чтобы не понять страданий отца... Ему нужна твоя помощь...

Мальчик не отвечает, но весь его вид выражает одно — «скажите скорее!»

— И вот мой тебе мужской совет... ты мужественный мальчик, потому я тебе об этом говорю: будь другом отцу, скажи ему так: «Папа, мне нужна мама, а тебе нужен друг... Женись, женись на такой женщине, какой была для нас мама!» Ты можешь это сделать?

Кивает головой, говорит тихо: «Да!»

— Знаешь что, скажи эти слова мне, как будто я твой отец...

Вначале ему не удастся сказать все в нужной интонации. Прошу повторить еще... еще... Объясняю, что в это время может переживать отец, узнав, что его Гурам — настоящий, заботливый, мужественный друг.

— Ты скажешь это сегодня же, правда?

И я вижу, чувствую, как у него стало легче на душе, он даже улыбается, кладет конфету в рот.

— Бери еще, угости товарищей!

Он берет еще пару конфет и убегает. А у меня в голове уже намечаются следующие действия: «Я помогу тебе, мальчик, влюбиться в новую маму, увидеть в ней черты своей настоящей мамы... Я внушу тебе написать ей откровение — какой ты шалун, как ты любил маму, какая она была. Внушу тебе передать это откровение, запечатанное в пакет, новой маме в первый же день, как она войдет в ваш дом... А дальше? Дальше — она будет отдавать тебе всю душу, но станет и требовательной, чтобы ты рос именно таким, каким хотела тебя вырастить настоящая мама...»

Магда прерывает мои мысли. Веселая, радостная, с большими глазами... В прошлом она несколько раз заходила ко мне. «Нравится Вам эта картина? Вчера я нарисовала!» «Нет, не нравится, — говорил я ей откровенно. — Что за рисунок? Уродливое лицо. И вообще, зачем ты все время показываешь мне свои рисунки?» «Хочу стать художницей!» Я посоветовал ей писать рассказы, и она начала приносить мне уже книжки с собственными рассказами.

Мысли, которые вдохновляют

МОЛИТВА ВОСПИТАТЕЛЯ

Я не возношу Тебе длинных молитв, о Господи! Не посылаю бесчисленных вздохов. Не бью низкие поклоны. Не приношу богатые жертвы во славу Твою и хвалу. Не стремлюсь

вкрасться к Тебе в милость. Не прошу почестей. Нет у моих мыслей крыльев, которые вознесли бы песнь мою в небеса. Слова мои не красочны и не благовонны — не цветисты. Устал я, измучен. Глаза мои потускнели, спина согнулась под грузом забот. И все-таки обращаюсь к Тебе, Господи, с сердечной просьбой. Ибо есть у меня драгоценность, которую не хочу доверить брату-человеку. Боюсь — не поймет, не проникнется, пренебрежет, высмеет.

Всегда перед Тобой я — смиреннейший из смиренных, но в этой просьбе моей буду неуступчив.

Всегда говорю с Тобой тишайшим шепотом, но эту просьбу мою выскажу непреклонно.

Повелительный взор свой устремляю в высь небесную. Распрямляю спину и требую — ибо не для себя требую. Ниспошли детям счастливую долю, помоги, благослови их усилия. Не легким путем их направь, но прекрасным. А в залог этой просьбы прими мое единственное сокровище: печаль. Печаль и труд.

Я. Корчак. Антология Гуманной Педагогики

— Ничего... умно, — говорил я девочке.

А сегодня она кладет мне на стол три книжечки подряд.

— Написала новые рассказы. Еще никому не показывала. Вы первый.

— Спасибо за доверие... — и принимаюсь читать их.

А конфету из коробки она берет сама, лакомится и ждет, что я ей скажу.

Я же читаю и размышляю: «Так, значит, сначала ты хотела стать художницей... А теперь пишешь рассказы. Если я тебе посоветую писать стихи, ты будешь приносить мне стихи. О чем все это говорит? Не о том ли, что ты хочешь определиться в классе? Это стремление не плохое. Но что мне делать? Рассказы мне тоже не нравятся, они не понра-

вятся и твоим одноклассникам. А тебе хочется определиться. На что же мне в тебе опереться? У тебя есть упорство, ты сообразительная, трудолюбивая, добрая, отзывчивая девочка... Пока, конечно, рано ставить диагноз о твоих профессиональных наклонностях, но не исключаю, что с твоим упорством и сообразительностью когда-нибудь ты станешь писательницей, может быть, математиком, химиком, историком... Но у тебя есть и организаторские способности...»

— Магда, рассказы получились у тебя... ничего... Но хорошо, что ты пришла ко мне, я сам хотел тебя позвать. Ты должна возглавить у нас в классе очень большое дело.

— Большое дело?!

— Большое и серьезное, а главное — новое...

— А что это?

— Ты должна создать в классе библиотеку, стать заведующей библиотекой. Девочка рада. Конечно, она сделает это!

Раньше такую библиотеку я организовывал в третьем классе, но можно попробовать и во втором. А на Магду можно рассчитывать. И я объясняю девочке, какая это будет необычная библиотека.

— Понимаешь, Магда, если каждый принесет по 10–15 карточек с названиями тех интересных книг, которые у него есть дома, то в нашей библиотеке наберется около четырехсот, а то и больше книг...

Магда слушает внимательно, с интересом.

Я рисую ей образец карточки на каждую книгу и заполняю ее лицевую сторону.

— Вот, смотри...

Библиотека «Дружба»

Автор книги — Линдгрен Астрид

Название — «Мальш и Карлсон, который живет на крыше»

Владелец книги — Вова

— Ты раздаешь ребятам образцы карточек и просишь их заполнить точно так же 10–15 карточек о книгах, которые у них есть дома, и принести эти карточки тебе... Собираешь карточки, раскладываешь по алфавиту (по фамилиям авторов), помещаешь их в специальные ящички... Их мы поставим в шкаф в конце нашей классной комнаты. Там же поставим столик и стульчик, где ты будешь принимать тех, кому нужна та или иная книга...

Магда уже воображает себя в роли заведующей.

— А у меня же не будет книг, чтобы давать их им?

— Зачем тебе иметь 400 книг? Мы сделаем вот так. Допустим, к тебе приходит Эка, ей нужна книга Астрид Линдгрэн «Карлсон, который живет на крыше». Ты ищешь карточку по алфавиту. Достоешь ее и узнаешь, у кого есть эта книга. У Вовы. Зовешь Вову и просишь, чтобы он принес тебе книгу Линдгрэн. На другой день Вова приносит тебе книгу. Ты приглашаешь Эку, передаешь ей книгу, а в карточке на другой стороне записываешь так...

Кому передана книга — Эке.

Когда — 20.III.

Когда вернет — 10.V.

Подпись — Эка.

Когда возвращена книга владельцу —

Подпись владельца —

— Эту карточку ты кладешь в другой ящичек. В нем — карточки тех книг, которые взяли из библиотеки. Затем следишь за тем, чтобы Эка вернула тебе книгу вовремя. Когда она вернет книги, ты возвращаешь ее Вове. Он распишется, что получил книгу обратно, а ты поставишь дату.

Магда сразу же поняла.

— А когда мне это сделать?

— Начни завтра-послезавтра. Сначала приготовь карточки, чтобы каждому дать по образцу. Думаю, ты все так организуешь, что с будущей недели наша библиотека «Дружба» откроется... Мы устроим торжественное открытие.

— Сделаю! — говорит девочка уверенно. Забирает сделанный мною образец карточки и уходит, оставив на столе книжечки со своими рассказами...

Время приема по личным вопросам истекает. Ждет ли меня еще кто-нибудь?

— Что вам, мальчики, нужно?

— Скажи...

— Скажи ты...

— У вас есть еще конфеты, которые дали Гураму?

— А вы посмотрите! Только 3 конфеты? Попробуйте разделить на шестерых.

(Не забыть купить на завтра две коробки конфет, одной уже не хватает.)

— Вы спешите? Куда? — интересуется Гига.

— У меня сегодня доклад.

— Доклад? О чем? Где вы его будете делать?

— Конечно, доклад посвящается вам. Буду рассказывать, как я вас воспитываю, о наших уроках человечности.

— А меня не пустят туда? Пожалуйста, возьмите меня с собой! — просит Гига.

— Меня тоже... Послушаю вас... — просит Вова. «Это идея!»

— На этот раз я возьму только двоих — Гигу и Вову, но с условием: если понадобится, вы тоже выступите перед учителями и дополните мой доклад! Договорились?

— Также выступить! — смущен Вова, но Гига перебивает:

— Выступим... Возьмите!

— А вы скажите воспитательнице, что Вову и Гигу я взял с собой и приведу их сам, хорошо?

Мы спускаемся в учительскую. У входа объявление:

Внимание:

15 марта в 14:00

состоится заседание

методического объединения

учителей начальных классов.

Повестка дня: «Школа человечности»

(из опыта работы)

доклад Ш.А. Амонашвили

Входя в учительскую, я обращаюсь к руководителю методического объединения:

— Вы разрешите двум моим ученикам присутствовать на нашем совещании?

— Хорошо! — говорит она и тут же недоумекает. — Хотя такого у нас еще не было...

«Школа человечности» (доклад на методическом объединении)

Вступление

Дорогие коллеги!

Разрешите мне свои размышления вслух начать с вопроса: почему я ввел в моем классе уроки человечности:

На этих уроках я хочу воспитать в детях такие личностные качества, как вежливость, отзывчивость, чуткость, стремление прийти на помощь, умение общаться с людьми. На этих же уроках я помогаю детям, в силу их возможностей, осознать понятия: Родина, патриот, труд, дружба, доброта, борьба со злом.

Разумеется, в нашем учебно-воспитательном процессе в целом мы не отказываемся от воспитания в детях этих черт. Однако, по моему убеждению, это происходит стихийно и вызывается обычно или нарушениями детьми нравственных

норм или же требованиями учебного материала (особенно по чтению). И что же в этом случае получается?

За весь период начального обучения на долю каждого ребенка приходится сотни нравоучений, нотаций, запрещений, наказаний и похвал (хотя на последнее педагоги очень скупятся), но в итоге он не может представить себе целостное зеркало человеческих отношений. И одна из причин этого та, что осколки и частицы нравоучений он получает бессистемно, непоследовательно.

Из каких частиц и осколков складывается наш воспитательный процесс? Простите, что буду схематизировать эту мысль. В принципе получается так: мы застаем ребенка за нарушением нравственно-этических норм и в спешке «читаем» ему мораль — пристыжаем, осуждаем, разъясняем, запрещаем, угрожаем. И так как в этих ситуационных моментах мы спешим, то обычно бываем раздраженными и, сказать откровенно, порой даже неэтичными с детьми: повышаем голос, угрожающе жестикулируем. Это происходит еще и потому, что мы умеем подмечать нарушения принятых норм, а добрые поступки детей ускользают от нашего педагогического взора.

Детям нужны уроки человечности, на которых они постигнут, почувствуют важность и прелесть человеческих отношений, человеческой взаимности, определяют свою моральную позицию, поупражняются в нравственно-этических поступках. Василий Александрович Сухомлинский говорил, что основным предметом в школе должно быть человековедение. Он говорил это в самом широком смысле слова, имея в виду, что весь учебно-воспитательный процесс должен быть пронизан воспитанием в молодом человеке потребности в человеке. Но он имел в виду и то, что нужен и специальный предмет, который объединит в себе и обобщит заботу школы о воспитании в человеке человека. Так я открыл в классе «школу человечности», а занятия провожу два раза в неделю. Девизом нашей школы стали слова Василия Александровича Сухомлинского.

— Вова, скажи, пожалуйста, что вы пишете на доске перед началом наших занятий?

Вова: «До того, как начнется занятие, кто-нибудь из нас пишет на доске большими буквами: „Ты человеком родился, но человеком должен стать“. Это слова Сухомлинского... Иногда на всех трех досках эти слова пишет каждый из нас...»

— Спасибо, Вова!

А теперь коснусь некоторых методических вопросов нашей школы человечности.

Речевое воспитание

С первых дней работы с детьми передо мной возникла проблема их речевого воспитания. Я имею в виду не развитие речи, обогащение словаря и т.д., а совсем другое, то, что речь многих детей засорена грубыми формами обращения, порой бранными словами. В ней звучит недоброжелательность: дети без охоты пользуются приветливыми и ласковыми словами в общении друг с другом, склонны к оскорблению товарищей.

Меня волновало также следующее обстоятельство: эти дети, как правило, легко переходили на драки, задевали и притесняли других. Я боялся, что и остальные могли заразиться этими дурными привычками.

Где и от кого дети могли усвоить эту, так сказать неэтичную, лексику?

Естественно, там, где они росли — в семье, в детском саду, во дворе, на улице, и от взрослых, и от сверстников.

Порой сами взрослые, близкие ребенку люди, учат его ругаться, отвечать грубостью. Учат не преднамеренно, чтобы воспитать его грубым, а ради, я бы сказал, глупой забавы. «А ну-ка, сынок, выругай хорошенько мамочку!» — скажет иной папа своему неискушенному еще ребенку.

Отчасти дети учатся сквернословию в среде, где взрослые, не думая о том, что рядом растут дети, бесцеремонно обходятся друг с другом, выплескивают изо рта всевозможную речевую грязь. Со своей стороны, эти дети в общении со сверстниками распространяют свою «ученость».

Однако дело этим не ограничивается. Мне кажется, что, усваивая речевую грязь, ребенок одновременно усваивает и нравственную грязь. А так как это происходит в том чувствительном возрасте, когда речь ребенка развивается наиболее бурно, то возникает опасность, что и его натура в целом склонится к грубости и вырастет он злым и дерзким, привыкнет сквернословить.

Вот что я имею в виду, говоря о речевом воспитании: очистить речь и поведение детей от оскорбляющей окружающих грязи, привить им вкус к нравственно стерилизованной, доброй речи.

Такое воспитание, как и воспитание в целом, неразрешимо без активного содействия семьи.

Я свою работу начал с того, что поставил условия родителям, какими должны быть их речь и поведение в семье, их общение с ребенком. Рассказал им, что они должны делать для того, чтобы речевой поток ребенка был чистым и прозрачным, интонация и экспрессия — звучными и располагающими.

В классе же разъяснил детям, как они должны относиться друг к другу, что поощряется и что строго запрещается. Эти разъяснения я подкреплял постоянными требованиями и напоминаниями. Мне в этом помогали сами дети, которые запрещали своим товарищам грубо выражаться.

Скоро в классе я стал вести занятия по вежливости (уроки вежливости, уроки этики), на которых учил детей речевому этикету, умению говорить приветливо, быть чуткими и ласковыми, уступчивыми, услужливыми. Учил я их не только «вежливым» словам, но и соответствующей интонации при их произнесении. С этой целью я давал им разные нравственно-этические задачи.

«Представь, что к тебе пришел товарищ и вы увлеклись игрой! В это время мама (бабушка) говорит тебе: „Сынок (доченька), сбегай, пожалуйста, к соседу за головкой чеснока!“ Как ты поступишь, что ты ей ответишь, каким тоном? Сыграй эту сценку, покажи свое действие и свой ответ».

«Во время игры товарищ наткнулся на тебя, ты упал, ушибся. Как ты поступишь, что скажешь ему, каким тоном? Покажи нам свое действие и свой ответ. А теперь представь, что ты не ушибся, а по твоей вине ушибся товарищ. Как ты поступишь, что ты ему скажешь, каким тоном? Покажи нам эту ситуацию!»

«Товарищ оскорбил тебя словом, сказал что-то плохое. Что ты ему скажешь?»

«Ты оскорбил товарища, сказал ему что-то неприятное, плохое. Он рассердился на тебя. Что ты в это время сделаешь, что ты ему скажешь, каким тоном? Разыграй эту ситуацию!»

«У товарища какая-то неприятность, он плачет. Как ты будешь действовать, что ты скажешь ему, каким тоном? Разыграй эту ситуацию!»

«Бабушка обижена на тебя (ты не послушался ее) и не хочет говорить с тобой. Как ты поступишь, что ты ей скажешь, каким тоном? Разыграй эту ситуацию!»

«Папа (мама) пришел (-а) с работы усталый. Как ты его (ее) встретишь, что сделаешь, что скажешь? Продумай и разыграй эту ситуацию!»

«Мама (бабушка) приготовила тебе завтрак, просит, чтобы ты поел и потом пошел в школу. А есть тебе не хочется. Как ты поступишь, что ты скажешь? Разыграй эту ситуацию!»

Наблюдая за детьми, я заметил одно любопытное явление. Вот, допустим, кто-то нарочно подставил ножку товарищу, и тот упал. Как вы думаете, какова будет реакция упавшего? Обязательно отомстить — сделать ему то же самое, ударить, сказать какую-то грубость или же, в крайнем случае, побежать к учителю жаловаться. Выругал? Значит, тоже выругает! Ударил? Тоже ударит! Высмеивает? Тоже будет высме-

ивать! И, таким образом, может развернуться «цепная реакция» неприятностей и недоразумений в группе детей, если не пресечь ее вовремя.

При решении задач на уроках вежливости я обращал внимание детей на то, какими надо быть осторожными и снисходительными друг к другу. В моей методике проведения занятий по вежливости были такие секреты: детей, которые были замечены в грубости, заставлял играть роли оскорбленных, или же демонстрировал им, как могут реагировать дети на их грубость.

Вот, к примеру... Гига, ты, может, вспомнишь что-нибудь из своего опыта?

Гига: «Я сам говорил плохие слова. На занятии Шалва Александрович вызвал меня и еще несколько ребят. Он им что-то сказал по секрету. А мне велел оскорбить словом кого-нибудь из ребят. Я как будто оскорбил, а они вдруг окружили меня. „Как ты посмел! — говорят. — Извинись сейчас же... Знаешь, что мы с тобой сделаем, если ты еще раз выплеснешь что-нибудь подобное!“ Они кричали на меня, угрожали... Так крепко схватили меня с обеих сторон. Я вправду испугался... Извинился... Они говорят: „Не так! Говори, чтобы видно было, как ты сожалеешь!“ А Шалва Александрович потом сказал: „Если кто наругает кому-либо, вы вот так коллективно должны заставить его извиниться!“ Потом еще было, когда меня все высмеивали, как я сам высмеивал других, и никто не защищал... А Шалва Александрович спросил меня: „Тебе приятно, что высмеивают? Вот так же неприятно другим, которых ты высмеиваешь!“»

— Спасибо, Гига! А потом мы создали в классе общество настоящих мужчин, куда входят только мальчики. Члены общества самым мужественным, вежливым, отзывчивым ребятам присваивают звание «Прометей». И Гига, и Вова уже «Прометей», верно, мальчики?

Гига, Вова: «Да... Нас в этом году выбрали... Дали удостоверение «Прометей»...»

У нас есть еще общество «Амазонок». Оба эти общества в отдельности проводят свои секретные совещания и решают вопросы о взаимоотношениях между мальчиками и девочками, устанавливают свои «законы».

«Как себя вести?»

В первом классе мы занимались по экспериментальным книжкам в двух частях «Как себя вести?». Их для детей написали сотрудники лаборатории экспериментальной дидактики Н. Амонашвили и Т. Лоладзе (с моим участием). Первая часть посвящена правилам поведения в семье, вторая — правилам поведения на улице. Всего в них 16 тем для 64 практических занятий. Они группируются по направлениям: «Как я веду себя дома», «Как я веду себя на улице».

Сейчас мы разрабатываем еще две темы — третью и четвертую части: «Как вести себя в школе», «Как вести себя в общественных местах». Таким образом, все четыре книжки рассказывают о поведении ребенка в той основной среде, в которой ему приходится жить, общаться и работать.

Занятия по книжкам принесли детям много полезного. Было бы наивно утверждать, что ребенку достаточно осознать, какое поведение считается хорошим и какое плохим, и дать ему пример хорошего поведения, чтобы он тут же изменился, начал действовать по правилам. Он может знать о правилах поведения, однако в каждодневной жизни вспоминать о них тогда, когда правило уже нарушено им и его поведение уже ущемило интересы других. И вот когда ему приходится держать ответ за свое поведение, тогда и выясняется, что он знал как надо и как нельзя поступать. Таким образом получается, что у младшего школьника поступок опережает возникновение в сознании уже изученных правил, осознание последствий своего поведения.

Какую роль должны сыграть нравственно-этические правила в поведении младших школьников?

Правила бывают двух порядков: одни говорят о том, что нельзя и как нельзя делать; другие же указывают, что и как нужно делать. Правила первого порядка, таким образом, должны предупредить ребенка от неэтичных и противонравственных поступков. Правила же другого порядка должны поощрять его делать то, что нужно, и так, как нужно.

Но почему знание этих правил не всегда способствует поведению ребенка в соответствии с ними?

Думаю, одна из причин такого явления в том, что мы обучаем этим правилам, а не воспитываем по ним. А для того чтобы ребенок перестроил свое поведение, ему нужны не столько прочные знания нравственно-этических правил, сколько потребность жить и общаться с людьми, живущими по этим правилам. Опыт убедил меня, что

педагогический процесс может стать действительно воспитательным только в том случае, если он помогает ребенку познавать себя как члена общества, живущего по нравственно-этическим нормам.

Я сделал попытку направить воспитательный процесс по этому пути и одновременно понял, какие передо мной возникают трудности. Могут ли сказать, что, научившись определенным правилам, мои ребята уже действуют по ним? Нет, конечно, хотя отношения между детьми в классе, их поступки не вызывают во мне тревоги. Я считаю: теперешняя моя воспитательная работа закладывает фундамент в становлении личности каждого ребенка как общественного существа.

Упражняться в добрых поступках

При закладке этого фундамента мною используются следующие четыре «строительные» компонента: познание дру-

гого человека (на примере конкретных людей), осознание нравственно-этических норм с позиции прав другого человека, упражнение в нравственно-этических поступках, цементирование всего этого через эмоциональные переживания и чувство долга.

На этот раз коснусь вопроса нравственно-этических упражнений. Я убедился, что детей надо упражнять при усвоении ими нравственно-этических норм так же, как мы упражняем их с целью выработки прочных умений, допустим, чтения или же решения задач.

На наших занятиях в «школе человечности» (наши «уроки вежливости» со второго класса мы преобразовали в «школу человечности») я упражняю детей в нравственно-этических поступках, используя при этом возможности детского воображения, когда ребенок должен представить свое возможное поведение в данной ситуации; ролевой игры, когда ребенок или группа детей моделируют возможную действительность и разыгрывают ее, взяв на себя разные роли; действительности, когда дети совершают те или иные поступки в реальной действительности (в семье, в школе, на улице и т.д.).

Упражнения в добрых поступках каждый раз мотивируются, анализируются, повторяются.

Хотите посмотреть, как упражняются дети? Мальчики, помогите, пожалуйста! Решите такую задачу: «Вова и Гига играют в школьном дворе. Вова играет неохотно, часто прижимает руку к животу. «У него, что, живот болит?» — подумал Гига. Гига знает, что Вова не любит жаловаться на свои болячки. Как должен поступить Гига? Как будет себя вести Вова? Задание: вообразить сначала свое поведение, а потом разыграть его». Только не стесняйтесь, ребята. Хорошо?

(Вова и Гига задумываются. Каждый воображает свои возможные действия. Затем они выходят вперед и начинают имитировать игру в мяч. Вова мнетяся, лицо его искажается, он хватается за живот, но игру не прекращает. Гига перестает играть.)

Гига: «Что с тобой?»

Вова: «Ничего!»

Гига: «У тебя что-то болит?»

Вова: «Оставь меня, играй, если хочешь!»

Гига: «Не буду играть, пошли к врачу!»

Вова: «Не пойду к врачу!»

Гига: «Ты что, боишься врача? Пошли, пошли! (Берет его за руку)».

Вова (присаживается, снова хватаясь за живот): «Никого я не боюсь!»

Гига: «Нет, боишься! Пошли, прошу тебя! Проглотишь таблетку и все пройдет!»

Вова (капризно): «Не нужны мне таблетки!»

Гига (зовет других ребят): «Ребята, идите сюда, помогите повести Вову к врачу!»

(Вова еще сопротивляется, но Гига крепко держит его за руку и ведет за собой.)

Как видите, Гига разыграл ситуацию, как помочь товарищу, когда тот как будто бы и не хочет принять помощь.

Через упражнения в нравственно-этических поступках я хочу преодолеть укоренившийся в воспитательном процессе вербализм. Вербальное воспитание нельзя универсализировать. Страстное, эмоциональное слово, сказанное ребенку любимым, близким, авторитетным для него человеком, разумеется, поможет ему осознать и задуматься о взаимоотношениях между людьми. Однако слово может задеть ребенка на время, а потом оно забывается. Кроме того, страстное слово возникает в основном в тот момент, когда поступок уже совершен, именно этот поступок и подвергается анализу.

Чтобы слово, сказанное умно, душевно, с экспрессией, возымело свое воздействие на формирование личности ребенка, нужно подкрепить его серией упражнений в нравственно-этическом поведении. «Слово плюс деятельность» и наоборот — «деятельность плюс слово» могут дать в сумме качественно иное состояние — характер, направлен-

ность, целеустремленность. Исходя из этих соображений, я и усиливаю в воспитательном процессе роль нравственно-этических упражнений.

Школа человечности — это последующая ступень взросления моих ребятшек после школы вежливости. Там я прививал им навыки поведения, здесь же моя цель более сложная: на наших занятиях человечности я даю детям возможность, так сказать, «философски» осмыслить, как должны относиться друг к другу люди и почему, что такое добро и как оно проявляется, что такое зло и как противостоять ему, что такое Родина и как ее любить...

Но теперь скажу о том, на что я опирался во всей этой работе: на понятие духовности и на понятие сердца. Я часто веду с детьми беседы о душе и сердце человека. Мы родились, чтобы развивать и утончать, облагораживать и возвышать, очищать и обогащать их, — говорю я детям. Я учу каждого заглядывать в свой духовный мир и упорядочивать его. «Думайте много и свершайте в мыслях ваших дела героические, благородные, в душе своей научитесь дарить и жертвовать, сорадоваться и сочувствовать. Приучайте сердце ваше любить, сострадать, спешить на помощь». Так я призываю их углубляться в свой духовный мир, разговаривать со своей совестью. Я говорю им, что каждый из них несет в себе свою миссию, свой дар духа. «Вы родились, чтобы развить свою душу и сердце и сотворить что-то очень хорошее, и каждый рождается друг для друга, для людей. А что сотворить — знает только ваша душа. Надо искать в себе свой великий смысл жизни». Я стараюсь научить детей прекрасномыслию, добротомыслию, сердечномыслию, зародить в них чувство ответственности за свои мысли.

Чтобы «философские» рассуждения детей не превратились в пустословие, в набор громких фраз, я стараюсь побуждать их к соответствующим действиям, помочь им свою этическую деятельность выводить из духовно-нравственной позиции. Я и в третьем классе буду воспитывать своих ма-

лышей в этом направлении, хотя хорошо знаю, что и там эта работа не завершится, и педагогам последующих ступеней придется в дальнейшем продолжать и углублять ее.

Вопросы к занятиям: кто такой родной человек? Чем я обязан родным мне людям? Почему они заботятся обо мне?

Понаблюдать: что радует и что огорчает моих родных; как они относятся друг к другу, как относятся ко мне; как я забочусь о них.

Задания: расспросить своих родных об их делах и заботах, об их прошлом, узнать побольше о тех близких мне людях, которых уже нет в живых; составить книжки-рассказы о дедушке, бабушке, маме, папе, сестре, брате; сделать зарисовки о своих родных для классной выставки «Спасибо вам, мои дорогие!»

Долг: постоянно проявлять чуткость, внимание, заботу о родных, быть услужливым, помогать в домашних делах; доставлять им неожиданную радость; быть ласковым к ним (ну, конечно, не грубить). Невозможно воспитать в детях чуткое отношение друг к другу, к старшим, к младшим, бережное отношение к общему достоянию только на том материале, который дается в учебниках чтения. Нельзя также надеяться, что беседы по поводу возникающих время от времени ситуаций обеспечат целенаправленность нашей воспитательной работы.

Не кажется ли вам парадоксальным, что мы все время говорим о воспитании личности ребенка, а в действительности на практике эту важную задачу подменяем задачей формирования знаний и навыков? А воспитывающее обучение? Его суть порой выхолащивается и сводится к заучиванию детьми произведений, имеющих нравственное содержание. Я уверен: целенаправленное развитие личности ребенка может вестись только лишь через единство моральных представлений и нравственно-этических упражнений. Благородные поступки должны быть продиктованы добрыми мыслями и чувствами. Слово, конечно, может воспитывать, но какое слово, как и

кем сказанное? И что следует за словом? На какой жизненный опыт, на какие чувства ребенка оно опирается? Какое закрепляет поведение, как закрепляет? Детям нужно не только хорошее объяснение нравственных норм, но и хорошо организованные упражнения в осуществлении этих норм.

Опыт, о котором я рассказал вам, не является совершенным, и дальнейшие свои поиски я намерен направить на то, чтобы воспитать в каждом ребенке стремление увидеть, познать другого человека, любить человека и на этой основе строить свое нравственно-этическое поведение.

Как вы думаете, стою ли я на верном пути?

VI

Кого я воспитываю

(28 мая)

119 бабушек и дедушек

У меня есть своя перепись и своя статистика. Вот некоторые данные этой статистики. Из 38 моих ребятишек: 17 девочек, а мальчиков — 21.

Имеют благополучные семьи — 29. Являются единственным ребенком в семье — 12. Имеют братьев и сестер (одного или двух) — 26.

Такая статистика мне очень нужна, она для меня не просто набор цифр, а конкретная действительность, которую я постоянно учитываю в своей учебно-воспитательной работе. Как учитываю? А вот как.

Что значит — единственный ребенок в семье? Усиленная, переходящая все грани педагогической разумности заботливость родителей о ребенке — вот что.

Представьте себе: все взрослые члены семьи трепещут перед ребенком, каждый предлагает свои услуги, каждый старается побаловать его. «Ты у нас единственный! Ты наша радость... Мы все трудимся ради тебя... Все это твое!» И ребенок постепенно пропитывается этим «ядом» — чувством и сознанием того, что он единственный в семье и потому — гордость и радость семьи, а все остальные — его служители.

В семье, где живет и растет единственный ребенок, обычно забывают о том, что, скажем, мать там тоже единственная, кого-кого, а уж двух мам в семье никак не может быть.

Кто-то задел этого единственного во время игры во дворе или в школе? Тут же примчатся взволнованные родители!

В детском коллективе его поставили наравне с другими? Обида, слезы...

Пройдут годы, и перед нами могут предстать так называемые «маменькины сынки», не умеющие приспособливаться к разным условиям жизни, ладить с людьми, не наделенные силой самозащиты, хрупкие, неестественно нежные, или же наоборот, грубые, эгоистичные, ставящие себя в центр вселенной, беспощадные...

Я не верю, что усиленная, выше требуемой, заботливость родителей о своем единственном ребенке и есть нормальный, целенаправленный процесс воспитания. Если кому-либо кажется, что единственного ребенка легче воспитывать, то могу заверить — это заблуждение. Почему так думают некоторые папы и мамы? Потому, что они видят только одно, при том не такое уж важное условие воспитания: чтобы ребенок не чувствовал нужды в чем-либо и чтобы он был окутан заботой и опекой нескольких взрослых (мамы, папы, бабушки, дедушки, а то и тети). Но всякий перегиб в воспитании опасен: **чрезмерная заботливость перерастает в ребенке не во взаимную чуткость, а в беззаботность и грубость; чрезмерное обилие материальных благ вырабатывает в нем не уважительное отношение к людям труда, бережное отношение к материальным ценностям, а потребительство, вымогательство; чрезмерная уступчивость развивает в нем не гуманность души, а безволие, слабохарактерность; постоянное внушение ребенку, что только он и есть радость и гордость семьи, воспитывает не ответственность перед семьей, а зазнайство и самодовольство.**

В семьях, где растут двое, трое и больше детей, чрезмерность регулируется сама собою, так как родительские

любовь и забота делятся на всех поровну. Но в семьях, где растет единственный ребенок, процесс воспитания легко может исказиться. Поэтому я присматриваюсь ко всем 12 ребятишкам, единственным детям своих мам и пап, чтобы не упустить малейшего колебания в становлении их характеров. А мам и пап этих детей часто приглашаю к себе, то в одиночку, то группами, и веду с ними разговор о сложностях воспитания единственного ребенка в семье, учу их, как проявлять умеренность в своих заботах о ребенке.

Детей, у которых есть сестры и братья (младшие, старшие) время от времени расспрашиваю, как они ладят друг с другом, не ссорятся ли, как заботятся друг о друге. И так как многие из этих братьев и сестер учатся в нашей же школе, то нахожу время поговорить также и с ними. Детей воспитывают не только взрослые, они и сами воспитывают друг друга, если, конечно, семейная атмосфера настраивает их на дружбу и отзывчивость. Я разъясняю детям, как нужно заботиться о младшем братишке, младшей сестренке, как проявлять внимание к старшему брату, сестре. А недавно мы устроили необычный утренник. Он был посвящен сестрам и братьям моих ребят. Красочные пригласительные билеты («Моему дорогому брату Пате», «Моей любимой сестричке Ниночке» и т.д.), афиши с программой («Все о сестре! Все о брате!»), книжк-рассказы о братьях, сестрах, выставки рисунков детей. («Знакомьтесь, моя сестричка, мой братик!») и, наконец, веселый концерт произвели большое впечатление на всех приглашенных. Их было 32, самым маленьким среди них был братишка Магды — «нулевик» Зурико, самой старшей — сестра Бондо, учительница нашей же школы Манана. А 26 моих ребятишек в тот день вернулись домой гордые; вот, мол, какие у меня братья, сестры, какой я для них...

Так мне помогает статистика.

Но это еще не все.

У меня есть одна внушительная цифра — 119.

Оказалось, что все мои ребяташки вместе имеют 55 бабушек и 46 дедушек, 18 прабабушек и прадедушек. А 31 моего ребенка в семье постоянно опекает бабушка, во многих случаях — и дедушка. И 6 бабушек специально вышли на пенсию, чтобы заняться воспитанием внуков и дать возможность молодым родителям со спокойным сердцем ходить на работу. 119 бабушек и дедушек, прабабушек и прадедушек, подумать только!

Это же целая армия добрых, чутких, мудрых людей, которые совершенно по-своему влюблены в озорных, неугомонных внуков и внучек. Они ухаживают за детьми, провозжат их в школу, увозят домой из школы, ведут в музыкальную, в спортивную школы, в парк, в цирк, одевают и кормят, ласкают и наставляют и, помимо всего этого, балуют.

Нет, нельзя говорить о семейной педагогике однозначно, не уяснив себе роли каждого члена семьи в воспитании ребенка. Мне кажется, что все курсы по семейному воспитанию написаны в основном для мам и пап. В этих методических руководствах говорят о том, как родителям воспитывать ребенка, как им действовать сообща, поддерживать друг друга, создавать «единый фронт» воспитания. Но допустим, что нет необходимости писать в отдельности педагогику для мам и педагогику для пап. Пусть муж и жена сами додумываются, как, исходя из общих позиций, каждому заняться воспитанием детей в семье. Допустим также, что другие члены семьи (тети, дяди) тоже не нуждаются в особой педагогике — как им участвовать в воспитании своего племянника и своей племянницы. Необходимые знания они могут почерпнуть из тех же курсов семейной педагогики.

Но что делать дедушкам и бабушкам? У них же свои — особые, специфические, непохожие на другие отношения к внукам и внучкам. Они имеют еще и особые моральные права на ребенка. А что самое-самое главное — они своих внучат любят не по-матерински, не по-отцовски, а по-бабушкински

и по-дедушкински. Вот в чем дело! И как папы и мамы ни создавай единый воспитательный фронт в отношении ребенка, этот фронт то и дело будет прорван ребенком, если в семье живут бабушка и дедушка. «Нет!» — может грозно сказать отец и пойти на работу. «Папа же сказал — нет!» — строго повторит мама и тоже поспешит на работу. А бабушка? А дедушка? Могут ли они быть такими же железными, грозными? Нет, они не могут быть такими. «Как нам быть, а, как нам быть? — забеспокоится бабушка и примет решение. — Ну, хорошо, но только, чтобы родители не узнали, а то попадет от них и тебе и мне!» — и внук, поцеловав бабушку, выбежит во двор покататься на велосипеде.

Почему бабушка поступит так? Почему дедушка, тайком от родителей, поведет внучку в кино, в зоопарк, купит эскимо? Потому что они такие, они не могут иначе. Дедушка и бабушка не могут не быть уступчивыми по отношению к своим внукам и внучкам потому, что, во-первых, они умудрены жизненным опытом, опытом воспитания своих детей, самой жизнью в целом. Этот жизненный опыт сделал их более чуткими, нежными, мягкими, понимающими. На суету молодых они смотрят с высоты своих лет, опыта и мудрости. Во-вторых, любовь к внуку и внучке тем и отличается от любви к сыну и дочке, что в ней — в этой любви к внуку — смешиваются родительская любовь и жалость к ребенку из-за его беспомощности и беззащитности. Разве не об этом гласит народная мудрость: «Сын проходит через сердце, а внук — через сердцевину»? Любовь, зарождаемая в сердцевине, и есть то особое, трепетное чувство, которым полны дедушка и бабушка по отношению к внуку.

Моя статистика позволяет обнаружить любопытное явление. Дедушки и бабушки моих ребятишек — это не обязательно люди пожилого возраста, это не старики — вовсе нет. Большинство из них — люди, так сказать, в возрасте, вот и все! Это — жизнерадостный народ, образованный, трудолюбивый. Никто из них не ходит с палкой, согбенный, не но-

сит белую длинную бороду, к волосам многих только-только подкрадывается седина. Они трудятся, ведут общественную деятельность, радуются жизни. Лишь 9 из них являются участниками Великой Отечественной войны, остальные были детьми, когда гремели пушки. Всего этого, конечно, не скажешь о 18 прабабушках и прадедушках — они действительно пожилые, старые люди, им 70–80 лет, многие из них с ранениями вернулись с войны.

Мои наблюдения убедили меня в том, что между детьми и дедушками и бабушками возникает больше взаимопонимания, чем между детьми и их родителями. Может быть, это происходит потому, что дедушки и бабушки, как правило, в общении с ними исходят не из отдаленных и потому непонятных детям целей воспитания, а из близких им интересов и потребностей. Дедушки и бабушки охотно включают в игру со своими внучатами, они с легкостью выполняют их желания. У детей больше секретов со своими бабушками и дедушками, дедушки и бабушки — хранилище их шалостей, они шутя прощают им проступки, никогда не выдают их родителям. Дедушки и бабушки — это непроницаемое убежище от родительской угрозы. Дети верят в преданность своих бабушек и дедушек и потому мало их боятся, не всегда повинуются. Но когда бабушки огорчаются и сердятся на них, дети болезненно переживают это и пускаются в ласки и объятия, раскаяния и извинения.

Так нужна ли особая педагогика, как дедушкам и бабушкам воспитывать своих внуков и внучек? Думаю, было бы здорово иметь такие книги. Дедушки и бабушки украшают золотую пору детства, насыщают ее любовью, заботой и мудростью.

Если человек прошагал свое детство без общения с самыми добрыми, ласковыми, мудрыми, горячо любящими его людьми — с дедушками и бабушками, это значит, что он потерял тысячу прелестных сказок, тысячу увлекательных прогулок, тысячу радостей от исполнения желаний, тысячу мудрых наставлений, в тысячу раз больше оказался незащищенным,

в тысячу раз больше споткнулся о камни и в тысячу раз больше не сочувствовали ему в его горе.

Я закрываю глаза и ухожу в свое глубинное прошлое, когда с недалеких Кавказских гор до нас доносился грохот пушек, и я, уткнувшись в подушку, до поздней ночи ждал возвращения бабушки из колхозной пекарни, где она работала. Приходила бабушка, приносила домой буханку душистого горячего черного хлеба, успокаивала меня, начинала рассказывать сказки, и я засыпал беспечно, с надеждой. А эта беспечность, обретенная мною благодаря душевной заботе, доброте и ласке любимого человека, и была для меня не чем иным, как оплодотворением моего сердца человечностью.

От моих предков к предкам моих ребятишек

По своему опыту знаю, какими драгоценными станут в будущем для каждого моего ребенка воспоминания о своих бабушках и дедушках. И считаю своим долгом помочь им глубже почувствовать преданность этих людей, а бабушкам и дедушкам доставить радость от проявления взаимной детской любви и заботливости. Дети суетятся: «Успеем? Не успеем?» А успеть надо многое: вынести парты в коридор, расставить стулья, устроить сцену, вывесить плакаты, завершить оформление выставок, прорепетировать...

В 12 часов начинается двоянный «урок» для бабушек и дедушек.

Я внутренне спокоен — успеем, конечно. Сегодня последний школьный день, 28 мая, других уроков у нас нет, кроме тех, которыми сейчас заняты дети.

Вчера у нас в классе был прощальный разговор. Дети поделились со мной своими планами на лето, я тоже рассказал им, чем буду занят это время, мы договорились, как переписываться друг с другом.

Вчера же после уроков я пригласил родителей, дети передали им пакеты со своими работами, в них были и характеристики детей.

А сегодня мы завершаем школьный год встречей с самыми добрыми и ласковыми людьми.

Гига и Сандро тащат столик в конец комнаты, ставят на него стул, и Сандро взбирается наверх. Лела подает ему плакат. То, что на нем написано, мы всем классом сочиняли в течение недели. Не удивляйтесь, пожалуйста. Дело в том, что нам нужно было вложить душу в эти несколько слов. Мне нужно было, чтобы дети вникли в суть встречи. И когда кто-то предлагал написать на главном плакате вроде: «Привет дорогим людям!» или же «Спасибо вам, что любите и балуете нас!» и т.д. и т.п., — мы отклоняли его. «Нет, — говорил я детям, — нам нужна более проникновенная мысль, которая выразит и наше чувство, и наше сознание долга!» — и мы продолжали поиск этой мысли. На доске то и дело появлялись и другие варианты содержания главного плаката. Но, в конце концов, мы остановились на варианте, который предложил нам... теперь уже неважно, кто. «Значит, предлагается такое содержание плаката?» — спросил я детей, когда увидел на доске новый вариант.

*В нас а а слабая
Мы должны повторить/вашу большую жизнь.
бизнесе вашего ца
~~Быть такими же сердечными, как вы!~~*

«Мы должны повторить вашу большую жизнь,
быть такими же сердечными, как вы!»

И мы начали осмысливать коллективно каждое слово. В течение 35 минут урока мысль эта постепенно совершенствовалась. Кто-то сказал, что Мы должны повторить звучит как-то неэтично, похоже на хвастовство. Первую часть написанного на доске мы изменили так: «В нас должна повторить-

ся ваша большая жизнь...» Вместо слова «большая» кто-то предложил «славная». Слово это понравилось всем, потому что «жизнь может быть длинной, но не славной, и она может быть короткой, но славной и героической». Многим показалось, что вторая часть написанного на доске содержания плаката непоэтична, незвучна, длинна. Сперва эту часть мы исправили так: чуткость вашего сердца, но остались недовольны. «У них не только чуткое сердце... Сердце у них большое... Дело вовсе не в том, какое у них сердце...» И тогда я дал три минуты на размышление, после чего мы внесли еще одну поправку:

«В нас должна повториться ваша славная жизнь,
биение вашего сердца!».

Полученное аккуратно переписали на другой доске и начали выяснять, какие чувства и мысли мы вложили в него. Затем поручили нашим лучшим художникам оформить плакат. Этот плакат и вешает сейчас Сандро. Плакат действительно красивый. Дети смотрят, любят, читают вслух:

«В нас должна повториться ваша славная жизнь,
биение вашего сердца»

В коридоре группа мальчиков готовит выставку рисунков. Выставка радостная: дети нарисовали себя вместе со своими самыми добрыми и любимыми людьми. Названия картин передают всю гамму содержания выставки: «Прости, пожалуйста!», «Расскажи сказку», «Пойдем гулять!», «Очень-очень прошу!», «Мы секретничаем», «Мои защитники», «А что у тебя в бороде?», «Орденосец», «Первые морщинки», «Какое у тебя сердце?» и т.д.

Потом мальчики выносят парты в коридор, приносят стулья. Девочки подметают пол, чистят подоконники.

Ния заканчивает оформление своей стенной газеты, дети прикрепляют газету на стене.

Нато уединилась, она стоит у окна и что-то шепотом повторяет.

Тея и Георгий подходят то к одному, то к другому: уточняют программу выступлений, они сегодня выполняют роль ведущих.

Котэ репетирует на пианино. Он сочинил песенку, многие подпевают ему, не отрываясь от своих дел.

Марика пытается поправить на стене рамы с фотографиями, она встает на стульчик, но все же недостает до рам, и зовет на помощь Ираклия. В это время почему-то многие обернулись в сторону выставки фотопортретов и начали подсказывать Ираклию, какие поправить рамы, как поправить.

Эту выставку мы создавали постепенно. На первой фотографии, которую мы выставили два месяца тому назад, — моя бабушка. Ее портрет висит в центре: лицо — как высохший персик, улыбка — как раскрытая душа, глаза — как глубокие раны, а из приоткрытого рта как будто слышится благословение столетней женщины: «Живите трижды дольше меня, дети мои!»

Я недавно вернулся из деревни, куда ездил, чтобы повидаться с бабушкой. Приехал удрученный: настоящее, соприкоснувшись с прошлым, причинило мне боль и горечь. Был понедельник. Дети заметили мое состояние («Шалва Александрович чем-то опечален!») и начали расспрашивать: «Что с вами случилось?» Мне так хотелось услышать слова сочувствия, что я взял и рассказал детям о моей бабушке, о моей печали. «Понимаете, — говорил я детям, — я открыл калитку и вошел во двор. В этом дворе провел я свое детство. Здесь по вечерам дедушка стелил свою бурку, мы ложились на нее, смотрели на звезды и говорили долго-долго. Бабушка выносила нам фрукты, тоже садилась на бурку и начинала проклинать фашистов. А когда однажды над нами совсем близко полетел немецкий самолет и выбросил прокламации, бабушка начала бросать ему вслед камни, а каждую прокламацию тут же топтала ногами...

Мысли, которые вдохновляют

Воспитатель должен быть проникнут чувством глубокого благоговения к жизни; наблюдая ребенка с гуманным интересом, он должен уважать развитие в нем этой жизни. Детская жизнь не абстракция, это — жизнь отдельных детей. Существует лишь одно равное биологическое проявление: живущий индивид; и воспитание должно иметь объектом отдельных индивидов, наблюдаемых поодиночке. Под воспитание следует разуметь активное содействие, оказываемое нормальному выявлению жизни в ребенке. Ребенок есть тело, которое растет, и душа, которая развивается, — у обеих этих форм, физиологической и психической, один и тот же вечный источник — сама жизнь. Мы не должны ни душиить, ни коверкать таинственных сил, заложенных в этих двух формах роста; мы должны дожидаться от них проявлений, которые, мы знаем, последуют одно за другим.

М. Монтессори. Антология Гуманной Педагогики

Вот я открываю калитку и вхожу во двор моего детства. Бабушку я не видел почти год. Я знаю, что она тяжело болела... Вхожу и вижу: стоит она, моя любимая бабушка, во дворе и смотрит куда-то вдаль. «Бабушка, — говорю, — здравствуй!» Она поворачивается в мою сторону и начинает искать меня руками в воздухе.

«Кто ты?» Я удивлен. «Это же я, бабушка, разве не видишь?» — и прижимаю ее к сердцу, целую. Она своими огрубевшими от постоянного труда и иссушенными от возраста пальцами ощупывает мое лицо и смеется. «Это ты, сынок?! Это, правда, ты?!» — и не верит своим пальцам. Почему пальцам? Это я узнал чуть позже: потому что она ослепла во время болезни... Ну, скажите мне, ребята, ведь виноват я, что

не навещаю почаще свою любимую бабушку? Какая же это любовь, если я не приласкаю ее, не скажу пару добрых слов, не поцелую... А она живет ожиданиями — вот приедут внуки и внучки!

И дети сказали мне, что я виноват перед бабушкой, что обязательно надо почаще навещать ее. «Вы же будете корить себя в невнимательности, если она вдруг умрет!» — сказали мне они.

После этого мы заговорили о наших бабушках и дедушках. Какое у них сердце? Как любят они нас?

Как они проявляют свою преданность к нам? Почему нам так интересно и радостно быть с ними? Какими порой бываем мы по отношению к этим добрым и ласковым людям?

Знаем ли мы их хорошо? Какой они прошли жизненный путь? Эти вопросы не давали нам покоя.

Устроить встречу с нашими бабушками и дедушками? Хорошая идея. Но давайте не будем спешить, давайте сначала изучим их, познаем их сердце и сами тоже научимся быть заботливыми, ласковыми внуками и внучками! Надо еще знать, кто они, наши бабушки и дедушки, какую они прошли жизнь. Все это надо делать так, чтобы они и не подозревали о наших намерениях. Надо еще узнать и о тех бабушках и дедушках, которых уже нет в живых, ведь они наши предки!

«Не умирай»

Вы уже собрались, дорогие добрые люди? Так рано? Какие вы все молодые и красивые, нарядные! Вы хотите знать, где ваши внучата? У них дела. Они скоро придут. Они оставили меня одного с вами занять вас до их прихода. Может быть, раз вы уже все в сборе, начнем первую часть нашего урока? Тогда попросим старейшую из вас позвонить в эти колокольчики...

Ну, как, дорогие, добрые люди, изменилось ли что-нибудь в ваших взаимоотношениях с внуками и внучками за эти два месяца? Не радуют ли они вас больше, чем обычно? Могу представить, как они пристают к вам: «Расскажи о себе, о своем детстве... Расскажи о своей работе... У тебя есть ордена? Где они? Расскажи о них... Скажи, что тебя радует, что огорчает... Расскажи, каким ты был в детстве...» Вы, наверное, удивлены, почему дети вдруг так заинтересовались вами? Это потому, что о каждом из вас нам надо узнать побольше, вы — как раскрытые книги жизни для моих детей. «Прочтут» они одну, другую страницу этой книги, поразятся, восхитятся их содержанием и поспешат в школу, чтобы с чувством гордости пересказать «прочитанное», ставшее уже частью их жизни.

Мы изучаем вас, проникаем в вашу душу. За эти два месяца, могу утверждать, ваши внуки и внучки прониклись к вам нежной, осознанной, заботливой любовью. Может быть, они и впредь будут шалить, проявлять непослушание, но, уверен, ваше воспитательное влияние на них усилилось в 2–3 раза. Я рассказываю им, как навещаю свою бабушку, как она себя чувствует, как она медленно сохнет и гаснет, испуская лучи доброты и великодушия. Рассказываю о том, как воспитывали меня дедушка и бабушка. Они же рассказывают мне и друг другу, как обнаруживают в вас все новые и новые черты удивительного, неповторимого великодушия, человечности.

Вот я написал неотправленное письмо своей бабушке и прочел им. В нем я вспоминал о действительных событиях, о том, как однажды шип акации вонзился мне в ногу, как опухла нога и как бабушка в течение длительного времени не спала по ночам, чтобы успокоить меня. Ой, как ей хотелось тогда взять на себя всю мою боль и страдание! Дети поняли, что бабушки и дедушки любят своих внучат самоотверженно. Они вспоминали множество примеров из своей жизни и тоже решили написать вам письма, которые лежат теперь в пакетах, приготовленных ими для вас. В них вы найдете

.....

посвященные вам сочинения ваших внучат, книжки о вас, рисунки, связанные с вами; там лежат еще клятвы верности. Каждый ребенок готовил пакет секретно — для своего дедушки, для своей бабушки.

Понимаете ли вы, дорогие добрые люди, детям надо помочь узнать, почувствовать своих близких людей. Конечно, каждый из них любит вас, но эта любовь пока ограничена обилием тех удовольствий, которые вы им доставляете. Спросите младшего школьника, почему он любит свою бабушку, своего дедушку, и вы услышите: «Потому что покупает мне игрушки, водит в кино, в гости...» Надо помочь детям увидеть за этими удовольствиями сердце бабушки и дедушки. Тогда их любовь к вам озарится чувством благодарности и уважения. То, чем я был занят с детьми последние два месяца (привлекая и вас через своих ребятишек — ваших внучат), сегодня произойдет в нашей классной комнате. И это, как я полагаю, есть помощь детям познать вас и самих себя тоже.

Выставки в коридоре вы уже посмотрели. А теперь заходите, пожалуйста, в класс. И здесь у нас есть сюрприз для вас...

Вы не ожидали выставки ваших портретов? Их принесли в класс, втайне от вас, ваши внучата. О каждом из вас мы говорили на уроках. Ваши внуки и внучки приносили в класс ваши фотографии и рассказывали всем, какие у них дедушки и бабушки, как они трудятся, какие они хорошие, за что они их любят.

Иногда нас охватывало чувство горечи из-за погибших на фронтах Великой Отечественной войны дедушек. Тогда я говорил детям: «Прошу почтить минутой молчания память погибшего смертью храбрых в боях против фашистов дедушки Дмитрия!» Дети вставали, опускали головы, и, уверяю вас, добрые люди, это была минута их проникновения в дела и чаяния достойных предков. Вот здесь выставлены портреты всех дедов, которые не вернулись с фронта и которых нет уже в живых.

Иногда мы посылали вам горячие аплодисменты, когда, например, узнавали, что кто-то среди вас совершил трудовой подвиг, мужественный поступок (мы в каждом из вас искали черты Нового Человека, и знаете почему? Перед детьми должны быть наглядные примеры настоящей человечности). В это время я говорил детям: «Давайте поаплодируем бабушке Олико, ведь она так самоотверженно боролась за спасение жизни человека!» Аплодируя вам, они гордились вами и хотели быть такими, как вы. И разве до вас не доходил отзвук этих сердечных, долгих аплодисментов?

Порой же мы смеялись, ну, конечно, добрым смехом, над вами. А как не будешь смеяться, когда хитрая плутовка-внучка подает бабушке яйцо и просит разбить его, а доверчивая бабушка все сильнее и сильнее бьет его о стол и искренне удивляется, что оно не бьется. Внучка же тем временем хохочет до упаду: ведь яйцо деревянное! И эти веселые минуты, дорогие бабушки и дедушки, стоили мне целых дюжин наставлений, как им любить вас: осознав вашу детскую доверчивость, они еще сильнее проникались к вам любовью и уважением...

Посмотрите, пожалуйста, в эту сторону!

Вам знакомы эти ордена и медали? Видите, как много их?

Не бойтесь, дети не украли их у вас, они принесли их в школу, чтобы все знали, какие у них славные дедушки и бабушки. Мы все рассматривали эти высокие награды Родины и восхищались вашей волей, вашим героизмом, вашим трудом. Мы знаем историю каждой из этих наград. Вот это орден Кутузова. Им награжден — посмертно! — дедушка Гиви за разработку и осуществление плана уничтожения группы фашистов в маленькой белорусской деревне, где они зверски убивали беззащитных жителей — женщин, детей и стариков. Этим орденом Трудовой Славы награждена бабушка Маро за долгий и плодотворный труд на фабрике. Надеюсь, вам теперь понятно, почему дети допытывались у вас, просили рассказать им о вашей жизни, о ваших наградах. Скажите откровенно, рассказали бы вы им о себе, если бы ваши внуки не

приставали к вам? Нет, не рассказали бы, правда? Не рассказали бы потому, что, во-первых, считаете это неудобным («Зачем? К чему это?»); во-вторых, в темпе жизни вам, наверное, было бы трудно выкроить время, чтобы заговорить с детьми о себе. Но зря! Так нельзя, дорогие бабушки и дедушки!

Знаете, почему государство награждает вас? В первую очередь потому, что вы заслужили всенародную благодарность, но еще и потому, чтобы вы показали эти награды своим внукам и внучкам и рассказали им о своих славных делах. Им нужно гордиться вами, понимаете? Иначе как они будут воспитываться на вашем примере? Вот я и направил ваших внуков и внучек к вам, научил их, как всматриваться в свою бабушку, в своего дедушку, открыл им возможность гордиться вами. Так были доставлены детьми в школу эти драгоценные символы вашего высокого гражданства. Как видите, все они в целостности и сохранности, и вы можете взять их домой после окончания нашей встречи...

А теперь посмотрите, пожалуйста, в эту сторону! Видите, сколько здесь пакетов? Каждому из вас принадлежит свой пакет, тот, на котором написано ваше имя. Возьмите их, откройте! В них должны быть книжечки о вас. Можете догадаться, почему все это время ваши внуки и внучки сидели допоздна не у телевизора, а у своего рабочего стола и близко не подпускали вас? Они готовили книжки о вас.

Хотите, я прочту вам эту книжку, которая попала мне сейчас в руки? Ее автор — Сандро. Смотрите, какая обложка: тут наклеены фотографии бабушки и дедушки, вокруг нарисованы гирлянды цветов. Название книги — «Не умирай!» Внутри тоже фотографии: мальчик с бабушкой и дедушкой. И вот что он пишет:

«Больше всех на свете я люблю дедушку и бабушку. Люблю их больше мамы и папы, наверное, потому, что почти все время я провожу с ними, и они постоянно заботятся обо мне. Но я оговорился: дедушки моего уже

нет в живых. Мне трудно представить, что его больше нет. „Может быть, он ушел куда-то по делу и скоро вернется?“ — думаю я порой. Но, когда всей семьей мы идем на могилу дедушки и когда я вижу слезы на глазах бабушки, тогда ощущаю горькую правду... Трудно мне без моего любимого деда...

Осталась у меня на свете бабушка. Я придумал ей прозвище — Бабулика, а она зовет меня Ласточкой. Моя бабушка очень образованная. Я все удивляюсь, как она весь день трудится, помогает мне и моей сестричке делать уроки, как много она делает, чтобы облегчить труд маме. Однако я не помню такого дня, когда она под вечер не брала бы книги и не читала бы увлеченно. Она все рассказывает нам тысячу интересных историй.

Бабушка моя — заслуженный инженер. У нее много наград. (Я их принес в школу, она пока об этом ничего не знает.) Их она получила за хорошую трудовую деятельность. Она знает цену труда и, наверное, потому все советует маме: „Приучай детей к труду“.

Я и моя сестричка стараемся не рассердить бабушку, но это нам не всегда удается. Иногда мы устраиваем в квартире ералаш, чиним беспорядок. В таких случаях бабушка делается строгой и заставляет нас все ставить на свои места. Она, конечно, не заслуживает того, чтобы мы ее обижали. В это время у нее поднимается давление и меня охватывает тревога, как бы с ней чего не случилось.

Когда ей становится плохо, мне всегда вспоминается один случай. Это было именно в то лето, когда заболел дедушка. Мы были в деревне. Я набегался, вспотел, и мне захотелось поест мороженого. Дедушка не выполнил моего желания и спокойно объяснил, что я могу простудиться. Он обещал, что купит мне мороженое завтра утром. Я все не могу простить себе,

почему поступил тогда так недостойно, дедушка ведь никогда не нарушал обещанного. Кроме многих других глупостей, я сказал ему еще и следующее: „Вот если ты заболеешь, я тебе и воды не подам!“ На следующее утро, как только я открыл глаза, у кровати на стуле увидел целую банку мороженого. Я долго притворялся, что сплю, мне было стыдно перед дедушкой.

Этот случай будет мучить меня всю жизнь. Помню, как добро улыбался дедушка, как будто накануне ничего не случилось. Он тогда не отшлепал меня (и вообще, он не умел этого делать), но его добрая улыбка и мучает меня сейчас. Дедушка болел весь год, а когда я подавал ему воду и таблетки, он улыбался мне, и мы без слов понимали друг друга.

В ящике я нашел ордена и медали, которые дедушка получил на фронте и после войны, но он не успел рассказать мне о них. Эти ордена и медали я тоже понес в школу...

После смерти дедушки бабушка в трауре. И я часто говорю себе: не умирай, моя любимая бабушка, ты — моя жизнь!»

Что вы загрузили, добрые люди? А вы, бабушки, не плачьте, пожалуйста! Вы даже не могли представить, что у вашего внука так развиты чувства?

Посмотрите на эту выставку: дети рисуют вас, себя с вами. Видите, сколько в этих рисунках юмора, радости! Если хотите, можете взять их потом на память... Вот стенные газеты, которые дети посвятили вам. Каждый выпустил свою газету, поэтому их так много...

А плакат этот вы заметили? «В нас должна повториться ваша славная жизнь, биение вашего сердца!» Уверяю вас, что это не просто слова, это отражение наших чувств, любви к вам, нашей гордости за вас. Почему я говорю «нашей»? Потому что все это мы готовили вместе. Я тоже внук, и оставший-

ся на столике пакет принадлежит моей бабушке. Ей сто лет, она тяжело больна, она ослепла, и никогда не узнать ей, что я вложил для нее в этот пакет. Я опоздал...

Вот и наши шалуны вернулись. Садитесь, пожалуйста, поудобнее. Теперь урок будут вести они...

Дорогие дедушки и бабушки!

Тя: «Наши любимые бабушки и дедушки! В первую очередь мы хотим извиниться перед вами за те огорчения, которые мы вам причинили в разное время!»

Дети становятся на одно колено, опускают головы и проговаривают вполголоса, умоляюще:

— Дедушки, бабушки, простите, пожалуйста, мы больше не будем!

Дети встают.

Георгий: «Нет, мы не можем обещать, что больше никогда не провинимся, но обещаем, что с этого дня будем доставлять вам меньше хлопот и больше радостей! Правда, ребята?»

Дети (хором): «Да! Да! Да!»

Тя: «За последнее время мы усердно изучали каждого из вас. И, знаете, что мы установили? Наши дедушки и бабушки самые...»

Дети (хором): «Мужественные...»

Тя: «Самые...»

Дети (хором): «Добрые...»

Тя: «Самые...»

Дети (хором): «Ласковые...»

Георгий: «Мы изучали ваше сердце. Знаете, из чего оно состоит?»

Дети (хором): «Из любви к внукам и внучкам...»

Георгий: «Мы засняли рентгенограмму вашего сердца. Вот, посмотрите, какое у вас сердце!»

У доски опускается большой плакат, на нем нарисовано огромное сердце, внутри которого бегают, играют, шалят дети, светит солнце, блестит ручеек.

Тя: «Мы сочинили для вас песенку. Послушайте, пожалуйста...»

Котэ аккомпанирует, дети поют песенку, в которой благодарят своих дедушек и бабушек за их заботу и любовь к ним...

«Глубокоуважаемый Шалва Александрович!

Нахожусь под сильным впечатлением сегодняшней встречи, очень взволнован.

Кого Вы сегодня хотели воспитать: нас или наших с Вами детей? Мне уже за 70, и я никак не думал, что в этом возрасте людей еще воспитывают, а тем более что их можно воспитать. Спасибо Вам огромное, что так сильно повлияли на чувства старика. Если в Ваши воспитательные намерения входило и преобразование дедушек и бабушек. Вы этого достигли.

Скажите, пожалуйста, существует ли наука воспитания (или перевоспитания) стариков вроде меня? Она очень нужна, и я бы назвал ее геронтогогикой. Ведь говорят, что старики по своим некоторым чертам характера уподобляются детям? Могу подтвердить это своим примером — это действительно так. Мы с такой легкостью находим общий язык с детьми, мы так любим играть и гулять с ними, как никто другой. Представьте себе, мы даже ссоримся с детьми, и так же как ссорятся друг с другом дети, — из-за пустяков, с увлечением, а затем дуемся друг на друга, но ненадолго, так как мы не можем жить друг без друга. „Честное слово, папа, ты как настоящий ребенок!“ — жалуется иногда моя собственная дочь. Она со мной обращается так же, как с своими двумя детьми: то ласкает и уговаривает, то приказывает, порицает и ругает. Впадаем в детство? Нет, возвышаемся до детства,

до старческого детства. Может быть, я кого-то удивлю своим откровением. Вам я скажу: если имеешь внучат, то старческий возраст такая же золотая пора жизни, как первое детство. Мы, таким образом, возвышаемся до детства, и потому нужна наука о нашем воспитании — и дедушек и бабушек. То, что Вы сегодня организовали для нас, я считаю уроком нашего воспитания, это и есть та наука, которую я называл геронтогогикой. Я еще скажу Вам ниже (только извините, пожалуйста, если письмо это получится длинным), в чем мне помог этот урок и почему такие уроки могут приятно волновать дедушек и бабушек, лечить некоторые раны в их душе. Но сперва о том, что происходило в нашем доме за последнее время...»

Георгий: «Дорогие бабушки и дедушки! Изучив вашу жизнь, мы наполнились гордостью за вас. Не так ли, ребята?»

Дети (хором): «Да! Мы гордимся вами!»

Тя: «А теперь каждый из нас откроет вам секрет: почему мы любим вас и почему гордимся вами!»

Лери: «Дедушка, я люблю тебя потому, что ты скромный человек, всех умеешь радовать в семье...»

Дито: «Бабушка, я люблю твои руки, они так нежно ласкают меня... Держась за твою руку, я познал этот красивый мир...»

Русико: «Бабушка, я горжусь тобою потому, что ты очень-очень трудолюбивая, самая заботливая женщина в мире...»

Ия: «Мой дорогой дедушка, когда я касаюсь твоих фронтовых ран, мне хочется поблагодарить тебя от имени всех детей...»

Али: «Моя любимая бабушка, что было бы со мной, если бы не было тебя... Я горжусь твоей честностью и непоколебимостью...»

Вахтанг: «Мои дорогие бабушка и дедушка, вы доказали своей жизнью, что любовь и труд все перетрут...»

Эка: «Бабушка, ты очень умная женщина, мудрая, невозмутимая, твоей мудрости и трудолюбия хватает на всех в доме...»

Виктор: «Дед, я люблю тебя, потому что ты играешь со мной в футбол, еще потому, что ты храбрый...»

Елена: «Мой любимый дедушка, я люблю, уважаю тебя, горжусь тобою потому, что ты уходишь на работу рано утром, когда все спят, возвращаешься усталый, но радостный, веселый, шалишь так же, как я...»

Дато: «Я обращаюсь к своему дедушке Давиду, погибшему в Великой Отечественной войне: я верю, дорогой дедушка, что когда ты писал в окопе это треугольное письмо (поднимает письмо над головой), то думал не только обо мне, но и о моих товарищах, о тех детях, которые родятся в будущем! Могу представить, какими бы мы могли быть друзьями...»

Георгий: «Дорогой дедушка Георгий! Я познакомился с тобой на экране. В Грузии любили тебя как большого артиста. В Тбилиси есть улица твоего имени. Хожу по этой улице и думаю: у дедушки Георгия я должен быть достойным внуком...»

Тяя: «Посмотрите, пожалуйста, на эти фотографии! Этих дедушек и бабушек, к сожалению, уже нет в живых, некоторые из них погибли на войне смертью храбрых... Прошу вас почтить память ушедших из жизни дедушек и бабушек минутой молчания...»

Дедушки и бабушки встают. Дети становятся на колени.

Тяя: «Прошу сесть».

«...Моя Чертпина (так я зову внучку, когда мы не в ссоре) начала расспрашивать меня о моей фронтовой жизни. Сами знаете, как трудно вспоминать эпизоды войны. И рассказывать внучке о ней неохота — она может увидеть ночью кошмарные сны. А приукрашивать фронтовые события невозможно, нельзя. Я начал рассказывать ей о каких-то небылицах. Но Чертпина говорит: „Паплик (так она зовет меня, когда тоже не

в споре), за такие пустяки орденами не награждают. Ты лучше расскажи мне, за что тебя наградили первым орденом, и какой это был орден!" Ну тогда я и рискнул... В следующий вечер рассказал о другом ордене, потом о третьем. Я так увлекся, что рассказывал страстно и не без слез. Моя Чертипина слушала меня жадно, увлеченно. Иногда казалось, что вот сижу я вместе с внучкой в окопе, сейчас взорвется вражеская бомба и мне надо спасти это маленькое родное существо, в котором и есть продолжение моей жизни. Конечно, на фронте я знал, за что воюю, что и кого от чего и от кого защищаю, но вся эта история с сегодняшним уроком помогла мне осознать и почувствовать, что, оказывается, проливал кровь еще и за мою любимую внучку, которой следовало родиться спустя много-много лет. Она захотела потрогать мои фронтовые раны. И знаете, я был счастлив, когда маленькие пальчики моей девочки так нежно, осторожно скользили по ним, и в голове промелькнула мысль: как хорошо, что я вернулся с вой-ны, не только с орденами, но и со сложными ранениями, коль они вызывают гордость за своего деда у моей внучки, учат ее быть ласковой и заботливой. Да, она стала неузнаваема по отношению ко мне, привязалась ко мне еще крепче...»

Георгий: «Слушайте рассказ Елены о своем дедушке...»

Елена (читает рассказ из своей книжки, звучит мажорная мелодия):

«Моему дедушке 78 лет. Когда я была маленькая, мы с дедушкой всегда оставались дома одни. Мама уходила на работу, а мы с дедушкой играли, гуляли. Он читал мне книжки, играл на гитаре, пел песни и меня тоже учил петь. У дедушки золотые руки: он чинит нам туфли, игрушки. Когда дома нужно что-нибудь починить,

мама обращается к бабушке. А бабушка радуется, когда помогает другим. Он любит ходить пешком. Сейчас он чуточку постарел, и ему трудно долго ходить. У бабушки есть свой ящик, там он хранит свои ордена и медали. Бабушка у нас дома самый умный. Отец и дядя хотя сами уже взрослые, но всегда спрашивают у деда совета. Дед сейчас часто болеет, и, когда он лежит в кровати, рядом на тумбочке он кладет альбом с фотографиями. А фотография бабушки, которая умерла до моего рождения, висит у него над кроватью. Бабушке и сейчас нездоровится, но все же он пришел на нашу встречу. Я очень благодарна ему за это. Обещаю тебе, дорогой бабушка, стать хорошим человеком, научиться петь твои любимые песни. Я буду всегда ухаживать за тобой, штопать твои носки, стирать твои сорочки, буду убирать твою комнату, подавать воду, читать тебе газеты. Я буду всегда рядом с тобой. А теперь, дорогой бабушка, давай споем вместе, если тебе не очень трудно, твою любимую песню!»

Елена подходит к бабушке, дает ему книжку, обнимает, целует. Им подают гитару. Бабушка застенчиво настраивает ее. Они начинают петь «Цицинатела». Постепенно подключаются и другие.

Тя: «Слушайте рассказ Ираклия о своей бабушке».

Ираклий: «Я не знаю, сколько лет моей бабушке Лии, но она очень молодая и красивая. Она детский врач, недавно вышла на пенсию, но отдыха не получается. Теперь она личный врач всех детей нашего большого двора. Иногда мы ссоримся, но вскоре все забываем и опять становимся друзьями. Вечер, пора спать. Бабушка предупреждает: „Ик, ложись!“ „Подожди, — говорю, — хочу посмотреть передачу „Спокойной ночи, малыши““. Передача кончается. „Ик, пора!“ — напоминает бабушка. „Бабушка, хочу чаю!“ „В жизни не видела таких детей!“ — сердится бабушка. Я выпил чаю, раскрыл книжку.

Но кто даст дочитать? Я чувствую, бабушке уже не до шуток, бегу к кровати, ложусь. Бабушка проверяет. „А ты руки вымыл, зубы почистил?“ Разве ее обманешь? „Приведи себя сейчас же в порядок!“ Я неохотно встаю, мою руки, чищу зубы, беру тайком книгу. Жду, пока бабушка по-своему укутает меня в одеяло и выйдет из комнаты. Тогда я зажигаю настольную лампу и опять читаю. А бабушка в это время спокойно смотрит свою любимую передачу. Бабушка, давай тоже споем вместе песенку, хорошо?»

«...В общем, я теперь знаю, в чем тут причина. Она заглянула в мою душу, узнала меня с моими заботами, мыслями, радостями и страданиями. Я для нее уже не столько тот человек, который доставляет ей удовольствия и потому любимый, сколько человек родной, которым можно гордиться.

На днях я открыл свой ящик с орденами и медалями и ахнул: ящик был пуст. Я перевернул всю квартиру, нигде их не обнаружил. Дочка уверяла меня, что ордена мои лежат спокойно в каком-то другом ящике и когда-нибудь мы их обязательно найдем. А сегодня все мои награды я увидел в школе: они были аккуратно приколоты к моему офицерскому мундиру. В пакете же, который приготовила мне внучка, я нашел 15 маленьких книжек с рассказами о моих орденах и медалях. Значит, это правда, что она рассказывала всем вам обо мне, читала эти книжки, гордилась мною, так ведь?»

Георгий: «Дорогие бабушки и дедушки, у нас к вам несколько вопросов. Пожалуйста, ответьте на них...»

Илико: «Любили ли вы шалить, когда были маленькими? Расскажите о ваших шалостях».

Дедушка Нодар: «Я был большим шалуном. Однажды отец припугнул меня: „Я тебя накажу!“ Я перепугался и не пошел домой, ночевал в подвале. Дома все страшно пере-

положились — где только ни искали меня, нигде не нашли. Искала меня даже милиция, все соседи из нашего большого дома. Я всего этого не знал, всю ночь просидел в грязном и сыром подвале, озяб и боялся, как бы крысы не искусали меня. А когда на другое утро пришел домой измученный, отец так обрадовался и прижал меня к себе, что чуть ребра не переломал. Потом я узнал, что отец совсем не помнил о своей угрозе, а бабушка всю ночь плакала... Вот и подумайте сами, какой это был поступок...»

Бабушка Маро: «Конечно, мы тоже шалили. В детстве я росла в деревне. Мне было запрещено купаться в речке. Однажды, когда бабушка и дедушка работали на огороде, я воспользовалась случаем и бросилась к речке. Течение унесло меня, и я начала звать на помощь. Бабушка, увидев, как река несет меня, упала в обморок, а дедушка побежал спасать меня, вытащил меня из воды. Не будь тогда его там, я погибла бы...»

Бабушка Тамара: «Я догадываюсь, почему вы задали этот вопрос. Вам хочется узнать, почему мы запрещаем вам шалить, если мы сами когда-то шалили, не так ли? Так вот что я вам скажу: ваше дело шалить, а наше — бдительно следить за вами, присматривать, предупреждать опасные для вашей жизни шалости...»

Георгий: «У нас к вам большая просьба, дорогие бабушки и дедушки! Дайте нам ваши мудрые наставления о том, как крепить нашу дружбу с вами. К чему вы нас призываете?»

«...Вчера она принесла мне приглашенный билет, такой красивый... „Моему любимому дедушке Паплику“, — было написано сверху. „А нам приглашенные не нужны?“ — спросила ее мама. „Мы приглашаем только дедушек и бабушек, больше никого!“ — сказала она. В приглашенном было написано: „Дорогой дедушка! 28 мая мы проводим урок только для наших дедушек и бабушек. Прошу тебя, обязательно приходи

на этот урок, не опаздывай. Звонок зазвонит ровно в 11 часов утра. Урок будет длиться 100 минут. Придешь, не подведешь, правда? Целую тебя. Черпина — твоя внучка“.

Пригласительный билет меня воодушевил, я был горд: урок только для меня, для дедушек и бабушек! Меня приглашает внучка, которая мне кажется, родилась только вчера! Сегодня утром она рано пошла в школу, но успела предупредить меня: „Дедушка, придешь ведь? Смотри не опаздывай!“ И хотя мне нездоровилось, все же пересилил себя и пришел в школу на полчаса раньше. Думал, что приду первым, но в коридоре я увидел многих других дедушек и бабушек. Они с любопытством осматривали выставки, удивлялись. Я почувствовал: все они были охвачены каким-то радостным предчувствием, хотя никто не знал, что это будет за урок...»

Тя: «Ваши наставления мы тут же запишем на плакаты и вывесим в классе... Они должны быть короткими...»

Дети сразу ставят в центре класса три столика со стульчиками. На столиках разворачивают плотные бумаги большого формата, на которых уже нарисованы рамы — гирлянды цветов и узоров. За столики садятся Ния, Магда и Зурико. У них в руках фломастеры.

Георгий: «Кто желает первым продиктовать свое доброе наставление?»

Дедушка Алекси диктует, а Ния записывает на плакате цветными фломастерами:

***Я сержусь, когда вижу, что мой внук
не бережет мой труд.***

***А когда вижу, что он сам его
обогащает, я счастлив.***

Дедушка Алекси

Бабушка Наташа диктует, Магда записывает (тем временем дети вешают на стене плакат с наставлением дедушки Алекси).

Для прикованной к постели бабушки (и, наверное, дедушки тоже) самое успокоительное лечебное средство — это чуткость, ласка и отзывчивость внука и внучки.

Бабушка Наташа

Бабушка Натела диктует, Ния записывает:

Ты же любишь, когда тебя радуют дедушка и бабушка?

Так помни: они тоже любят, когда их радуют внук и внучка!

Бабушка Натела

Дедушка Нодар диктует, Магда записывает:

Когда бабушка (дедушка) просит принести ей (ему) стакан воды, а ты делаешь это с готовностью, с радостью, то знай: ты несешь ему (ей) не стакан воды, а море счастья.

Дедушка Нодар

Все плакаты с наставлениями дедушек и бабушек вывешивают на стены.

Георгий: «А теперь мы прочтем вам стихи, споем песни, исполним для вас танцы, будет и спектакль нашего кукольного театра... Только скажите, пожалуйста, вы не устали?»

«...Потом Вы пригласили нас в класс. Детей там не было. В классе нас потрясли эти удивительно добрые и красивые выставки, детские работы, эти пакеты. Зарядно мы поняли, как важна наша роль в воспитании детей. Вы говорите — „дети 80-х годов...“. Значит, нужно говорить и о бабушках и дедушках 80-х годов XX века. Современным детям нужны современные воспитатели... Несмотря на возраст, мы не имеем права отстаивать от жизни.

А что было дальше? Вспоминаю как радостную сказку: дети говорили о своих бабушках, дедушках и обо мне тоже говорили. Заставили даже сыграть на гитаре и спеть песню. Мы почтили память ушедших из жизни бабушек и дедушек. Мы смеялись, когда дети рассказывали, как они подшучивают над нами, какие мы проявляем чудачества. Вы, наверное, заметили: многие из нас плакали от наплыва радостных чувств, когда дети так искренне говорили, как они любят нас...»

Тя: «Дорогие наши дедушки и бабушки! Сотая минута нашего урока подходит к концу... Большое вам спасибо...»

Каждый из ребятишек берет свои колокольчики и звонит в них...

«...Далее они задавали нам умные вопросы, и я подумал: прожитое нами детство теперь должно служить нам опорой в воспитании наших внуков и внучек. Они просили нас дать им какое-нибудь мудрое наставление в жизни... Потом дети читали нам стихи о дедушках и бабушках, и мы опять расчувствовались. Дети по-

просили некоторых дедушек и бабушек потанцевать вместе с ними... Потом мы сфотографировались... Я смотрел на мою Чертину, на других детей: как им хорошо, интересно, радостно живется в школе, как они Вас любят...

После этой встречи, верю, у нас с Черпиной начнется куда более интересная жизнь. Наша дружба, взаимность станут крепче и глубже. Вот за что Вам, дорогой учитель, большое спасибо! Посылаю Вам в подарок эту драгоценную для меня книгу Януша Корчака. Вам она нужнее».

Дедушка Черпины

P.S. Посмотрите, пожалуйста, 60-ю страницу этой книги.

Бабушки, дедушки подходят ко мне, благодарят. У некоторых на глазах блестят слезы. Чувствую, что-то важное произошло сегодня в их жизни.

— Удивительный был урок!

— Я так расчувствовалась!

— А внуки у нас правда хорошие!

— Видимо, нам нужно научиться понимать их!

— Можно взять на память эти газеты?

— Вы провели для нас отличный урок воспитания...

— Не думала, что мой Котэ может так глубоко чувствовать.

— Знаете, вы помогли нам улучшить наши взаимоотношения...

— Дорогие бабушки и дедушки, можно дать вам несколько советов о том, как воспитывать своих внучат?

— Конечно, это было бы очень хорошо!

— Тогда вот вам мои пакеты. Откройте их на досуге и почитайте.

В каждом пакете лежит лист бумаги, на котором на машинке отпечатано следующее:

«Дорогие бабушки и дедушки!

Предлагаю вам несколько советов о воспитании внуков и внучек.

1. Свою любовь и преданность детям не превращайте на деле в услужливость и рабское повиновение.

2. Не берите на себя детские заботы, которые нужны им самим для самовоспитания.

3. Не балуйте их бессмысленным множеством подарков и доставкой удовольствий.

4. Не проявляйте по отношению к ним мелочной опеки.

5. Рассказывайте им почаще о себе, о своем детстве, о своей работе.

6. Раскройте им свою душу, доверьтесь им свои сомнения, горести, переживания.

7. Секретничайте с ними, играйте и гуляйте вместе с ними.

8. Показывайте им примеры смелости, отзывчивости, трудолюбия.

9. Давайте им трудиться рядом с вами.

10. Говорите с ними как со взрослыми.

11. Не напоминайте им, что они еще маленькие.

12. Старайтесь вовлекать их в дела, в которых они почувствуют себя взрослыми.

13. Заботьтесь о том, чтобы у них создавалось яркое представление о вас как о новом человеке.

14. Не забывайте, что ваш образ должен воспитывать их и после того, как вас уже не будет в живых.

Будьте, пожалуйста, последовательны в вашем общении с внуком и внучкой!»

...Мы спускаемся в школьный парк, там нас ждет фотограф.

— Кого Вы хотели сегодня воспитать? Не нас ли? — спрашивает меня дедушка. Он спускается по лестнице медленно, я его поддерживаю.

— Детей, конечно!

— Нет, не только... Вы на этом уроке воспитывали не только детей, но и нас тоже...

— Мы все друг друга воспитываем, — говорю бабушке, — воспитывая детей, я сам тоже воспитываюсь в какой-то мере...

Фотографу долго приходится нас устраивать: разве легко удержать на месте 38 шариков ртути и разве легко найти удачную расстановку более 100 человек, чтобы каждый из них хорошо был виден на фотографии?

— Смотрите в объектив... Не шевелитесь... Все!

И он опять устраивает нас — меня с детьми, теперь уже без бабушек и дедушек.

Снимок, который он сейчас сделает, спустя много-много лет сегодняшние мои ребяташки будут рассматривать с огромным интересом, с легкой горечью о прожитом детстве.

— Это Элла, она совсем не изменилась... Это Лери, ой, какой он был шалун... А это кто? Неужели это Зурико?! Это Ния, как она хорошо рисовала! Это Иракий, тихий, спокойный, где он сейчас? Вот Котэ, наш композитор! Вот Магда... Сандро... Елена... Такими мы были тогда, когда закончили второй класс и перешли в третий!

— Раз... Два... Три... Все, можете расходиться, — говорит фотограф.

Дети обнимают меня; бабушки, дедушки жмут руки, они медленно расходятся. А в школьном парке с шумом собираются ребяташки из других классов. Их тоже ждет фотограф, чтобы снять на память об окончании учебного года...

«P.S. Посмотрите, пожалуйста, 60-ю страницу этой книги. Там я обозначил абзац для Вас. Не этой ли идее Вы следуете?»

Я раскрываю 60-ю страницу избранных педагогических произведений Януша Корчака и тщательно выписываю от-

Как живете, Дети?

меченный старческой рукой абзац: **«Воспитатель, который не сковывает, а освобождает, не подавляет, а возносит, не комкает, а формирует, не диктует, а учит, не требует, а спрашивает, — переживет вместе с ребенком много вдохновляющих минут, не раз следя увлажненным взором за борьбой ангела с сатаной, где светлый ангел побеждает».**

Оглавление

КАК ЖИВЕТЕ, ДЕТИ?

I. Педагогическая муза	5
II. Он не Робинзон какой-нибудь.....	22
III. Сделать обстоятельства человеческими	83
IV. Так же, как Орфей	118
V. Добрые чувства и благородные поступки	153
VI. Кого я воспитываю	220

Розничный магазин

м. Красносельская / Комсомольская,
ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1,
тел.: 8 499 264 13 60

В магазине представлено
более 10 000 наименований литературы
по ценам издателей
и по тематикам нашего издательства:

- *эзотерика*
- *теософия*
- *философия*
- *восточные методик*
- *практики совершенствования*
- *традиционная и нетрадиционная медицина*
- *астрология*
- *мировые религии и течения*
- *а также аудио-, видео- и сувенирная продукция*

Для членов клуба — постоянно действующие скидки,
книги по предварительному заказу,
встречи с интересными авторами.

Наши новости:

http://vk.com/amrita_rus

Розничная продажа:

м. Красносельская / Комсомольская,
ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1,
тел.: 8 499 264 13 60

Вы можете заказать книги на нашем сайте:

www.amrita-rus.ru

8 (800) 505-70-25 — звонок по всей России бесплатный

Подпишитесь на рассылку с нашего сайта

www.amrita-rus.ru

чтобы получать информацию о новинках
и приобретать книги со скидкой до 20%

Книга — почтой: 107140, Москва, а/я 37

По заявке оптовиков осуществляется электронная
рассылка полного книжного каталога

info@amrita-rus.ru

тел.: 8 499 707 21 20

Амонашвили Шалва Александрович

Основы гуманной педагогики

Книга 6

Педагогическая симфония

Часть 2

Как живете, Дети?

Подписано в печать 24.11.17.
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 14,9.
Доп. тир. 1000 экз. Заказ №

Издание предназначено
для лиц старше 16 лет

ООО «Свет»
107140, Москва, ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1
тел.: 8 499 707 21 20 (многоканальный)
e-mail: info@amrita-rus.ru www.amrita-rus.ru

Книга — почтой: 107140, Москва, а/я 37
тел.: 8 499 264 73 70

Розничный магазин:
ул. Краснопрудная, д. 22а, стр. 1
Тел.: 8 499 264 13 60

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов